НЕ КОПИРОВАТЬ

47/78 НА ОТВ. с 1-178

МОНАРХЪ

(IL PRINCIPE).

801-91
9965-4

сочиненіе

НИКОЛАЯ МАКІАВЕЛЯ.

801-14
152б

перевелъ съ нѣмецкаго

ФЕДОРЪ ЗАТЛЕРЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по Мойкѣ, № 5.
1869.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Іюня, 1868 года.

Новосибирская библиотека имени В. И. Ленина
2199-40
2011142395

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

		Стран.
	Предисловіе нѣмецкаго переводчика г. Реберга	I
	Посвященіе	XXXVII
ГЛАВА I.	Какихъ родовъ бываетъ господство и какими средствами оно достигается	1
ГЛАВА II.	О наслѣдственныхъ монархіяхъ	4
ГЛАВА III.	О смѣшанныхъ государствахъ	9
ГЛАВА IV.	Почему царство Дарія, послѣ смерти Александра, не взбунтовалось противъ его наслѣдниковъ	23
ГЛАВА V.	Какъ слѣдуетъ управлять городомъ или государствомъ, имѣвшими, до завоеванія, свои особые законы	28
ГЛАВА VI.	О государствахъ, покоренныхъ государемъ собственнымъ оружіемъ	31
ГЛАВА VII.	О государствахъ, завоеванныхъ при посторонней помощи или пріобрѣтенныхъ счастливымъ случаемъ	37
ГЛАВА VIII.	О тѣхъ лицахъ, которыя достигаютъ верховной власти чрезъ преступленіе	51
ГЛАВА IX.	О верховной власти данной народомъ	59
ГЛАВА X.	Какъ оцѣняется сила правительства	64
ГЛАВА XI.	О государствахъ церковныхъ	68

ГЛАВА XII. О различныхъ родахъ ополченій и о наемныхъ войскахъ 82
ГЛАВА XIII. О вспомогательныхъ войскахъ, смѣшанныхъ и народныхъ. 90
ГЛАВА XIV. Объ обязанностяхъ монарха относительно войскъ 94
ГЛАВА XV. Какимъ образомъ люди, а въ особенности государи, пріобрѣтаютъ похвалу или навлекаютъ на себя порицаніе 98
ГЛАВА XVI. О щедрости и скупости. 101
ГЛАВА XVII. О жестокости и милосердіи, и о томъ, лучше ли внушать любовь, или страхъ . . . 106
ГЛАВА XVIII. Въ какой степени государь долженъ держать свое слово 112
ГЛАВА XIX. Слѣдуетъ избѣгать, сколько ненависти, столько же и презрѣнія. 127
ГЛАВА XX. Полезны ли крѣпости и другія мѣры, почитаемыя нѣкоторыми государями необходимыми. 140
ГЛАВА XXI. Какъ долженъ себя вести государь для пріобрѣтенія большой славы. 146
ГЛАВА XXII. О министрахъ 150
ГЛАВА XXIII. Слѣдуетъ избѣгать льстецовъ. 154
ГЛАВА XXIV. Отъ чего въ Италіи государи потеряли свои владѣнія 158
ГЛАВА XXV. Какое вліяніе на людскія дѣла имѣетъ счастіе и несчастіе, и какъ слѣдуетъ поступать въ томъ и въ другомъ случаѣ. 161
ГЛАВА XXVI. Воззваніе къ Италіи объ освобожденіи себя отъ чужеземнаго господства 168

ПРЕДИСЛОВІЕ

НѢМЕЦКАГО ПЕРЕВОДЧИКА Г. РЕБЕРГА.

Можетъ быть, ни одно политическое сочиненіе не надѣлало столько шума и не имѣло такого вліянія на людскія дѣла, какъ знаменитое сочиненіе Макіавеля «Монархъ». Имя сочинителя, подъ техническимъ названіемъ «макіавелизма», сдѣлалось извѣстнымъ даже простому народу.

Многіе государственные люди, руководствуясь принципами изложенными въ этой книгѣ, оправдывали дѣла, совершенныя ими въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, или то, что еще намѣревались дѣлать — этой книгой. Но этимъ самымъ людямъ, было непріятно видѣть, что все что они дѣлали, какъ будто въ видѣ исключенія изъ общаго правила, выставлено въ книгѣ Макіавеля въ строжайшемъ систематическомъ порядкѣ, въ общихъ правилахъ и потому бросало тѣнь подозрѣнія на ихъ намѣренія. Въ самомъ дѣлѣ, болѣе всѣхъ она осуждалась именно тѣми, которые изъ нея же почерпали себѣ наставленія. Другіе, видя въ правилахъ, изложенныхъ въ «Монархѣ», противорѣчіе съ чистою моралью — родили вопросъ: въ самомъ ли дѣлѣ Макіавель такъ думалъ, или написалъ книгу только въ видѣ сатиры?

Не будучи въ состояніи согласить между собою глубо-

кой наблюдательности автора и вѣрности его взгляда съ тою отвратительною и безстыдною безнравственностью, которой научаютъ его правила, они пришли къ заключенію, что Макіавель изобразилъ только вѣрную картину тираніи и описалъ средства, коими возможно достигнуть престола, съ тою цѣлью, чтобъ представить тирана въ самомъ отвратительномъ видѣ.

Такъ, многіе италіянскіе писатели истолковывали книгу Макіавеля, когда появленіе ея въ печати, возбудило общее неудовольствіе публики *). Такое предположеніе получаетъ нѣкоторое правдоподобіе по противорѣчіямъ «Монарха» съ прочими сочиненіями Макіавеля, а это тѣмъ болѣе удивительно, что «Монархъ» и «Слово о Ливіи» Discorsi sul Tito Livio), очевидно, были писаны не въ разныя эпохи его жизни. Въ одномъ изъ этихъ сочиненій

*) Въ Harleian Miscellanies, London, 1744, въ первой части, стр. 55, былъ напечатанъ переводъ будто бы письма Макіавеля къ его другу Заноби, въ которомъ онъ защищаетъ всѣ свои сочиненія, а въ особенности «Монарха». Онъ говоритъ здѣсь, что это обезславленное сочиненіе есть ничто иное, какъ изображеніе тирана и сатира на него. Письмо писано 1 апрѣля 16 и не имѣетъ подписи, а потому очевидно—ложное. Въ немъ упоминается о герцогѣ Александрѣ, и о великомъ герцогѣ Космосѣ, изъ коихъ первый правилъ Флоренціею въ 1530, а послѣдній въ 1537 году, между тѣмъ какъ Макіавель умеръ 22 іюля 1527 года.

Объ этомъ не стоило бы даже говорить, еслибъ это письмо не было приложено къ одному англійскому переводу Макіавеля 1680 года. Кромѣ того, на это же письмо была сдѣлана ссылка въ одномъ англійскомъ періодическомъ изданіи, какъ будто на доказательство настоящаго образа мыслей Макіавеля. Въ другомъ англійскомъ журналѣ говорится, будто авторомъ этого письма — маркизъ Вартонъ, острякъ, жившій во второй половинѣ XVII столѣтія.

онъ дѣлаетъ ссылки на другое, а изъ этого видно, что онъ пересматривалъ оба сочиненія въ одно время *). Читая безпристрастно книгу «Монархъ», нельзя согласиться съ такимъ предположеніемъ. Она написана такъ положительно и съ такою силою; на каждой страницѣ ея столько правды, что нельзя принять ее за иронію. Такія вѣрныя поученія не могли родиться изъ республиканской ненависти тираніи, съ цѣлью погубить тирана, потому что такимъ способомъ, навѣрное, не была бы достигнута цѣль. Кто знаетъ біографію Макіавеля, тотъ не можетъ повѣрить, чтобъ въ «Монархѣ» онъ изображалъ тирана, подобно тому, какъ въ «Словѣ о Ливіи» онъ объясняетъ теорію республики. Макіавель не былъ равнодушнымъ зрителемъ и простымъ наблюдателемъ политическихъ событій своего времени. Во всѣхъ его сочиненіяхъ преобладаетъ особенный практическій смыслъ. Его «Слово о Ливіи» высказываетъ живѣйшее желаніе поддержать республику и ея славу. Оно написано въ духѣ человѣка, жаждущаго содѣйство-

*) Писатели, собиравшіе свѣдѣнія о книгахъ ими не читанныхъ, часто впадали въ самыя большія ошибки. Они выдавали книгу «Монархъ» за произведеніе юности Макіавеля, между тѣмъ какъ очевидно, что она написана послѣ самаго глубокаго размышленія и наблюденія и есть самый зрѣлый плодъ опытнаго, образованнаго ума. Такое ошибочное предположеніе происходитъ отъ того, что нѣкоторые изъ этихъ писателей, какъ напримѣръ Баиль, смѣшиваютъ Лоренцо Медичи, которому посвящена книга, съ его дѣдомъ, называвшимся тоже Лоренцо Медичи; но его отецъ былъ тоже Петръ, и тоже носилъ титулъ: великолѣпнаго, полученный имъ въ видѣ особой почести. Старшій Лоренцо умеръ въ 1492 году, а книга «Монархъ» написана не прежде 1515 года, что видно изъ того, что въ ней описываютъ происшествія относящіяся къ этому времени.

*

вать ея упроченію. Въ книгѣ «Монархъ» заключаются такіе же убѣдительные совѣты и самыя дѣйствительныя указанія на средства къ удержанію пріобрѣтенной верховной власти, такое же явное пренебреженіе ко всему, что только противорѣчитъ этой цѣли.

Причину этого загадочнаго противорѣчія надобно искать въ тогдашнемъ состояніи Италіи и въ жизни самаго автора.

Вообще, невозможно оцѣнить ни одного замѣчательнаго писателя, не зная характера націи и столѣтія, представителемъ коихъ онъ является. Историческія свѣдѣнія почерпаются отъ современныхъ, туземныхъ писателей, раздѣляющихъ образъ мыслей своихъ соотечественниковъ и изображающихъ не только дѣянія людей, но и побудительныя причины ихъ дѣйствій. Только изъ такихъ источниковъ, а не изъ разсказовъ чужеземцевъ, какъ бы полны ни были послѣдніе, можно составить истинное понятіе о взаимной связи разныхъ историческихъ событій.

Италіянцы отличаются необыкновенною чувствительностью и пылкостью страстей. Они принимаются за дѣло съ жаромъ, никогда ихъ не покидающемъ. Подобно тому, какъ говорятъ о французахъ, что они превращаютъ всякое серьозное дѣло въ шутку и потому сами дѣлаются игрою своего расположенія духа, италіянцы, можно сказать, превращаютъ всякую шутку въ серьозное дѣло. Во всѣхъ дѣлахъ французовъ, главною побудительною причиною бываетъ честолюбіе. Оно высказывается у нихъ различнымъ образомъ, но одинаково сильно преобладаетъ какъ между отборными личностями, такъ и между посредственными. По этому, всѣ разсужденія французовъ о нравственныхъ предметахъ, получаютъ особенный колоритъ,

преобладающій и въ ихъ исторіи. Изъ соединенія раздражительнаго честолюбія съ тончайшимъ соблюденіемъ всѣхъ приличій и веселымъ расположеніемъ духа, не замѣчаемыхъ у другихъ народовъ, происходитъ та перемѣнчивость французовъ, которой въ исторіи италіянцевъ нѣтъ и слѣда. Италіянцы думаютъ о дѣлѣ всегда серьозно. Политическія безпокойства, раздиравшія всю Италію, втеченіи нѣсколькихъ столѣтій, не могли бы продолжаться такъ долго, еслибъ имъ не способствовалъ характеръ италіянцевъ, рѣзко отличающійся отъ духа партій, господствующаго во французской исторіи. Въ италіянцѣ, стойкость соединена съ лукавствомъ, которая однакоже не похожа на лживость перемѣнчиваго человѣка, находящаго удовольствіе дѣлать другихъ своею игрушкою, довольствующагося даже обезьяннымъ ихъ передразниваніемъ.

Всѣмъ извѣстно превосходство политики римскаго двора: церковная интрига, будучи полною организованною системою для достиженія господства, есть самое совершенное произведеніе человѣческаго ума. Этотъ образецъ самой тонкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ, прочной ткани, могъ образоваться только въ Италіи. Эта система имѣла огромнѣйшее вліяніе на образъ мыслей ея государственныхъ людей, потому что они находились въ необходимости, постоянно имѣть въ виду папскій престолъ, который, въ свою очередь, для управленія христіанскою церковью, долженъ былъ вмѣшиваться во всѣ свѣтскія дѣла Италіи. Въ цѣлой Италіи, издревле распространился республиканскій духъ, боровшійся, втеченіи нѣсколькихъ столѣтій, съ разными лицами, кои, пользуясь внутренними безпорядками, происходившими отъ худой организаціи правительствъ, стремились къ верховной власти.

Между всѣми италіянскими республиками, только одна Венеція успокоилась со введеніемъ у себя прочнаго государственнаго строя. Во всѣхъ остальныхъ, одна партія изгоняла другую, подобно тому, какъ въ древнихъ греческихъ республикахъ, разные аристократическіе дома съ своими приверженцами изъ гражданъ и низшаго народнаго слоя, постоянно боролись между собою и изгоняли попеременно однѣ другихъ. Въ особенности, такимъ внутреннимъ раздорамъ было подвержено отечество Макіавеля — одна изъ самыхъ бурныхъ республикъ, когда либо существовавшихъ.

Исторія послѣднихъ столѣтій флорентійской республики, начиная съ 1432 года, когда Космосъ Медичи великій, былъ призванъ обратно принять бразды правленія, до окончательнаго наименованія, въ 1536 году, одного изъ косвенныхъ его внуковъ Космоса I-го, герцогомъ, принадлежитъ къ самымъ любопытнымъ историческимъ эпохамъ. Въ особенности, занимательна вторая ея половина, по многимъ перемѣнамъ происшедшимъ въ образѣ ея правленія, перемѣнамъ, представляющимъ очень много поучительныхъ примѣровъ *).

*) Мы имѣемъ объ этомъ самыя удовлетворительныя свѣдѣнія отъ очень талантливыхъ писателей. Хотя флорентійская исторія Макіавеля оканчивается 1412 годомъ, но въ прочихъ его сочиненіяхъ заключаются свѣдѣнія, дающія ясное понятіе о послѣдующихъ событіяхъ. Кромѣ исторіи Гичіардини, италіянцы имѣютъ много другихъ флорентійскихъ историковъ. Не говоря о неутомимомъ Бенедетто Бархи, подробно описавшемъ всѣ событія, въ коихъ сначала онъ самъ принималъ участіе, а потомъ извлекалъ свѣдѣнія изъ достовѣрнѣйшихъ источниковъ, и объ исторіи честнаго Нарди, въ особенности замѣчательной по свѣдѣніямъ о мечтателѣ-демагогѣ Савонаролѣ, италіянцы имѣютъ еще нѣсколько писателей, которыхъ нельзя не при-

Въ XV столѣтіи, во время преобладанія во Флоренціи двухъ мужей изъ дома Медичи, она наслаждалась спокойствіемъ. Съ послѣднимъ изъ нихъ совпадаетъ юность Макіавеля. Космосъ великій и его внукъ Лоренцо, управляли государственными дѣлами своего отечества какъ простые граждане и имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ очень большое вліяніе на судьбу всей Италіи. Макіавель зналъ ихъ таланты и заслуги. Онъ говоритъ о нихъ съ уваженіемъ, котораго, невзирая на различіе образа мыслей, онъ не могъ не отдать тому, чрезъ кого его отечество достигло славы, могущества и богатства. Макіавель былъ самъ очевидцемъ величія послѣдняго изъ этихъ Медичи. Ему было слишкомъ двадцать лѣтъ, когда умеръ Лоренцо, время принимаемое за эру, съ которой упало благосостояніе и слава Флоренціи. Съ этого времени, честолюбіе иностранныхъ государей, неразсудительное и необузданное властолюбіе вельможъ, неукротимый духъ авантюристовъ и наглыхъ временщиковъ, нанесли Флоренціи рядъ несчастій и бѣдствій. Со смертію Лоренцо Медичи, во Флоренціи начало развиваться то сѣмя зла, отъ котораго, по не-

знать за государственныхъ людей, а именно: Бернардо Сегни, зятя Николая Канони, бывшаго въ 1527—1528 году, во время попытки возстановить республику, во главѣ партіи, желавшей ввести конституцію, основанную на справедливости, и Филиппа Нерли, умнаго республиканца, хорошо знавшаго лицъ, тщетно пытавшихся, по совѣтамъ Макіавеля, возстановить республику. Впослѣдствіи, во время демократическаго фанатизма, Нерли присоединился къ Медичи, которые только одни были въ состояніи защитить его отъ распаленной злобы народа, а при герцогахъ занималъ мѣсто сенатора. Въ его сочиненіи заключаются самыя вѣрныя свѣдѣнія и сужденія объ образѣ правленія, такъ часто подвергавшагося перемѣнамъ. Онъ оканчиваетъ свой разсказъ 1555 годомъ.

имѣнію мужа умѣвшаго искоренить его, погибала и гибнетъ до сихъ поръ Италія. Этими словами Макіавель оканчиваетъ свою флорентійскую исторію, а Гичіардини начинаетъ свою этимъ же замѣчаніемъ, а съ этимъ согласны всѣ италіянскіе историки всѣхъ вообще партій.

Послѣ смерти этого великаго мужа, сынъ его, вмѣстѣ съ своими главными приверженцами, былъ изгнанъ. Втеченіи всего XVIII-го столѣтія, Флоренція была игралищемъ республиканскихъ волненій. Республика, имѣвшая при Лоренцо такое огромное вліяніе на политическія дѣла могущественнѣйшихъ европейскихъ государствъ, честолюбіемъ французскихъ королей была вовлечена, со всѣми остальными италіянскими государствами, въ одну общую пучину. Походы Карла VIII и Людовика XII, подобно морскимъ волнамъ, поглотили всю Италію. Втеченіи этого періода, Макіавель былъ государственнымъ секретаремъ флорентійской республики и болѣе двадцати разъ былъ посланникомъ, по самымъ важнымъ дѣламъ, при разныхъ большихъ и малыхъ дворахъ. Эти порученія дали ему возможность тѣсно сблизиться съ самыми могущественными людьми этого времени, а между прочими съ Пандульфо Петруччи, который, бывъ простымъ начальникомъ партіи, сдѣлался главою Сіены и управлялъ ею, по принципамъ Макіавеля, съ 1487 года до своей смерти, послѣдовавшей въ 1512 году. Петруччи началъ свое звѣрское поприще съ того, что отстранилъ отъ правительства двухъ самыхъ важныхъ лицъ противной партіи, а потомъ, опасаясь вліянія на умы своего тестя Джіовани Боргезе, одного изъ самыхъ значительныхъ лицъ, извѣстнаго своею ученостью, приказалъ его умертвить. Чтобъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ флорентійцами, онъ отдалъ имъ

Монте Пульціано, о владѣніи коимъ флорентійцы давно уже спорили съ сіенцами. Во время политической дружбы Пандульфо съ тогдашнимъ флорентійскимъ гонфалоньеромъ Пьеро Сордини, Макіавель, по словамъ біографа сіенскаго тирана, былъ не только ихъ посредникомъ, но велъ съ Пандульфо самую дѣятельную дружескую переписку *). Въ 1512 году, Медичи возвратились во Флоренцію; но въ первомъ же году, противъ нихъ составился заговоръ, за который главные его зачинщики, Николай Валери и Джіовани Фольчи, заплатили жизнію. Макіавель, какъ участникъ заговора, попалъ подъ слѣдствіе, подвергся пыткѣ, и былъ изгнанъ; но скоро, по большимъ способностямъ, былъ призванъ обратно домомъ, получившимъ во Флоренціи перевѣсъ. Два года спустя, какъ видно изъ недавно напечатанныхъ писемъ Веторія, папа Левъ X-й призвалъ къ себѣ Макіавеля, чрезъ посредство его соотечественника, флорентійскаго посланника въ Римѣ, для того чтобъ посовѣтоваться съ нимъ о запутанности италійскихъ дѣлъ и объ отношеніяхъ ея къ чужеземнымъ странамъ, каковыя дѣла, ему, какъ бывшему государственному секретарю республики, и бывшему посланнику, были хорошо извѣстны. Но вопросъ, какимъ образомъ Медичи употребятъ въ пользу полученное ими въ своемъ отечествѣ господство, лежало ближе всего къ его сердцу.

Предки ихъ управляли государственными дѣлами какъ обыкновенные граждане, изъ своего кабинета, не желая носить никакого особаго высшаго званія. Но времена пе-

---

*) Memorie Storica-critiche della citta dei Siena, che servano alla vita civile di Pandulfo Petrucci del 1480 al 1512 de Giv. An. Pecci Patrizio Sanese. Siena 1755.

ремѣнились. Во Франціи, Испаніи и Германіи, явились могущественные монархи. Италія же, напротивъ, раздиралась внутренними раздорами. Особенно, средняя часть Италіи была наполнена маленькими владѣтелями, позволявшими себѣ все, для достиженія верховной власти въ отеческомъ городѣ. Многіе папы тоже дѣлали, съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ успѣхомъ, попытки, упрочить за своею фамиліею отдѣльныя государства, съ цѣлью, соединить всѣ италіянскія республики и государства въ особую федерацію, имѣя въ главѣ одного могущественнаго государя. Такимъ образомъ, при содѣйствіи двухъ папъ, домъ делла Ровере достигъ титула герцога Урбино. Съ бо́льшимъ еще усиліемъ, Александръ VI-й, сдѣлалъ своего сына Цесаря Боржіо владѣтелемъ Романіи. Левъ X-й, покровительствовалъ своему родственнику иною силою нежели та, которою Александръ покровительствовалъ своего родственнива. То, что испанецъ Боржіо привелъ въ исполненіе посредствомъ своего значенія какъ папа, Левъ исполнилъ посредствомъ вѣса дома Медичи, впустившаго, въ то время, уже глубокіе корни во Флоренціи. Въ духѣ своего времени, онъ не довольствовался упроченіемъ для своей фамиліи того положенія въ отечествѣ, какое занимали его предки. Уже великій Лоренцо отступилъ отъ этого: онъ женился на принцессѣ Орсини и употребилъ все свое богатство на покупку огромныхъ имѣній, болѣе похожихъ на государства, нежели на имущество частнаго человѣка. Левъ X-й возвелъ своего племянника Лоренцо въ герцоги Урбино, и содѣйствовалъ къ доставленію, какъ ему, такъ и его потомству, такого участія въ правленіи, которое по своему объему, а главное, по способу какимъ образомъ оно приводилось въ исполненіе,—имѣло сходство съ тѣмъ господствомъ, ка-

кое Августъ имѣлъ въ Римѣ послѣ уничтоженія тріумвиратства.

Лоренцо былъ начальникомъ военной силы и имѣлъ титулъ magnifico. Ни одного общественнаго дѣла нельзя было рѣшить безъ него. При всемъ томъ, однакоже, всѣ республиканскія формы были сохранены, по наружности. Онъ предоставилъ всѣ административныя мѣста гражданамъ, выбиравшимся однакоже подъ его вліяніемъ. Такъ было въ сущности и при его великихъ предкахъ. Съ незапамятныхъ временъ, верховная власть ввѣрялась, изъ опасенія узурпаціи, только на нѣсколько мѣсяцевъ. Втеченіи нѣсколькихъ столѣтій, верховный совѣтъ республики состоялъ изъ восьми, десяти или двѣнадцати членовъ, подъ названіемъ: Priori dell'arti, Priori della liberta, Otto della pratica, въ которомъ предсѣдательствовалъ гольфоньери, избиравшійся чрезъ каждые два мѣсяца. Лица вступавшія поперемѣнно въ совѣтъ, избирались за нѣсколько лѣтъ впередъ, особымъ комитетомъ изъ гражданъ. Обыкновенно, сильнѣйшая партія, называвшаяся балія (balia), присвоивъ себѣ огромную власть, назначала сама, произвольно, членовъ этого комитета. При такой постоянной перемѣнѣ государственныхъ чиновъ, было необходимо имѣть тайное управленіе общественными дѣлами. Сначала, всѣ дѣла сосредоточивались въ кабинетѣ Медичи, а въ этой-то именно безпрерывной перемѣнѣ правительственныхъ лицъ, дававшей флорентійскому управленію демократическій видъ, заключалось средство для упроченія могущества дома Медичи, составившаго себѣ богатствомъ, родственными связями и умомъ, большое число приверженцевъ изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ. Всякій разъ, когда Медичи возвращались въ свое отечество, они

защищали республиканскія формы, для нихъ столь выгодныя. Кажется, что Левъ X-й хотѣлъ, такимъ же образомъ, управлять своимъ отечествомъ. Но его честолюбивый племянникъ, подражавшій болѣе своему отцу Піеро, изгнанному за неразумное легкомысліе, нежели мудрому дѣду Лоренцо, желалъ бо́льшаго. Макіавель, не имѣя въ виду ни одной столь могущественной партіи, которая могла бы возстановить республику и не имѣя такого большаго вліянія на папу, чтобъ направить его дѣйствія на пользу своего отечества, рѣшился обратиться къ новому герцогу Урбино, и въ сочиненіи «Монархъ» давалъ ему совѣты, какимъ образомъ онъ можетъ достигнуть верховной власти и какъ можетъ удержать ее. О его личныхъ отношеніяхъ съ герцогомъ неизвѣстно ничего. Цѣлая его жизнь, за это время, остается тайною *).

Ранняя смерть, постигшая герцога Урбино въ 1519 году, уничтожила планъ Макіавеля, разсчитанный на предпріимчивости герцога. Послѣ того, пользуясь знакомствомъ съ папою Львомъ, Макіавель представилъ сему послѣднему свой планъ о томъ, какъ водворить во Флоренціи спокойствіе и заслужить признательность флорентійцевъ

*) Источники, изъ которыхъ можно извлечь нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ, еще не тронуты. Въ одномъ изданіи сочиненій Макіавеля, въ которомъ напечатаны многіе, до того времени, неизвѣстные предметы, упоминается, между прочимъ, о кореспонденціи Макіавеля съ его пріятелемъ Біаджіо Буонокорси, подъ именемъ коего напечатанъ дневникъ, коего настоящимъ авторомъ почитаютъ самого Макіавеля. Въ вышеупомянутомъ изданіи говорится, что письма Макіавеля очень поучительны; но невзирая на то, ими, до сихъ поръ, не пользовался ни онъ, ни остальные италіянскіе писатели, хотя Макіавель почитается всѣми за перваго италіянскаго прозаика.

и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣсти на всю жизнь вліяніе на дѣла республики. (Этотъ планъ только недавно явился въ печати.) Всякій, кто знакомъ съ исторіею Флоренціи послѣ смерти великаго герцога, и кто знаетъ, какъ различныя партіи раздирали республику и какъ, въ то время, всѣ граждане и государственные люди желали спокойствія, не можетъ не отдать полной справедливости глубокомыслію автора, выраженному въ этомъ превосходномъ образчикѣ. Мысли Макіавеля не были приведены въ исполненіе, вѣроятно потому, что «планъ» не вполнѣ удовлетворялъ честолюбивымъ видамъ Медичи.

Лоренцо умеръ въ молодости. За нимъ послѣдовалъ папа Левъ, также въ лучшихъ годахъ жизни; но при всемъ томъ, въ положеніи Флоренціи не произошло никакой перемѣны. Многіе главы дома Медичи умирали не достигнувъ старости. Со времени великаго Космоса, ни одно изъ значительныхъ лицъ этого дома не жило болѣе пятидесяти лѣтъ. Послѣ кончины одного Медичи, его мѣсто, обыкновенно, занималъ другой, всегда изъ этого же дома, хотя съ различными способностями и различнымъ счастіемъ. Наконецъ, очередь сдѣлаться главою дома, дошла до Юлія, — первоначально кардинала, а потомъ вступившаго на престолъ подъ именемъ Клементія. Макіавель былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ одною партіею, состоявшею изъ молодыхъ людей лучшихъ домовъ Флоренціи, и написалъ для ихъ поученія «Слово о Ливіи» посвященное Зенобію Буондельмонти и Косимо Ручелаи. Эта партія учредила клубъ, получившій названіе отъ сада Ручелаи, въ которомъ она собиралась,—составила планъ для возстановленія республики и представила его кардиналу Джіуліо; но она ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ. И

въ этомъ дѣлѣ, какъ всегда,—Джіуліо только подтвердилъ свою скрытность и фальшивость, коими отличался во всю свою жизнь. Онъ, или вовсе не имѣлъ серьознаго намѣренія, или перемѣнилъ его, когда удостовѣрился, куда поведутъ составленные планы. Но патріоты не шутили. Они готовились привести свой планъ въ исполненіе, хотя бы насильственнымъ образомъ, столкнувъ съ дороги мѣшавшаго имъ кардинала (1523). Но заговоръ былъ открытъ. Луиджи Аламани и Якопо ди Діацето были казнены. Зеноби Буондельмонти, другой Людовикъ Аламани (которому Макіавель посвятилъ біографію Каструччіо Кастракани), Батиста делла Палла, Антонъ Бруччіоли и нѣсколько другихъ приверженцевъ изъ низшаго сословія, были изгнаны. Макіавель, будучи также замѣшанъ въ этомъ заговорѣ, скрылся *). Медичи чувствовали себя, въ то время, еще слишкомъ слабыми, чтобъ вполнѣ подавить республиканскій духъ флорентійцевъ. Они старались только усыпить этотъ духъ и заставить забыть послѣднія событія. Кардиналъ опасался раздражить противъ себя жителей, чтобъ не повредить своему намѣренію относительно папскаго престола. По вступленіи же его на этотъ престолъ, Макіавель опять старался съ нимъ сблизиться и получалъ важныя порученія, какъ отъ него, такъ и отъ флорентійскаго правленія. Нѣсколько лѣтъ спустя, обстоятельства опять благопріятствовали попыткамъ къ возстановленію республики. Въ 1527 году, Медичи опять были изгнаны, и во Флоренціи была провозглашена республика.

*) Эти свѣдѣнія находятся въ исторіи Филиппо де Нерли, лично знавшаго всѣхъ вышеупомянутыхъ лицъ, а въ особенности Макіавеля и желавшаго этой партіи успѣха.

Тогда Макіавель явился опять въ своемъ родномъ городѣ. Но всѣ старанія друзей его—Зенобія Буондельмонти и Луиджи Аламани, объ избраніи Макіавеля въ число десяти членовъ государственнаго совѣта, коимъ было поручено управлять государственными дѣлами, не удались, по нерасположенію народа къ совѣтнику Медичи и автору книги «Монархъ». Тщетно старался онъ уничтожить сочиненіе, сдѣлавшее его образъ мыслей подозрительнымъ *). Вѣроятно, большое вліяніе на послѣдовавшую вскорѣ послѣ того смерть его, имѣла неудача его опять возвыситься **).

*) Varchi Istoria fiorentina. Слѣдовательно уже въ то время оно было извѣстно. Это обстоятельство опровергаетъ предположеніе будто бы «Монархъ» былъ написанъ въ видѣ тайнаго совѣта тому государю, которому былъ посвященъ. Это выражаетъ г. Домъ въ своихъ размышленіяхъ «О достопримѣчательныхъ происшествіяхъ моего времени» (часть 5, стр. 97), сочиненія, о которомъ нельзя вспомнить безъ уваженія благороднаго образа мыслей ея автора. Притомъ же, самый тонъ сочиненія «Монархъ» противорѣчитъ предположенію, будто это совѣтъ государямъ. Еслибъ это былъ совѣтъ, то авторъ говорилъ бы что нибудь о современныхъ обстоятельствахъ и о мѣрахъ, которыя нужно принять какъ противъ соперниковъ, домогавшихся получить верховную власть въ Италіи, такъ и противъ разныхъ государствъ, а для этого Макіавель былъ достаточно искусенъ, что доказываютъ его донесенія флорентійскому правительству во время его посольствъ. Но книга «Монархъ» имѣетъ совершенно характеръ литературнаго произведенія. Въ этомъ отношеніи, она превосходитъ все то, съ чѣмъ ее можно бы сравнить и даже всѣ остальныя сочиненія Макіавеля. Возможно ли допускать, чтобъ онъ не желалъ передать потомству такое сочиненіе?

**) Смотри Bandini. Collectio veterum aliquot Monimentorum ad historiam praecipue litterariam pertinentium. Arretii. 1752, стран. 31.

Два года спустя, республика, возникшая среди самыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, при народномъ энтузіазмѣ, была низвергнута соединенными силами папы и императора. Когда папа Клементій VII-й, послѣ покоренія, съ помощью императора Карла V-й, республики, началъ въ ней распоряжаться произвольно, друзья Макіавеля возобновили, въ послѣдній разъ, свои попытки возстановить республику. Они просили папу, при назначеніи племянника его Александра правителемъ Флоренціи, оставить въ ней нѣкоторыя республиканскія формы. То же самое Макіавель совѣтовалъ папѣ Льву X-му. Но Клементій не согласился на главную часть этого проэкта, т. е. на участіе гражданъ въ правительствѣ. Правда, сначала онъ оставилъ въ ней какъ бы призракъ республиканскаго правленія, но скоро отмѣнилъ и это. Въ 1531 году, Александръ сдѣлался самодержцемъ. Онъ не былъ способенъ, ни къ добру, ни ко злу, а возвысившись только посредствомъ чужаго могущества, пользовался своимъ возвышеніемъ какъ истинное дитя счастія: scortis et adulteries principem agebat *). Онъ предпочиталъ пиры и маскарады государственнымъ занятіямъ, для которыхъ у него хотя и было достаточно способностей, но мало охоты. Послѣ пятилѣтняго управленія Флоренціею, онъ получилъ отъ своего племянника Лоренцо Медичи достойную награду за свое ничтожество; но умерщвленіе его не принесло никакой пользы флорентійской республикѣ. Въ 1536 году, въ герцоги былъ избранъ другой Медичи—Космосъ, который, подавивъ республиканскую партію, дѣлавшую подъ предводительствомъ Филиппа Строцци послѣднюю попытку,—

*) Такъ говоритъ Тацитъ о Домиціанѣ.

сдѣлался настоящимъ самодержцемъ Флоренціи. Космосъ Медичи успокоилъ, наконецъ, народъ: онъ усмирилъ непослушныхъ, смягчилъ нравы, уничтожилъ всѣ опасныя для него силы, отличалъ таланты, осыпалъ подарками, уважалъ всѣхъ, кто имѣлъ на то право *), но уничтожилъ роды мужей, блиставшихъ до его времени, подобно свѣтлымъ звѣздамъ въ исторіи развитія человѣческаго духа.

Макіавель жилъ въ серединѣ этого періода (съ 1469 до 1527 года). Въ городѣ, наполненномъ талантами, въ которомъ процвѣтали искусства и науки, между народомъ, отличавшемся яснымъ умомъ и пылкими страстями, среди бурь и катастрофъ, столь обыкновенныхъ въ непрочномъ правительствѣ, Макіавель былъ постоянно дѣятелемъ. Занятія государственными дѣлами образовали его умъ.

Только собственному опыту онъ былъ обязанъ тому, что научился отъ древнихъ писателей болѣе нежели другіе съумѣли извлечь изъ нихъ. Этотъ опытъ далъ его разсужденіямъ о древней исторіи и о современныхъ событіяхъ, тотъ вѣрный взглядъ, которому въ особенности надо удивляться, при сравненіи его замѣчаній съ тѣми событіями, которыя постигли его отечество послѣ его смерти. Обстоятельства, въ которыхъ онъ находился, раскрыли ему внутреннее состояніе республики и тайну государей. Онъ понималъ политику каждой партіи, а иногда принадлежалъ къ такой, которой виды были совершенно противоположны его собственному мнѣнію.

Онъ любилъ тотъ образъ правленія, при которомъ ро-

*) Онъ наименовалъ пятьдесятъ такихъ мужей государственными совѣтниками, назначивъ имъ огромное жалованье, имѣя въ виду, чтобъ они не имѣли надобности заботиться о своемъ содержаніи.

дился и для котораго трудился такъ долго и столь блестящимъ образомъ. Кажется, однакоже, что были минуты, когда онъ самъ сомнѣвался въ возможности учредить во Флоренціи прочную республику. Въ семнадцатой главѣ, третьей книги «Discorsi» онъ самъ говоритъ, что испорченный народъ не въ состояніи долго сохранить свою свободу; а въ слѣдующей главѣ, что очень трудно получить обратно потерянную однажды свободу. Здѣсь онъ говоритъ прямо, что такому народу болѣе всего приличествуетъ самодержавіе одного лица. Такое примѣненіе было очень близко къ его отечеству.

Въ началѣ седьмой книги своей исторіи, онъ замѣчаетъ, что внутреннія несогласія составляютъ жизнь республики, увеличивая ихъ силу только до тѣхъ поръ, пока народъ не привяжется къ какимъ нибудь отдѣльнымъ личностямъ, или родамъ. Съ наступленіемъ такой преданности народа къ одному дому, государство слабѣетъ и вообще уничтожается главное свойство республики. Во Флоренціи, говоритъ онъ, несогласія были самаго вреднаго свойства. Это происходило оттого, что флорентійцы не умѣли ни сохранить свою свободу, ни терпѣть рабства *).

Въ самомъ дѣлѣ, при разборѣ исторіи Флоренціи, а въ особенности послѣднихъ ея катастрофъ, оказывается, что эта республика, въ худшія ея времена, была ничто иное, какъ бѣдственная анархія, прикрытая самодержавіемъ въ хорошемъ нарядѣ.

О прежнихъ временахъ Макіавель говоритъ, въ началѣ третьей книги своей исторіи, слѣдующее: «Внутреннія несогласія, возбудившія въ Римѣ соперничество и борьбу,

*) Istoria fiorentina, libr. 2.

обратились во Флоренціи въ партіи и междоусобныя войны. Въ Римѣ, онѣ были причиною изданія новыхъ законовъ; во Флоренціи же оканчивались всегда умерщвленіемъ или изгнаніемъ значительнѣйшихъ гражданъ. Въ Римѣ, онѣ служили къ возвышенію нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей; во Флоренціи же онѣ уравнивали всѣхъ. Въ Римѣ, народъ желалъ имѣть право на почести, наравнѣ съ патриціями; во Флоренціи же народъ самъ хотѣлъ господствовать. Поэтому, здѣсь, новые законы, устанавливавшіеся насильственнымъ образомъ, были несправедливы къ дворянству. Въ Римѣ, низшее сословіе, мало по малу, развивалось и дѣлалось способнымъ занимать государственныя мѣста, за коими оно гналось, а съ его возрастающею силою и талантами, государство пріобрѣтало могущество. Во Флоренціи, благородные были лишены государственныхъ мѣстъ, а чтобъ получить право на занятіе государственныхъ должностей, должны были сравняться съ толпою. Благородныя качества, коими нѣкоторые плебеяне въ Римѣ старались сравняться съ патриціями, были подавлены во флорентійскомъ дворянствѣ. Такимъ образомъ, государство постепенно падало и дѣлалось презрительнѣе. Подобно тому, какъ своеволіе гражданъ довело до того, что Римъ не могъ уже существовать безъ господства, во Флоренціи дошло до того, что нужно было только явиться искусному человѣку, чтобъ установить въ ней какой бы то ни было образъ правленія.

Старыя распри дворянства съ народомъ, о коихъ упоминаетъ Макіавель, кончились, въ серединѣ XIV столѣтія, тираніею герцога Аѳинскаго *), восшедшаго на пре-

*) Готье де Бріенъ (Gaulthier de Brienne), носившій титулъ герцога аѳинскаго, по праву наслѣдства одного крестоносца.

столъ при помощи неаполитанскихъ войскъ. Послѣ его изгнанія, народъ опять раздѣлился: на партію гражданъ и на партію черни, раздиравшія государство до тѣхъ поръ, пока въ XV-мъ столѣтіи, домъ Медичи доставилъ ему своимъ могуществомъ спокойствіе, нарушавшееся однакожъ, время отъ времени, насильственными катастрофами. Со смертію Лоренца Медичи, послѣдовавшей въ 1492 году, весь домъ Медичи былъ изгнанъ и во Флоренціи опять ожилъ духъ демократіи. Но въ государствѣ, въ которомъ такъ мало было чувства гражданственности, а преобладалъ духъ партій, было невозможно устроить какое бы то ни было прочное правленіе. Домъ Медичи, управлявшій государственнымъ кормиломъ Флоренціи съ такою славою и честью для своего отечества, втеченіи шестидесяти лѣтъ (съ 1432 до 1492 г.) и сохранившій, по возможности, внутреннее ея спокойствіе, достигалъ этого только тѣмъ, что дѣйствовалъ посредствомъ одной аристократической партіи, сохраняя вполнѣ республиканскія формы, не допуская однакоже народъ ни къ какому участію въ правленіи. Домъ этотъ управлялъ Флоренціею, по нынѣшнему выраженію: революціоннымъ образомъ. Медичи утверждали, въ чемъ Макіавель ихъ упрекаетъ, будто Флоренціею невозможно управлять иначе, какъ посредствомъ особой чрезвычайной мѣры, возобновляя ее каждые пять лѣтъ (ripigliar le Stato). Эта мѣра заключалась въ томъ, чтобъ опасныхъ гражданъ, произвольно, удалять изъ города и лишать занимаемыхъ мѣстъ, съ замѣщеніемъ ихъ, также произвольно, другими, соблюдая однакоже притомъ всѣ установленныя формальности. По словамъ Макіавеля, это значило: каждые пять лѣтъ наводить на всѣхъ гражданъ такой же страхъ и ужасъ, какъ

сначала, при овладѣніи престоломъ, когда Медичи подвергали самымъ жестокимъ наказаніямъ всѣхъ дѣйствовавшихъ, по ихъ увѣренію, какъ дурные граждане.

Хороша, въ самомъ дѣлѣ, республика, въ которой только по наружности существуетъ равенство и соблюдаются всѣ формы, и хотя граждане участвуютъ въ публичныхъ дѣлахъ, но на самомъ дѣлѣ только одинъ домъ правитъ произвольнѣе всякаго самодержца, гдѣ этотъ домъ удаляетъ всѣхъ кого боится. По истинѣ, Космосъ былъ великій человѣкъ; но Лоренцо былъ еще выше его! Можно ли называть свободнымъ то государство, въ которомъ одинъ домъ правитъ неограниченно, а всѣ остальные, значительные и богатые граждане, по невозможности добиться правды, находятся въ необходимости прибѣгать къ заговорамъ? гдѣ Содерини должны унижаться до кліентовъ, а Паци*) и прочимъ соперникамъ правителя, не остается ничего, кромѣ тайныхъ убійствъ, а самъ Лоренцо Медичи не увѣренъ въ безопасности своей жизни.

Такъ отзывался Макіавель объ образѣ правленія своего отечества до изгнанія Медичи. Это доказывается всѣми его сочиненіями. Восхваляя великихъ людей этого дома, онъ однакоже нигдѣ не порицаетъ его соперниковъ и даже самыхъ заговорщиковъ.

Хотя послѣ изгнанія этой господствовавшей партіи, во Флоренціи, возстановилось въ 1494 году, республиканское правленіе, но ни демократическій фанатизмъ Савонарола,

*) Первою причиною знаменитаго заговора Паци противъ Медичи, было слѣдующее обстоятельство: при женитьбѣ Паци на одной богатой наслѣдницѣ, ее лишили права наслѣдства, подъ предлогомъ неясности законовъ, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобъ въ угожденіе Медичи, ослабить домъ его соперника.

котораго народъ почиталъ сперва за пророка, а потомъ, когда нѣкоторыя его пророчества не понравились, тотъ же народъ ликовалъ при его сожженіи; ни честный другъ республиканскаго равенства и справедливости, Піеро Содерини, который, будучи нѣсколько лѣтъ гонфолоніеромъ Флоренціи, тщетно старался упрочить правленіе—не были въ состояніи устроить во Флоренціи ничего прочнаго. Послѣдняго Макіавель упрекаетъ въ томъ *), что онъ имѣлъ глупую надежду успокоить всѣ броженія въ государствѣ, посредствомъ терпѣнія и благодушія, а вражду заглушить посредствомъ благодѣяній, и что думалъ, что возможно личнымъ примѣромъ заставить уважать законы. Такое поведеніе можетъ дѣйствительно доставить всеобщее уваженіе. Такого человѣка будутъ превозносить даже враги общественнаго спокойствія, но только потому, что его добродѣтели облегчаютъ ихъ игру. Еще болѣе яркими красками Макіавель описалъ своего демократическаго друга и покровителя, въ своей эпиграммѣ: «Въ ту ночь, говоритъ онъ, когда Піеро Содерини умеръ, его бѣдная душа снизошла въ адъ. Безумная душа, сказалъ ей Плутонъ, зачѣмъ ты пришла сюда? Иди въ прудъ невинныхъ дѣтей!»

Макіавель утверждаетъ, и справедливо, что для того чтобъ получить возможность возстановить силу законовъ, Содерини слѣдовало присвоить себѣ огромную власть. «Если, говоритъ онъ **), въ испорченномъ дѣлѣ можно еще на что нибудь надѣяться, то только отъ мужа энергическаго, который сперва самъ сдѣлается господиномъ,

*) Discorsi. Lib. III, cap. 3.
**) Тамъ же. Lib. I, cap. 18.

съ тѣмъ, чтобъ впослѣдствіи подарить своимъ соотечественникамъ свободныя учрежденія. Иначе этого невозможно достигнуть.»

Но надобно полагать, что лице обладающее качествами, посредствомъ коихъ оно можетъ достигнуть верховной власти, употребитъ ихъ не такъ. Это безъ сомнѣнія было извѣстно и Макіавелю *). При всемъ томъ, однакоже, Макіавель могъ составить свой планъ съ тѣмъ предположеніемъ, что если онъ не исполнится прежде, то можетъ исполниться послѣ, другимъ способомъ. Того, кто рожденъ для дѣятельности, ни собственное правильное сужденіе, ни совершенное знаніе свѣта, ни даже самое глубокое убѣжденіе въ невозможности предпріятія, не могутъ удержать отъ попытокъ, находимыхъ имъ самимъ неисполнимыми. Убѣждаясь самъ, что лучше бы бросить всѣ планы, если нужныя для того орудія негодны, смѣясь самъ надъ пустою надеждою тѣхъ, которые посредствомъ слабыхъ и глупыхъ людей надѣются совершить дѣла, для исполненія коихъ нужна сила, умъ и твердость, онъ, въ тоже самое время, самъ сочиняетъ планы, для которыхъ необходимы — умъ, смѣлость и твердость. Человѣкъ съ большимъ умомъ, мимовольно составляетъ планы годные только для умныхъ и смѣлыхъ людей, подобно тому, какъ здоровое дерево даетъ хорошіе плоды.

Это не есть политическая мечта. Подобные люди существуютъ въ самомъ дѣлѣ. Наибольшія дѣла совершаются посредствомъ такихъ людей, которые не думаютъ о томъ, возможенъ ли ихъ планъ; которые не выжидаютъ благопріятныхъ обстоятельствъ или случая, а бросаются на

*) Discorsi. Lib. I, cap. 18.

дѣла съ отвагою и съ увѣренностью удачи и съ надеждою, что имъ помогутъ обстоятельства. Иногда, въ самомъ дѣлѣ, они получаютъ неожиданную помощь. Одушевляя другихъ, они созидаютъ новую силу, которой прежде не существовало, силу, которая не могла бы родиться безъ особаго побужденія.

Конечно, все это не можетъ быть примѣнено къ Макіавелю, потому что онъ всегда принималъ въ соображеніе возможность исполненія. Но когда рѣшительно сдѣлалось невозможнымъ поддерживать образъ правленія прежняго счастливаго времени, и необходимость заставила подчиниться новымъ условіямъ, то понятно, что и истинные друзья гражданскаго равенства, не только могли придти къ убѣжденію, что нужно отъ него отказаться, но, чтобъ хотя по возможности помочь безвыходному положенію своего отечества, сами начали помогать образованію какого нибудь болѣе сноснаго положенія. Такъ случилось впослѣдствіи, когда послѣ паденія Филиппа Строци, закрылся послѣдній путь къ возстановленію республики; когда все имѣвшее связь съ прежнимъ порядкомъ исчезло подобно сновидѣнію; когда уже не существовало ничего, на чемъ было бы возможно основывать какія нибудь надежды, а новыя обстоятельства и быстро возраставшее могущество Карла V, непремѣнно вымогало, чтобъ Флоренція имѣла собственнаго государя, могущаго, при покровительствѣ императора, твердо сидѣть на престолѣ, — тогда и самые умные и самые значительные люди, по необходимости, покорились герцогу.

Въ такихъ обстоятельствахъ, но только именно въ такихъ, — и самые честные граждане могли перейдти на сторону господствовавшей партіи. Макіавель поспѣшилъ

этимъ шагомъ, но, какъ оказалось впослѣдствіи, сдѣлалъ этотъ шагъ слишкомъ опрометчиво.

Уже въ его время, въ Италіи случились обстоятельства, требовавшія большихъ перемѣнъ. Французы, испанцы и нѣмцы, спорили между собою о владѣніи этимъ прекраснымъ краемъ. Внутренніе раздоры ослабили Италію до такой степени, что казалось, будто вопросъ шелъ уже только о томъ, какое иностранное государство будетъ въ ней господствовать? Между тѣмъ народъ ненавидѣлъ одинаково всѣхъ иноземцевъ, со страстью свойственною всѣмъ южнымъ народамъ, подобно тому, какъ ненавидятъ всѣ народы угнетенные несправедливостями. Какимъ путемъ, спрашивается, италіянцы могли, въ то время, получить снова свою независимость, — высшее благо и необходимое условіе возможнаго счастія для каждаго народа, имѣющаго особый образъ мыслей, особые нравы, особый языкъ, законы и образъ правленія? Для этого было необходимо, соединить всѣ разрозненныя народныя силы и дать имъ одно направленіе, а въ то время, это едва ли было возможно исполнить другому, кромѣ Медичи. Если Италія не будетъ въ состояніи свергнуть съ себя ига иностранцевъ, и для спасенія отечества не остается другаго средства, какъ подчиниться Флоренціи,—то пусть же Лоренцо господствуетъ во Флоренціи, а вмѣстѣ съ нею во всей Италіи. Когда же онъ освободитъ свой край, то пусть сами флорентійцы освободятся отъ своего тирана и возстановятъ республику, если это окажется возможнымъ. Вѣроятно, такъ разсуждалъ Макіавель, показывая Лоренцо дорогу къ достиженію престола. Можетъ быть, въ то время, такъ думали и многіе другіе италіянцы.

Такое отрицаніе, не могло стоить Макіавелю столько, сколько другимъ приверженцамъ республики. Онъ любилъ свое отечество, но его любовь была основана не на равенствѣ, составляющемъ первое благо гражданина, готоваго перенести все, лишь бы не видѣть кого бы то ни было выше себя. Его любовь происходила не отъ привязанности къ обычаямъ предковъ и къ наслѣдственнымъ преданіямъ. Размышленіе о прошедшихъ временахъ и наблюденіе за новѣйшимъ, научило его, что въ республикахъ великіе люди получаютъ для своей дѣятельности всегда болѣе обширный кругъ дѣйствія. Съ этой точки онъ разсматриваетъ римскую республику въ своихъ «Discorsi» о Ливіи. Онъ мало думалъ о сохраненіи того, что существовало, а болѣе о томъ, какъ удовлетворить свою безпокойную дѣятельность. По невозможности ввести въ своемъ отечествѣ такой образъ правленія, который казался ему лучшимъ, практическій умъ Макіавеля, далекій отъ катоновскаго упрямства (у котораго подъ словомъ virtu разумѣлся только умъ и дѣятельность) хватался, съ живостью, за всякую мысль, которая, по его мнѣнію, въ то время, соотвѣтствовала современнымъ обстоятельствамъ, но въ случаѣ неудачи такъ же скоро покидалъ ее. Во время катастрофъ, Макіавель не одинъ разъ перемѣнялъ свои принципы и переходилъ отъ одной партіи къ противной, думая только о томъ, какъ привести въ исполненіе мысль, которая по его мнѣнію, по современнымъ обстоятельствамъ, была самая практическая. Имѣя убѣжденіе, что Флоренція непремѣнно получитъ самодержца, онъ давалъ Лоренцо совѣты, какимъ образомъ онъ можетъ достигнуть верховной власти, лаская

себя, въ тоже время, надеждою, что новый государь будетъ, хотя частью, обязанъ ему своимъ возвышеніемъ.

При такомъ желаніи, Макіавель, мало обращалъ вниманія на средства. Казалось, что обстоятельства благопріятствовали исполненію плана, отъ котораго зависѣло народное благо, а мысль привести въ исполненіе планъ, обѣщавшій народу благополучіе, могла увлечь не только Макіавеля, но и людей съ болѣе чистою нравственностью, заставивъ ихъ, во имя блага отечества, заглушить въ себѣ, на время, всякое чувство гуманности, совѣсть и законы нравственности. Человѣкъ, находившійся въ такихъ обстоятельствахъ, могъ бы разсуждать слѣдующимъ образомъ: чтобъ флорентійскій народъ имѣлъ средства достигнуть возможнаго гражданскаго счастія, во Флоренціи необходимо, во что бы то ни стало, учредить прочное правительство. Способъ, какъ достигнуть этого, Макіавель называлъ просто: удовлетвореніемъ политическихъ потребностей. А какъ народы подчиняются не тому, кто превосходитъ другихъ своею нравственностью и тѣмъ заслуживаетъ быть государемъ, а тому, кто болѣе искусенъ, то пусть же правитъ народомъ тотъ, кто тѣмъ или другимъ путемъ съумѣетъ овладѣть престоломъ и лучше другихъ будетъ управлять народомъ.

Исторія того времени, не представляетъ ничего кромѣ убійствъ, вѣроломства, измѣны и насилія, употребляя для своихъ цѣлей наемныя войска. Въ Италіи существовала даже пословица: «все то хорошо, что ведетъ къ престолу». Всякій позволялъ себѣ все, что облегчало къ нему путь; но никто изъ домогавшихся лицъ не достигъ цѣли, потому что неумѣли избрать для того настоящихъ средствъ и неумѣли, въ этомъ опасномъ предпріятіи, управлять со-

бою. Для сильныхъ міра сего, это хотя тяжело, но необходимо. Такъ падали одинъ за другимъ, достигнувшіе верховной власти и цѣлая нація сдѣлалась добычею иностранныхъ завоевателей. Макіавель разсчитывалъ, что герцогъ Урбино пойдетъ по той же дорогѣ, которая прежде его не посчастливилась многимъ другимъ. Основываясь на томъ, что для достиженія престола, всѣ позволяли себѣ преступленіе, Макіавель, давая совѣтъ лицамъ стремящимся къ узурпаціи, говорилъ: «Если уже вы непремѣнно совершите преступленіе, то дѣлайте же ихъ, покрайней мѣрѣ, такъ, чтобъ они вели къ предназначенной цѣли».

Поученія Макіавеля имѣютъ ту особенность, что почерпнуты изъ дѣйствительной жизни. Онѣ не суть слѣдствія одного размышленія или наблюденія: въ нихъ заключается столько истины, что наибольшій талантъ не былъ бы въ состояніи изложить ихъ, на основаніи чистаго умозрѣнія безъ личнаго воззрѣнія. Въ Италіи очень часто являлись люди, кои стремясь къ узурпаціи, не стѣснялись ни законами, ни нравственностью, ни человѣческими чувствами. Но ни у одного изъ нихъ не было для того достаточно ума, а безнравственность безъ ума, уничтожаетъ себя сама. Въ Цесарѣ Боржіа, съ которымъ Макіавель находился въ близкихъ отношеніяхъ по дѣламъ своего отечества, онъ думалъ найти идеалъ того мужа, который будетъ въ состояніи исполнить то, чего тщетно домогались другіе. Поэтому, когда онъ писалъ объ образѣ мыслей и о талантахъ, необходимыхъ для узурпаціи, то бралъ за образецъ это чудовище, превосходившее всѣхъ ему подобныхъ изверговъ, умомъ и рѣшительностію.

Но Лоренцо Медичи не имѣлъ всѣхъ данныхъ, необходимыхъ для совершенія такого подвига. Хотя, по вліянію папы Льва, онъ сдѣлался герцогомъ Урбино, но не былъ въ состояніи овладѣть престоломъ Флоренціи и сдѣлаться главою союза. Зналъ ли его Макіавель достаточно? Можетъ быть онъ совѣтовалъ ему овладѣть престоломъ, подобно тому, какъ въ тридцать пятой главѣ, третьей книги «Discorsi» онъ говоритъ, какъ слѣдуетъ давать совѣты государямъ: «Тѣ», говоритъ онъ, которые даютъ совѣты республикѣ или государю безъ оглядки, подвергаются опасности потерять жизнь или мѣсто, потому что берутъ на себя всѣ послѣдствія. Люди судятъ о дѣлахъ только по послѣдствіямъ: если предпріятіе удалось, то превозносятъ совѣтника; въ противномъ случаѣ его осуждаютъ... «Размышляя о средствахъ, какъ въ случаѣ неудачи избѣгнуть стыда или опасности, я не нахожу другаго способа, какъ давать совѣты съ умѣренностью и безъ увлеченія, такъ что если республика или государь согласится слѣдовать совѣту, то чтобъ онъ былъ увѣренъ, что исполняетъ собственную волю, а не чужую мысль. Невѣроятно, чтобъ совѣтуя такимъ образомъ, народъ или государь, въ случаѣ неудачи, были недовольны совѣтникомъ за неудачу дѣла, предпринятаго противъ воли большинства. Совѣтъ опасенъ тогда, когда былъ данъ противъ мнѣнія большинства, ибо тогда, въ случаѣ неудачи предпріятія, большинство соединяется противъ совѣтника. Правда, что поступая такимъ образомъ, теряется слава, удѣлъ совѣтника въ случаѣ удачи, но она вознаграждается слѣдующими двумя выгодами: во-первыхъ, совѣтникъ не подвергается опасности и во-вторыхъ, онъ можетъ пріобрѣсти большую славу, если совѣтъ былъ

данъ съ умѣренностью, но не будучи исполненъ по сопротивленію другихъ, повлечетъ за собою несчастія.»

Не въ этомъ ли смыслѣ Макіавель совѣтовалъ Лоренцо Медичи сдѣлаться узурпаторомъ Флоренціи? Еслибъ у Лоренцо было достаточно ума чтобъ слѣдовать въ точности его совѣтамъ, и довольно смѣлости для приведенія его въ исполненіе, то можно было ожидать удачи и тогда Медичи былъ бы обязанъ полученному уроку, а совѣтникъ имѣлъ бы право на награды, обыкновенно вѣнчающія такую заслугу. Въ случаѣ же неудачи, Лоренцо былъ бы самъ виноватъ: онъ не такъ понялъ совѣтъ, не такъ приспособилъ его или не хорошо привелъ его въ исполненіе. Зачѣмъ онъ согласился на предпріятіе, которое было не по его силамъ, хотя Макіавель предупреждалъ его съ такою ясностью о его трудностяхъ? Наконецъ, Макіавелю оставалось еще поступить подобно графу Шавтсбури, дававшему Карлу II-му совѣты, отнять у англичанъ свободу, а потомъ, когда этотъ своевольный, легкомысленный и при всемъ томъ коварный государь, испортилъ все дѣло, то самъ же Шавтсбури обвинилъ его въ измѣнѣ своей націи.

Что мѣшало Макіавелю употребить самого Лоренцо орудіемъ своихъ замысловъ, подобно тому, какъ онъ вообще совѣтовалъ употреблять людей? Вѣдь Макіавель не былъ ни Тимономъ, ни Юніемъ Брутомъ, ни Гампденомъ, ни Вильгельмомъ Телемъ; онъ былъ, напротивъ, лукавымъ посредникомъ при французскомъ дворѣ, другомъ сіенскаго тирана, почитателемъ верховнаго дьявола своего времени, Цесаря Боржіа. Государственный человѣкъ долженъ умѣть обращаться и съ такими людьми. Онъ долженъ умѣть скрытничать, для того чтобъ имѣть

возможность пользоваться тѣми случаями, которые неизбѣжно должны встрѣтиться и дѣлать эти случаи себѣ безвредными. Но безпрерывное подстреканіе чужихъ, въ такихъ обстоятельствахъ опасно: при этомъ очень трудно скрывать собственныя чувства. Привычка же отрицаться отъ собственныхъ чувствъ, притупляетъ ихъ. Наконецъ доходитъ до того, что отъ безпрерывныхъ искусственныхъ ухищреній ума, теряется правильный взглядъ на вещи и самыя простыя истины теряютъ незамѣтно свой характеръ.

То, что Макіавель представилъ государю такую книгу, какъ «Монархъ» и допустилъ распространеніе слуха, что онъ даетъ ему подобные совѣты, было дѣломъ рискованнымъ. Но онъ пустился въ политическую интригу съ полною увѣренностью въ самомъ себѣ. Полагаясь на силу своего ума, на вѣрность своихъ сужденій и на свою рѣшительность, онъ думалъ, что можетъ играть этимъ дѣломъ. Сколько есть людей, не имѣющихъ впрочемъ его качествъ, которые желали бы подражать ему? Но пусть тѣ, которые, принимая за образецъ Макіавеля, стараются гибкостью ума, называемою ими макіавелизмомъ, прикрывать слабость своего характера, свою пустоту, и свое легкомысліе, вспомнятъ о томъ, что случилось съ ихъ идеаломъ, въ то время, когда смерть герцога Урбино, дала возможность флорентійцамъ опять домогаться о возстановленіи республики и когда одна изъ этихъ попытокъ, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ, удалась. Какъ безобразно Макіавель противорѣчилъ, въ то время, своей книгѣ. Тогда онъ желалъ бы, отъ всей души, уничтожить свое мастерское произведеніе; но оно уже сдѣлалось слишкомъ извѣстнымъ и имѣло слишкомъ много почитателей. Та-

кимъ образомъ, онъ потерялъ, наконецъ, награду за всѣ предпріятія, сопрягавшіяся со столькими опасностями и столькими страданіями только потому, что никогда не держался съ твердостью одной какой нибудь партіи, выжидая въ ней, чтобъ судьба доставила ему случай опять возвыситься.

Тотъ, кто захочетъ, непремѣнно, во всѣхъ безъ исключенія обстоятельствахъ, имѣть значеніе, служа, по очередно и безъ разбора, каждому господину, каждой цѣли, имѣя въ виду лишь одно — получить, во что бы то ни стало, какой нибудь вѣсъ, никогда не достигнетъ той цѣли, за которою бѣгаетъ съ такою искательностію. Для того, чтобъ играть какую нибудь дѣйствительно важную роль, недостаточно одного ума и талантовъ; необходимо, кромѣ того, имѣть сильный характеръ. Слишкомъ большое и безпокойное тщеславіе, запутываетъ иногда самое здравое сужденіе, а смѣлость въ сужденіяхъ, завлекаетъ часто къ опаснымъ предпріятіямъ. Вообще, тотъ, кто ищетъ наружныхъ, внѣшнихъ отличій съ разсудительною умѣренностью, имѣетъ болѣе вѣроятія пріобрѣсти ихъ, нежели тотъ, кто хочетъ ихъ пріобрѣсти во что бы то ни стало и подъ какими бы то условіями ни было. Самое упорство желанія рождаетъ иногда непреоборимыя затрудненія. Точно также не слѣдуетъ слишкомъ старательно искать общественнаго уваженія, хотя такое желаніе принадлежитъ къ самымъ благороднымъ стремленіямъ. Общественное мнѣніе, этотъ неумолимый судъ, зависитъ отъ свободнаго мышленія публики и отъ его расположенія, а потому его нельзя получить насильно. Никакая сила не въ состояніи заставить людей думать иначе, нежели какъ имъ представляются предметы. Общественное уваженіе идетъ само добровольно за тѣмъ, кто его заслуживаетъ, но не проситъ. Когда люди замѣчаютъ, что ихъ благосклонности ищутъ съ слишкомъ большимъ безпокойствомъ, то ихъ собственное самолюбіе затрогивается. Если дѣло идетъ объ удовлетвореніи честолюбія или властолюбія, то у нихъ рождается скрытая зависть. Тотъ же, кто стремясь къ возвышеннымъ цѣлямъ, не ищетъ удивленія людей, а неуклонно слѣдуетъ голосу внутренняго чувства, тотъ скорѣе заслужитъ уваженіе.

Чтобъ оцѣнить справедливо книгу «Монархъ» не слѣдуетъ забывать, что авторъ ея никогда не былъ первенствующимъ лицомъ, а всегда игралъ второстепенныя, подчиненныя роли. Книга эта,—произведеніе глубокаго наблюдателя, хотя и имѣвшаго участіе въ дѣлахъ, но чувствовавшаго себя не въ силахъ привести въ исполненіе собственные принципы. Совершенно другой характеръ имѣютъ сочиненія людей, которые дѣйствуютъ сами. Можетъ быть, въ разсказахъ наблюдателей бываетъ болѣе истины, потому что едва ли человѣкъ напишетъ о себѣ самомъ вполнѣ то, что ему говоритъ собственное сознаніе; люди желаютъ показаться предъ свѣтомъ всегда лучше нежели они суть въ самомъ дѣлѣ. За то, въ сочиненіяхъ дѣйствующихъ лицъ, чувства говорятъ болѣе краснорѣчиво, а потому описаніе ихъ болѣе одушевлено. Большая разница—разсказать то, что человѣкъ самъ сдѣлалъ или что серьозно готовъ сдѣлать, или составлять планы для другихъ. Въ послѣднемъ случаѣ, игра ума упускаетъ многое изъ вида; когда же приходится дѣйствовать самому, то дѣла представляются совершенно въ другомъ видѣ, и тогда невозможно заглушать упре-

ковъ совѣсти. Спрашивается, могъ ли бы Макіавель,— который, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, даже къ нему расположенныхъ по политическимъ причинамъ, былъ въ частной жизни не совсѣмъ хорошимъ человѣкомъ, могъ ли бы онъ самъ, знавшій, что онъ никогда не будетъ государемъ, исполнить все то, что совѣтовалъ человѣку домогавшемуся верховной власти?

Есть люди, у которыхъ всѣ силы стремятся къ головѣ, которые съ величайшею проницательностью видятъ глубину вещей, находя для всякой цѣли самыя вѣрныя средства, но при обсужденіи самыхъ цѣлей, легко вводятся въ заблужденіе собственнымъ воображеніемъ или чужими ложными доводами. Такіе люди могутъ отличаться только какъ совѣтники. Ихъ пріятно слушать; они никогда не противорѣчатъ намѣреніямъ, внушаемымъ наклонностями, каковы бы ни были эти наклонности, и умѣютъ давать совѣты, какъ достигнуть предположенной цѣли. Но такіе совѣтники опасны. Такъ какъ они болѣе заняты средствами къ достиженію цѣли, нежели существомъ самой цѣли, то они легко увлекаются разными остроумными соображеніями, въ особенности потому, что знаютъ, что не имъ придется приводить въ исполненіе все ими выдуманное. Поэтому, у нихъ, при удивительномъ умѣ, часто видна превратность принциповъ и цѣлей, кажущихся непонятными только до тѣхъ поръ, пока не замѣтятъ, что они думали не о самомъ дѣлѣ, а забавлялись только игрою ума. Когда талантъ оратора или писателя, соединенъ съ такимъ свойствомъ, то самыя благородныя чувства и самыя возвышенныя идеи, часто употребляются только какъ средство для исполненія какого нибудь

временнаго плана и оцѣняются по впечатлѣнію производимому ими на слушателя или на читателя.

При обсужденіи книги Макіавеля, надобно имѣть въ виду тоже то важное обстоятельство, что онъ пользовался уваженіемъ современниковъ за свои таланты какъ писатель.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, почему Макіавель написалъ такую книгу. Остается только разъяснить, какъ онъ могъ допустить ея обнародованіе? Кто, получая совѣтъ, не держать своего слова, самъ сознается, что будетъ слѣдовать этому совѣту, тотъ не можетъ надѣяться чтобъ ему кто нибудь вѣрилъ. Вся книга Макіавеля наполнена такими совѣтами, которые, сдѣлавшись извѣстными, теряютъ свою силу. При всемъ томъ, Макіавель не могъ удержаться, чтобъ не выставить на всеобщее удивленіе любимое свое твореніе, образецъ остроумія и его неподражаемаго пера. Притомъ же, въ то время, всѣ вельможи, для которыхъ эта книга предназначалась, вовсе не понимали, сколько она можетъ имъ вредить.

Впрочемъ, она явилась въ печати уже послѣ смерти автора *). Папа Клементій VII, близкій родственникъ Лоренцо, которому она была посвящена, позволилъ ее печатать, а это именно доказываетъ, что преобладающія

*) Хотя Баиль утверждаетъ, будто книга эта напечатана въ 1515 году, слѣдовательно не только при жизни автора, но и при жизни Лоренцо, коему она была посвящена; но послѣдній издатель полнаго собранія сочиненій Макіавеля (Флоренція, 1782, въ 6 томахъ), въ которыхъ помѣщено многое до того времени неизвѣстное, а между прочимъ очень любопытные предметы, утверждаетъ, что никто не видалъ вышеупомянутаго изданія и что первое изданіе было напечатано въ 1532 году, съ разрѣшенія папы.

*

въ ней мысли, вообще господствовали, въ то время, въ публикѣ. Точно также, Григорій XIII не думалъ о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ на христіанскій міръ одобреніе имъ парижской кровавой свадьбы. Въ обоихъ случаяхъ, папскій дворъ, никогда не отступающій, слѣдя за общественнымъ мнѣніемъ, счелъ необходимымъ, во избѣжаніе неудовольствій за напечатаніе «Монарха», сдѣлать уступку. Но когда неудовольствіе противъ «Монарха» сдѣлалось гласнымъ, то папа Павелъ, въ 1559 году, проклялъ эту книгу. Этотъ скандалъ дошелъ до того, что въ 1592 году, было поручено внуку автора, Николаю Макіавелю и его племяннику Джіуліано де Ричи, исключить изъ сочиненія все заслуживающее порицанія. Но такъ какъ никто не хотѣлъ брать на себя такую работу, цѣль коей была уже достигнута обнародованіемъ этого приказанія, то оно не было исполнено и книга перечитывалась нѣсколько разъ, безъ всякихъ перемѣнъ, и въ такомъ же видѣ передается теперь публикѣ.

МОНАРХЪ.

Посвящается могущественному Лоренцо, сыну Петра Медичи.

Желающіе пріобрѣсти благосклонность монарха, обыкновенно, приносятъ ему въ даръ наилучшую вещь, какою только они обладаютъ, напримѣръ: драгоцѣнные камни, рѣдкое оружіе, богатыя ткани, красивыхъ лошадей, или, наконецъ, то что ему наиболѣе нравится.

Не обладая никакими драгоцѣнностями, я повергаю предъ вами, могущественный монархъ, какъ залогъ моей преданности, мое знаніе дѣяній великихъ мужей, знаніе пріобрѣтенное наблюденіемъ современныхъ событій и глубокимъ изученіемъ древнихъ писателей. Мысли мои, по тщательной провѣркѣ, изложены въ представляемой при семъ небольшой книжкѣ. Хотя я почитаю это сочиненіе незаслуживающимъ быть вамъ представленнымъ, но ласкаю себя надеждою, что вы, государь, по свойственному вамъ благодушію, примете его благосклонно, имѣя въ виду, что оно дастъ вамъ возможность пріобрѣсти, въ короткое время, опытность, доставшуюся мнѣ послѣ перенесенія многихъ трудовъ и опасностей.

Это сочиненіе не отличается ни блестящимъ, ни торжественнымъ слогомъ; въ немъ нѣтъ тѣхъ украшеній, которыми авторы обыкновенно стараются изукрашивать свои произведенія. Я желалъ, чтобъ оно болѣе всего отличалось важностью излагаемаго предмета, основательностью сужденій и вѣрностью фактовъ.

Повидимому, — дерзокъ тотъ, кто будучи самъ происхожденія незнатнаго, рѣшается писать правила для государей. Но мнѣ кажется, что подобно тому, какъ живописецъ снимаетъ гористую мѣстность, находясь самъ въ долинѣ, а долину срисовываетъ съ высоты, — надобно быть монархомъ, чтобъ хорошо знать свойства и характеръ народа и принадлежать къ народу, чтобъ хорошо знать монарховъ.

Осмѣливаюсь надѣяться, что принимая этотъ слабый знакъ моего уваженія, вы будете имѣть въ виду мое намѣреніе, заключающееся въ горячемъ желаніи, чтобъ вы исполнили со славою то высокое назначеніе, къ которому призваны, какъ по богатству, такъ и по блестящимъ качествамъ.

Если съ высоты занимаемаго вами мѣста, вы удостоите бросить благосклонный взглядъ на меня и на тѣ преслѣдованія, коимъ я подвергаюсь, то удостовѣритесь въ моей невинности и въ несправедливости моихъ враговъ.

ГЛАВА I.

Какихъ родовъ бываетъ господство и какими средствами оно достигается.

Всѣ правительства или власти, имѣвшія прежде или имѣющія теперь господство надъ людьми, были республики или монархіи.

Монархіи бываютъ наслѣдственныя, если онѣ управляются продолжительное время однимъ какимъ нибудь домомъ,—или вновь образовавшіяся.

Изъ послѣднихъ, нѣкоторыя или совершенно новы, какъ напримѣръ, господство Франца Сфорца въ Миланѣ, или онѣ присоединены къ наслѣдственному государству, какъ части, подобно тому, какъ королевство Неаполитанское принадлежитъ испанскому королю.

Государства, пріобрѣтенныя симъ послѣднимъ способомъ, управлялись прежде того монархомъ, или были свободны. Онѣ порабощаются: чужимъ оружіемъ или собственными силами, стеченіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, счастіемъ, храбростью или талантами.

Замѣчанія Реберга.

Первое слово Макіавеля уже обнаруживаетъ исходную точку его воззрѣнія. По нынѣшнимъ понятіямъ, государ-

ства суть народы, соединенные въ гражданскомъ обществѣ; Макіавель же называетъ ихъ: «властями, имѣющими господство надъ людьми». Этимъ властямъ онъ противопоставляетъ свободу, подобно тому, какъ греки и римляне противопоставляли тираніи—республику. Но въ разсужденіяхъ его о республикѣ (Discorsi), равно какъ въ книгѣ о Монархѣ, рѣчь идетъ только объ удовлетвореніи честолюбія, здѣсь—одного лица, а тамъ—господствующей партіи или сословія, и вообще только о внѣшней сторонѣ. Сисмонъ Сисмонди, въ концѣ своей исторіи италіянскихъ республикъ, говоритъ очень справедливо, что въ этихъ средневѣковыхъ государствахъ, подобно Греціи и Риму, подъ словомъ свободы и независимости разумѣли только внѣшнія ихъ отношенія или положеніе большинства гражданъ, а не положеніе каждаго, безъ исключенія, гражданина; между тѣмъ какъ въ наше время, главная цѣль всѣхъ политическихъ учрежденій заключается въ доставленіи каждому члену общества личной свободы и свободнаго пользованія имуществомъ, въ мѣрѣ, сколько позволяетъ общій порядокъ цѣлаго государства. Къ этой столь благодѣтельной для человѣческаго рода перемѣнѣ, безспорно, очень много способствовали метафизическія разсужденія (speculationen), и этого не слѣдуетъ упускать изъ вида, при разсматриваніи духа восемнадцатаго столѣтія. Изложеніе отвлеченныхъ понятій о правахъ человѣка въ гражданскомъ обществѣ, не можетъ не возбуждать сожалѣнія у тѣхъ, которые знаютъ, какъ оно дѣйствительно существуетъ. Во всякомъ случаѣ, такія отвлеченныя понятія рождали не однажды ложныя и непрактичныя теоріи, бывшія причиною безсмысленныхъ и вредныхъ предпріятій. Не менѣе того

однакоже попытки къ улучшенію правъ каждаго члена общества, предметомъ, которымъ нашъ вѣкъ такъ много занятъ, получаютъ отъ тщательнаго разбора и анализа, одно общее направленіе. И, въ самомъ дѣлѣ, метафизика принесла гораздо болѣе пользы, нежели это признаютъ многія лица, занимающіяся улучшеніемъ законодательства, не замѣчающія того, что эти системы, основанныя на ненавистныхъ имъ отвлеченныхъ понятіяхъ, безъ ихъ вѣдома, имѣли большое вліяніе даже на ихъ собственныя работы.

ГЛАВА II.

—

О наслѣдственныхъ монархіяхъ.

Не буду говорить о республикахъ, потому что о нихъ объяснено подробно въ другомъ моемъ сочиненіи (Discorsi). Останавливаюсь на власти самодержавной и объясню послѣдовательно, какъ она достигается и какъ для ея сохраненія слѣдуетъ управлять государствомъ. Для удержанія самодержавія, встрѣчается гораздо менѣе затрудненія въ наслѣдственныхъ государствахъ, по привычкѣ подданныхъ къ правительственному дому, нежели во вновь образовавшихся. Въ самомъ дѣлѣ, такому монарху стоитъ только не нарушать порядка установленнаго его предшественниками и благоразумно уступать современнымъ потребностямъ. Такому монарху легко удержаться на престолѣ, исключая развѣ случаевъ, когда по необыкновенной внѣшней власти, онъ могъ бы лишиться его, да и въ этомъ случаѣ ему легче снова возвратить потерянное, если занявшій его мѣсто встрѣтитъ неудачи. Такъ, напримѣръ, герцогъ Ферарскій *), былъ въ состоя-

*) Альфонсъ д'Эстъ, котораго Юлій 2-й отлучилъ отъ церкви, желая лишить его герцогства.

ніи дать отпоръ, въ 1484 году, венеціанцамъ, а потомъ въ 1510 году, папѣ Юлію II-му, только потому, что онъ правилъ государствомъ издавна. Природный государь менѣе встрѣчаетъ причинъ и рѣже находится въ необходимости притѣснять своихъ подданныхъ. Поэтому, очень естественно, что онъ будетъ любимъ своими подданными, если не навлечетъ на себя ихъ ненависти особенными тягостями. Въ древности и продолжительности правительства, теряются причины или случаи къ перемѣнамъ, между тѣмъ какъ всякая новая перемѣна оставляетъ послѣ себя зародышъ новыхъ перемѣнъ.

Замѣчанія Реберга.

Здѣсь объяснены, въ нѣсколькихъ словахъ, тѣ обстоятельства, которыя облегчаютъ природнымъ государямъ удерживаться на престолѣ, пока какая нибудь особенная буря не разстроитъ всѣ ихъ политическіе разсчеты. О наслѣдственныхъ государяхъ, Макіавель мало говоритъ, потому что они мало его интересовали. Онъ болѣе думалъ о томъ, какъ бы создать такую силу, которая была бы въ состояніи уничтожить чужеземную превосходную силу, угрожавшую поработить его отечество. Имѣя въ виду указываемыя Макіавелемъ бѣдствія, претерпѣваемыя народами при необыкновенныхъ потрясеніяхъ, бывающія причиною паденія наслѣдственныхъ государей, мы считаемъ обязанностью разсмотрѣть ближе причины этихъ катастрофъ.

Если наслѣдственному государю такъ легко обезпечить себя противъ внутреннихъ опасностей, то спрашивается, почему же они такъ часто дѣлаются жертвою внѣшнихъ

враговъ, иногда даже въ такое время, когда внутреннихъ государственныхъ силъ было бы достаточно для ихъ сохраненія? Потому-что монархи мало пользуются этими силами. Потому-что именно эта легкость сохранить наслѣдственную державу, рождаетъ у нихъ увѣренность, усыпляющую ихъ бдительность. Видя преданность народа и имѣя убѣжденіе, что этой преданности ничто не въ состояніи поколебать, монархи дѣлаются безпечными. Ихъ совѣтники слишкомъ много разсчитываютъ на эту преданность, имѣя въ виду, что съ паденіемъ того лица, которое держитъ въ своей рукѣ верхнее звено цѣпи, непремѣнно упадетъ все, что драгоцѣнно человѣку—вѣрность обладанія имуществомъ и сохраненіе всѣхъ обычныхъ отношеній. Но они забываютъ, что всѣ нравственныя узы между людьми, основаны только на взаимности. Здравый смыслъ и неиспорченныя чувства показываютъ народу, что онъ долженъ подчиняться своему государю, для того чтобъ имѣть возможность, подъ его покровительствомъ, пользоваться личною свободою и своимъ имуществомъ. Говоря, что весь порядокъ исходитъ отъ Бога, установившаго государей, держащихъ въ своихъ рукахъ бразды правленія, религія укрѣпляетъ еще преданность народа къ своему государю. Но вельможи и совѣтники не всегда оцѣняютъ, какъ слѣдуетъ, общественное мнѣніе. Иногда, они видятъ въ привязанности народа, отъ котораго зависитъ ихъ собственная сила, ничто иное, какъ своекорыстный разсчетъ и доказательство рабскихъ чувствъ. Поэтому, въ минуты опасности, они не смѣютъ обращаться къ народу и трогать самыя сильныя струны, которыя были бы въ состояніи поднять всѣ народныя силы, потому что ихъ собственное поведеніе опровергало бы ихъ слова.

Преданность народа къ владѣтельному дому, основана на завѣтѣ предковъ: она тѣсно связана съ любовью къ древнимъ наслѣдованнымъ учрежденіямъ и къ тому образу правленія, къ которому народъ привыкъ. Тотъ, кто начнетъ играть, произвольно, этими глубоко вкоренившимися въ народѣ отношеніями, самъ разрушаетъ основаніе, на которомъ обезпечена безопасность государства и владѣтельнаго дома. Произвольная отмѣна государственныхъ учрежденій и установленіе, по такому же произволу, новыхъ, вмѣсто тѣхъ, кои установились по разуму и авторитету ряда поколѣній,—можетъ льстить только самолюбію. Если народъ не будетъ сочувствовать нововведеніямъ, то въ ихъ исполненіи произойдутъ такія затрудненія, которыхъ не въ состояніи одолѣть самый могущественный монархъ. Если же общественное неудовольствіе выразится открытымъ сопротивленіемъ, то его, иногда, не въ состояніи подавить самая большая военная сила. Такъ, Іосифъ II-й потерялъ Бельгію оттого, что вздумалъ уничтожить, однимъ ударомъ, всѣ древнія политическія и религіозныя учрежденія и установить вмѣсто ихъ новыя, по своимъ собственнымъ мыслямъ. Если даже не дойдетъ до открытаго возстанія, то и тогда, достаточно одного безмолвнаго и недѣятельнаго сопротивленія подданныхъ и отказа ихъ въ добровольномъ содѣйствіи,—для того, чтобъ парализировать распоряженія государя, особенно когда онъ будетъ наконецъ покинутъ своими безсильными чиновниками. Столько же безсиленъ будетъ самый могущественный государь, если онъ будетъ упрямо держаться такихъ старыхъ обычаевъ, которые будутъ противорѣчить современнымъ требованіямъ и измѣнившемуся образу мыслей живущаго поколѣнія. Исторія показываетъ, что въ

такихъ случаяхъ, при первомъ потрясеніи, падали правительства, имѣвшія на своей сторонѣ и право, и силу, а если, въ такихъ обстоятельствахъ, государи сохраняли свои престолы, то все-таки тѣ учрежденія, которыя они старались удерживать, измѣнялись предъ ихъ собственными глазами такъ, что они не замѣчали этого сами.

Галлеръ описалъ превосходно въ своемъ руководствѣ къ государственной наукѣ *), какъ долженъ себя вести наслѣдственный монархъ, чтобъ сохранить свое достоинство. Но прибавляя, что Макіавель напрасно бралъ на себя трудъ выдумывать средства, какъ сохранить господство, потому что потеря господства бываетъ послѣдствіемъ самыхъ естественныхъ причинъ,—Галлеръ забылъ, что Макіавель говоритъ только о такихъ средствахъ, которыя способствуютъ основанію и сохраненію новаго государства, а эти средства не образуются сами собою естественнымъ образомъ, а составляются произвольно однимъ человѣкомъ. Макіавель далъ себѣ, для разрѣшенія этого вопроса, такъ много напраснаго и лишняго труда, что рождается сомнѣніе, достаточно ли сдѣлалъ въ этомъ отношеніи даже онъ, который, какъ писатель, выразилъ все, что только можетъ произвести сила человѣческаго разума. Мы увидимъ ниже, что по самому существу дѣла, для упроченія самодержавія, достигнутаго своекорыстіемъ, иногда недостаточно даже самаго обширнаго ума и напряженія самыхъ огромныхъ средствъ, указываемыхъ разумомъ.

---

*) Winterthur. 1808.

ГЛАВА III.

О смѣшанныхъ государствахъ.

Въ новыхъ государствахъ встрѣчаются совершенно другія затрудненія, а именно, когда государство не совершенно ново, а вошло какъ часть въ составъ другой державы. Такое государство можно назвать смѣшаннымъ. Въ такихъ случаяхъ, насильственныя перемѣны происходятъ отъ того положенія, въ которомъ находится это новое государство. Въ такихъ обстоятельствахъ, подданные охотно перемѣняютъ повелителя, питая себя надеждою выиграть при перемѣнѣ. Эта надежда побуждаетъ ихъ поднять оружіе противъ прежняго повелителя; но, часто, послѣдствія обнаруживаютъ ошибочность разсчета, такъ какъ ихъ положеніе не улучшается, но дѣлается еще хуже. Это необходимое слѣдствіе самаго существа дѣла. Новый владѣтель находится въ необходимости угнетать своихъ подданныхъ содержаніемъ въ краю большаго числа войскъ или другими неизбѣжными слѣдствіями завоеванія, и все это только потому, что государство ново. Такимъ образомъ, врагами дѣлаются всѣ тѣ лица, которыя при завоеваніи понесли потери, а друзьями не остаются иногда даже помогавшіе завоеванію. Въ такихъ об-

стоятельствахъ, съ одной стороны, онъ не будетъ въ состояніи удовлетворять ихъ требованій, а съ другой, не можетъ прибѣгать для ихъ удовлетворенія къ мѣрамъ жестокимъ, потому что даже самый могущественный государь нуждается въ содѣйствіи жителей для овладѣнія краемъ. По этой причинѣ, французскій король Людовикъ XII хотя скоро овладѣлъ Миланомъ, но также скоро потерялъ его. Въ первый разъ, для отнятія у него города, было достаточно собственныхъ войскъ герцога Людовика (Сфорца), потому что народъ впустившій Людовика XII, обманувшись въ своихъ надеждахъ, не хотѣлъ сносить новаго господства. Правда, государства завоеванныя, такимъ образомъ, вторично, теряются уже не такъ легко. Государь пользуется бывшимъ возмущеніемъ и принимаетъ мѣры къ упроченію своего завоеванія: наказываетъ виновныхъ, наблюдаетъ за подозрительными лицами и укрѣпляетъ слабыя мѣстности. Такимъ образомъ, чтобъ вырвать у французовъ Миланъ, въ первый разъ, было достаточно нѣкоторыхъ движеній герцога Людовика Сфорца на границѣ; но чтобъ взять Миланъ послѣ вторичнаго завоеванія его французами, необходимо было заключить противъ Франціи союзъ съ другими государствами, разбить ихъ армію и изгнать ихъ изъ Италіи.

При всемъ томъ, Франція потеряла Ломбардію второй разъ. Причина первой потери объяснена выше, а потому намъ остается разсмотрѣть причину второй потери и указать на лучшія средства сохранить завоеваніе, нежели тѣ, кои употреблялъ французскій король.

Завоеванныя и присоединяемыя къ государству провинціи, граничатъ съ нимъ или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, сохраненіе ихъ легко, особенно если жители не привыкли

къ независимости. Чтобъ сохранить ихъ, достаточно уничтожить семейство прежнихъ царственныхъ владѣтелей. Когда обычаи и отношенія жителей завоеванной области сходны съ обычаями остальныхъ подданныхъ, и эти обычаи не будутъ нарушены, то жители останутся спокойными. Такъ были присоединены къ Франціи, въ разное время: Бургундія, Бретанія, Гасконія и Нормандія. Хотя въ народномъ языкѣ этихъ провинцій есть нѣкоторое различіе съ чисто французскимъ языкомъ, но имѣя одинаковые обычаи и нравы, жители сливаются между собою. Для удержанія такихъ завоеванныхъ провинцій, есть два средства: *первое*—уничтожить владѣтельный домъ, и *второе*—не перемѣнять прежнихъ законовъ и не увеличивать податей. При этихъ условіяхъ, старыя и новыя провинціи, въ скоромъ времени, сольются совершенно и составятъ одно цѣлое. Если же, напротивъ, завоеванныя провинціи имѣютъ другой языкъ и обычаи, и имѣли другой образъ правленія, то, для удержанія ихъ, встрѣтятся большія затрудненія, и потребуется много заботъ и даже счастія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, одно изъ лучшихъ средствъ заключается въ томъ, чтобъ завоеватель самъ туда переселился. Этимъ, обезпечивается вѣрное и продолжительное владѣніе. Такъ сдѣлали турки по овладѣніи Греческою имперіею. Безъ этой мѣры имъ, при всѣхъ стараніяхъ, было бы очень трудно удержать завоеванный край въ повиновеніи. Находясь самъ въ краю, государь можетъ видѣть безпорядки въ ихъ началѣ и принять тотчасъ же противъ нихъ соотвѣтственныя мѣры. Когда же онъ будетъ находиться въ отдаленіи, то свѣдѣнія о безпорядкахъ будутъ доходить до него тогда, когда достигнутъ такихъ размѣровъ, что не будетъ уже возможности ихъ

отстранить. Кромѣ того, когда самъ государь живетъ въ краю, то его чиновники болѣе удерживаются отъ разоренія жителей, успокоенныхъ тѣмъ, что въ случаѣ надобности, могутъ найти защиту у государя. Если онъ добръ, то заслужитъ общую любовь; въ противномъ случаѣ его будутъ бояться. Вообще, ту страну, въ которой живетъ самъ государь, труднѣе отъ него отнять. Второе превосходное средство для удержанія завоеваннаго края, заключается въ заложеніи колоній, въ одномъ или двухъ мѣстахъ, составляющихъ его ключь, или же въ содержаніи тамъ достаточной военной силы. Колоніи вообще менѣе стоютъ: терпятъ только тѣ лица, отъ которыхъ отняты дома и земли для водворенія новыхъ жителей. Число обиженныхъ, такимъ образомъ, жителей, не можетъ быть велико; когда же они будутъ бѣдны и разсѣяны, то не могутъ быть опасными. Остальные, которымъ не сдѣлано никакого зла, легко успокоятся, тѣмъ болѣе, что знаютъ, что въ случаѣ возмущенія подвергнутся такой же участи. Чтобъ удерживать людей въ спокойствіи, необходимо или льстить имъ, или уничтожить ихъ. За малыя обиды они могутъ мстить; большія же лишаютъ ихъ средствъ мести. Каждая обида должна быть нанесена такъ, чтобъ государю не было надобности опасаться мести обиженнаго.

Содержаніе въ завоеванномъ краю вмѣсто колоній многочисленнаго войска, влечетъ за собою такіе огромные расходы, что можетъ поглотить всѣ доходы края, и потому болѣе вредно, нежели полезно, тѣмъ болѣе, что угнетеніе ляжетъ безразлично на всѣхъ жителей, расквартированіемъ у нихъ войскъ. Тогда, всѣ сдѣлаются врагами; а такъ какъ жители остаются въ своихъ домахъ, то будутъ врагами опасными. Все вышеизложенное обнаруживаетъ,

какъ вредно квартированіе у жителей войскъ и какъ, напротивъ, полезны колоніи.

Новый государь отдаленнаго и самостоятельнаго государства, долженъ объявить себя главою и защитникомъ сосѣднихъ, слабыхъ государствъ и стараться ослабить сильнѣйшаго и въ особенности стараться воспрепятствовать, чтобъ ни одинъ чуждый монархъ, равныхъ ему силъ, не вторгнулся въ этотъ край по зову недовольныхъ, часто побуждаемыхъ къ этому честолюбивыми видами или страхомъ. Такъ, римляне были призваны этолійцами и другими провинціями, въ которыя они входили по приглашенію жителей. Каждый разъ, когда сильный иноземецъ входитъ съ войсками въ край, къ нему присоединяются всѣ менѣе его сильные, изъ зависти къ тому, кто прежде въ томъ краю былъ сильнѣе ихъ. Что касается до слабѣйшихъ государствъ, то съ ними мало бываетъ хлопотъ и издержекъ: они тотчасъ же переходятъ на его сторону. Нужно только наблюдать, чтобъ они не слишкомъ усиливались. Помощью войскъ, ему будетъ легко ослабить и унизить тѣхъ, которые вздумаютъ слишкомъ высоко поднять голову и остаться полнымъ господиномъ края. Кто не съумѣетъ воспользоваться этими средствами, тотъ, во время управленія, не только напрасно будетъ трудиться и будетъ имѣть неудовольствія, но скоро потеряетъ все пріобрѣтенное.

Римляне руководствовались этими правилами съ большимъ искусствомъ: въ завоеванныхъ ими провинціяхъ закладывали колоніи, помогали слабымъ, не допуская однакожъ ихъ слишкомъ усилиться, ослабляли сильныхъ и отстраняли всякое вліяніе иностранцевъ. Примѣромъ можетъ служить Греція: тамъ они поддерживали ахейцевъ

и этолійцевъ, ослабляли королей и изгнали Антіоха. Но, невзирая на услуги ахейцевъ и этолійцевъ, они всетаки не успѣли исходатайствовать себѣ позволенія увеличить свои владѣнія. Невзирая на лесть Филиппа, римляне не согласились быть его друзьями, не ослабивъ прежде его могущества. Опасаясь могущества Антіоха, римляне не позволили ему имѣть ни малѣйшаго вліянія на Грецію.

Въ такихъ случаяхъ, римляне употребляли все, что долженъ дѣлать всякій мудрый государь, думающій объ отстраненіи не только настоящихъ, но и будущихъ безпокойствъ. При такихъ дѣйствіяхъ, легко отстранить все то, что предвидится въ отдаленной будущности. Если же бѣдствія уже случились въ самомъ дѣлѣ, то, какъ говорятъ медики о воспаленіи легкихъ, время потеряно и медицинское пособіе опоздано. Въ началѣ, болѣзнь трудно узнать, а легко лечить; когда же болѣзнь запущена, то ее легко узнать, а трудно лечить. То же самое бываетъ съ государственными дѣлами. Если какое нибудь бѣдствіе было предусмотрѣно людьми проницательными за долго впередъ, то его легко отвратить; если же зло получитъ такіе размѣры, что его видитъ всякій, то уже нѣтъ средствъ его отвратить. Предвидя, за долго впередъ, какую нибудь опасную войну, римляне принимали для избѣжанія ея, тотчасъ же, всѣ нужныя мѣры, не позволяя увеличиваться причинамъ. Зная, что отсрочка войны иногда бываетъ полезна непріятелю, они, чтобъ не быть въ необходимости защищаться въ Италіи, начали войну съ Филиппомъ и Антіохомъ, въ Греціи. Въ то время, они могли бы избѣгнуть войны, какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ; но не хотѣли руководствоваться правилами нынѣш-

нихъ мудрецовъ, утверждающихъ, будто «выигрывать время, значитъ выигрывать дѣло». Они разсчитывали на свою храбрость и на свой умъ. Въ самомъ дѣлѣ, время приноситъ съ собою зло и добро, но то и другое одинаково.

Обратимся къ Франціи и разсмотримъ, слѣдовала ли она этой политикѣ? Буду говорить не о Карлѣ VIII, а о Людовикѣ XII, потому что послѣдній долѣе находился въ Италіи и ходъ его дѣлъ представляется намъ яснѣе. Мы увидимъ, что для удержанія въ повиновеніи иностранной державы, онъ дѣйствовалъ противно тому, какъ слѣдовало бы поступать.

Людовикъ былъ призванъ въ Италію венеціанцами, разсчитывавшими овладѣть, при его пособіи, половиною Ломбардіи. Не осуждаю его предпріятія, потому что желая утвердиться въ Италіи, гдѣ, вслѣдствіе поступковъ Карла, онъ не имѣлъ друзей, ему, само собою разумѣется, слѣдовало воспользоваться тѣми союзниками, какіе ему представлялись. Оно даже удалось бы ему, еслибъ, впослѣдствіи, онъ не дѣлалъ ошибокъ. Завоеваніемъ Ломбардіи онъ возстановилъ репутацію Франціи, утраченную Карломъ. Генуа пала, а Флоренція перешла на его сторону. Всѣ искали его дружбы: маркизы Мантуи, герцоги Ферарскій, Бентивоглійскій (владѣвшій Болоньею), графиня Форли, владѣтели Фаэнца, Пезаро, Римини, Камерино, Піомбино, республики: Лукка, Пиза, Сіена и проч. Венеціанцы только тогда усмотрѣли свою оплошность, когда увидѣли, что желая сами овладѣть только двумя городами, они допустили Людовика овладѣть двумя третями всей Италіи. Еслибъ, слѣдуя вышеобъясненнымъ правиламъ, король взялъ подъ свое покровительство всѣхъ своихъ друзей и доставилъ имъ защиту, то ему было бы

легко поддержать въ Италіи свое значеніе. Хотя у него было много друзей въ Италіи, но будучи всѣ вмѣстѣ слишкомъ слабы, они, поневолѣ, должны были пристать къ нему, одни — изъ опасенія папы, а другіе — венеціянцевъ. При ихъ помощи, онъ могъ бы держать въ повиновеніи всѣхъ, имѣвшихъ въ Италіи какую нибудь силу. Но едва онъ успѣлъ овладѣть Миланомъ, какъ началъ дѣйствовать противно, а именно: помогъ папѣ Александру VI овладѣть провинціею Романа. Бросившись въ объятія папы, онъ не замѣтилъ, что оттолкнулъ тѣмъ отъ себя всѣхъ своихъ друзей, а усиливъ папу, увеличилъ его духовную власть и безъ того уже слишкомъ большую. Эта первая ошибка повлекла за собою другія, такъ что, наконецъ, чтобъ положить предѣлъ честолюбивымъ видамъ того же папы Александра, и воспрепятствовать ему овладѣть Тосканою, онъ нашелся въ необходимости—идти самъ въ Италію съ арміею. Возвысивъ папу на свой собственный счетъ, и лишивъ себя этимъ самыхъ естественныхъ союзниковъ, онъ сдѣлалъ еще другую ошибку, а именно: желая овладѣть Неаполемъ, подѣлился имъ съ королемъ испанскимъ. До этихъ поръ, судьба Италіи была исключительно въ его рукахъ; съ этого же времени, онъ самъ создалъ себѣ соперника, къ которому могли обращаться всѣ имъ недовольные. Вмѣсто того, чтобъ оставить въ Неаполѣ короля, отъ него зависѣвшаго, онъ изгналъ его, а на мѣсто его посадилъ другаго, но такого могущественнаго, что онъ могъ изгнать его самого.

Страсть къ завоеваніямъ такъ естественна и такъ обыкновенна, что если предпринявшій таковое имѣетъ успѣхъ, то его скорѣе осыпаютъ похвалами, нежели осуждаютъ. Эта страсть порицается только въ такомъ случаѣ, когда

кто нибудь отваживается на такія предпріятія, которыхъ онъ не въ состояніи привести въ исполненіе. Если французскій король имѣлъ достаточно собственныхъ силъ для овладѣнія Неаполемъ, то долженъ былъ взять его; если же не имѣлъ ихъ, то не долженъ былъ занимать края. Если можно извинить раздѣлъ съ венеціанцами Ломбардіи, потому что это доставило ему средство войти въ Италію, то нельзя не порицать раздѣла Неаполя, такъ какъ въ этомъ не было никакой необходимости.

Людовикъ сдѣлалъ пять ошибокъ: уничтожилъ слабѣйшихъ; усилилъ тѣхъ, которые и безъ того были могущественны; призвалъ въ Италію очень сильнаго иноземца; не поселился самъ въ краѣ и не заложилъ колоній. Невзирая на всѣ эти ошибки, онъ могъ бы удержаться въ Италіи, еслибъ поселился въ ней; но кромѣ вышеприведенныхъ пяти ошибокъ, онъ сдѣлалъ еще шестую, а именно: ослабилъ венеціанцевъ. Еслибъ онъ не увеличилъ могущества папы, и не призвалъ испанцевъ, то, само собою разумѣется, было бы благоразумно ослабить венеціанцевъ; поступивъ же иначе,—не слѣдовало думать объ ихъ ослабленіи, потому что до тѣхъ поръ пока венеціанцы были сильны, они могли воспрепятствовать другимъ нападать на Ломбардію. Сами же они не нападали бы на нее, развѣ только въ такомъ случаѣ, еслибъ имъ было предоставлено завладѣть этимъ краемъ. Всѣмъ другимъ было невыгодно отнимать Ломбардію отъ французовъ, только для того чтобъ передать ее венеціанцамъ, а для того чтобъ напасть вдругъ на обоихъ, у нихъ не доставало силъ.

Еслибъ возразили, что Людовикъ отдалъ папѣ Александру Романію, а испанцамъ Неаполь, во избѣжаніе вой-

ны съ ними, то отвѣчаю, какъ я уже говорилъ и прежде, что для избѣжанія войны не должно оставаться въ дурныхъ отношеніяхъ, потому что тогда война все-таки неизбѣжна, а только отсрочится съ невыгодою для васъ самихъ. Еслибъ сказали, что король Людовикъ занялъ Романію для папы, въ награду за согласіе на его разводъ *) и за кардинальскую шапку руанскому архіепископу **), то мой отвѣтъ на это изложенъ въ той главѣ, въ которой я описываю, въ какой степени государи должны держать свое слово.

Такимъ образомъ, Людовикъ потерялъ Ломбардію только отъ того, что не соблюлъ ни одного изъ тѣхъ условій, посредствомъ коихъ удерживались другія завоеванныя страны. Это очень естественно и понятно, а потому нечего удивляться этой потерѣ. Разговаривая объ этомъ предметѣ въ Нанти съ кардиналомъ, руанскимъ архіепископомъ, въ то время, когда герцогъ Валентинуа ***) овладѣлъ Романіею, кардиналъ замѣтилъ, что «италіянцы слабо знаютъ военное искусство». На это я отвѣчалъ, что французы не сильны въ политикѣ, потому что въ противномъ случаѣ, не допустили бы папы до такого могущества. Послѣдствія показали, что французы потеряли Италію единственно отъ того, что увеличили въ ней могущество папы и испанцевъ. Изъ всего вышеупомянутаго можно вывести

*) Съ Анною бретанскою. По этому случаю, Нерди говоритъ, что папа Александръ VI и король Людовикъ XII мѣняли духовное дѣло на свѣтское: Александръ — чтобъ доставить своему сыну Романію, а Людовикъ, чтобъ присоединить къ своей коронѣ Бретанію.

**) Впослѣдствіи кардиналъ д'Амбоазъ.

***) Такъ обыкновенно называли Цесаря Борджіо, сына папы Александра VI.

слѣдующее общее правило, очень рѣдко неоправдывающееся: «Государь, способствующій чужому могуществу, уничтожаетъ собственное. Новое могущество можетъ быть создано только двумя средствами: искусствомъ или силою; но то и другое средство бросаетъ тѣнь подозрѣнія на того, кто сдѣлался сильнымъ».

Замѣчанія Реберга.

Здѣсь идетъ рѣчь о томъ, какими средствами можно поработить иностранное государство, умалчивая о цѣли. О цѣляхъ Макіавель говоритъ: имъ удивляются. Онъ не говоритъ, однакоже, чтобъ онѣ заслуживали уваженія.

Вѣчный миръ невозможенъ. Стремленіе народовъ улучшить свой бытъ, представляетъ нѣкоторымъ личностямъ случай обнаруживать свои военныя способности и добродѣтели. Соотечественники признаютъ героевъ подобныхъ войнъ своими благодѣтелями, и весь міръ благоговѣетъ предъ ними. Напротивъ, завоеватели, гоняющіеся только за удовлетвореніемъ дикаго властолюбія, обманываются, принимая лесть, вынужденную страхомъ, за доказательство благоговѣнія. Только современники осыпаютъ ихъ похвалами, потомство же, не боясь ихъ, проклинаетъ.

Если Макіавель думалъ такъ, то, безъ сомнѣнія, считалъ лишнимъ говорить это государямъ, имѣющимъ страсть къ завоеваніямъ. Они жертвуютъ людьми для достиженія своихъ цѣлей, вовсе не думая объ ихъ счастіи. Очень рѣдко, они сомнѣваются въ успѣхѣ своихъ предпріятій, а потому имъ трудно противорѣчить. Такимъ образомъ, если дѣло идетъ о завоеваніи, то нужно указать средство, какъ сохранить завоеванную провинцію. Объ этомъ, Макіавель

говоритъ очень основательно. Всѣ удачи и неудачи Наполеона I, достигшаго престола собственными дарованіями, обнаружившаго до крайнихъ предѣловъ страсть къ завоеваніямъ, подтверждаютъ справедливость совѣтовъ Макіавеля. При всемъ томъ, однако же, онъ упустилъ изъ вида вѣрнѣйшія средства упрочить завоеванія. Эти средства не входятъ въ кругъ понятій Макіавеля; считая народъ за ничто, онъ разсматриваетъ только наклонности и личныя выгоды государя. Отъ этого-то узкаго взгляда, вся система этого самаго глубокомысленнаго писателя оказывается неосновательною. Эта самая система была причиною паденія Наполеона, который, можетъ быть, лучше всѣхъ другихъ приспособилъ ее къ дѣйствительности.

Какія, спрашивается, средства, упущенныя Макіавелемъ, существуютъ для упроченія вновь пріобрѣтеннаго господства надъ чужимъ народомъ? Онѣ заключаются въ слѣдующемъ: обращаться съ народомъ такъ, чтобъ въ этомъ обращеніи было видно уваженіе къ нему и довѣренность, и имѣть главною цѣлью, чтобъ народъ былъ доволенъ правленіемъ. Это самое довольство, послужитъ государю средствомъ для достиженія его цѣлей. Если народу будетъ оставленъ тотъ образъ правленія, который ему нравится и если онъ не будетъ имѣть никакой причины желать возвращенія прежней правительственной династіи, то нечего опасаться воспоминаній народа о его прежнихъ государяхъ. Кто желаетъ пріобрѣсти преданность къ себѣ народа, тотъ долженъ внушить ему увѣренность, что только чрезъ него онъ можетъ получить то, чего желаетъ. Тотъ же, напротивъ, кто даетъ чувствовать народу, что онъ можетъ отнять у него все, что ему угодно, и что народъ долженъ принимать за милость все,

что ему оставятъ, и кто самъ, добровольно, отказавшись отъ всѣхъ болѣе благородныхъ побужденій, будетъ разсчитывать только на свое могущество, тотъ не долженъ разсчитывать на преданность народа. Какъ бы могущество ни было велико и какое бы прочное основаніе оно ни имѣло, но оно зависитъ всегда отъ многихъ случайностей.

Все это относится къ внутренней политикѣ. Что касается до мнѣнія Макіавеля о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ чужимъ государствомъ, то справедливость его подтверждается равнымъ образомъ примѣрами изъ исторіи послѣдняго времени, примѣрами столько же рѣзкими, какъ и порицаемыя Макіавелемъ дѣйствія Людовика XII. Во время французской революціи, многіе нѣмецкіе дворы отдали французамъ болѣе двухъ третей Имперіи, имѣя въ виду пріобрѣсти сами пару провинцій. Правда, что каждый разъ они достигали паденія своихъ соперниковъ, но, въ тоже время, подготовляли свое собственное. Венеціанцы тоже пригласили въ Италію Людовика XII съ тѣмъ, чтобъ раздѣлить съ нимъ Ломбардію, но вмѣсто того, онъ самъ овладѣлъ всею Италіею. За это они получили заслуженную награду: когда напали на нихъ самихъ, то некому было имъ помочь. Прусскій кабинетъ сдѣлалъ такую же ошибку, какъ венеціанцы, и поставилъ на карту плоды мудрой, наблюдательной политики нѣсколькихъ столѣтій; а потомъ, повторилъ такую же ошибку, за которую Макіавель упрекаетъ Людовика XII. Впустивъ въ Италію испанцевъ для взаимнаго дѣлежа, Людовику слѣдовало поддерживать Венецію и употреблять ее противъ испанцевъ. Точно также, Пруссія не должна была допускать паденія Австріи, которая только одна

была въ состояніи удержать равновѣсіе противъ третьяго — сильнаго. Вмѣсто того, Пруссія, желая избѣгнуть войны съ Франціею, соперничала съ Австріею, стараясь ослабить ея безвредное для Пруссіи могущество. Время, приносящее, по словамъ Макіавеля, одинаково, какъ зло, такъ и добро, неминуемо принесло бы съ собою войну Пруссіи съ Франціею, которой не было возможности избѣгнуть; а послѣдствія ея были такъ пагубны для Пруссіи, что и прежде не могли быть худшими.

Наконецъ, когда послѣ самаго горькаго опыта, на материкѣ уже не осталось ни одного государства, не испытавшаго на себѣ этой истины, такъ часто повторяющейся, свѣтъ увидѣлъ, къ общему удивленію, событіе, которое могло бы ввести въ заблужденіе самого Макіавеля, при всемъ знаніи его людей. По древнему замѣчанію самыхъ глубокомысленныхъ наблюдателей, человѣчество не дѣлается умнѣе отъ опытовъ; но вопреки этой истины, въ послѣднее время, къ общему удивленію, оно воспользовалось опытомъ, и это было причиною паденія Наполеона, слишкомъ много разсчитывавшаго на вышеупомянутое мнѣніе.

ГЛАВА IV.

Почему царство Дарія, послѣ смерти Александра, не взбунтовалось противъ его наслѣдниковъ.

Имѣя въ виду затрудненія, встрѣчаемыя при желаніи сохранить завоеванное государство, нельзя не удивляться, что покоренное Александромъ великимъ, втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, азіятское государство, которое онъ едва успѣлъ занять, не взбунтовалось. Его наслѣдники удержались въ немъ безъ всякаго затрудненія, исключая только тѣхъ, кои понесли утраты отъ собственныхъ несогласій.

На это отвѣчаю: всѣ государства, о коихъ упоминаетъ исторія, управлялись двоякимъ образомъ: самодержавными государями, предъ коими всѣ подданные были рабы, а выбираемые изъ нихъ министры, облекаясь по милости государей властью, служили органами для управленія; или же государями, посредствомъ знатныхъ лицъ, получившихъ мѣста не по милости или благосклонности государя, а по праву рожденія. Сіи послѣдніе, будучи богатыми землевладѣльцами, сами имѣли преданныхъ имъ подданныхъ, признававшихъ ихъ своими государями.

Въ государствахъ управляемыхъ монархомъ посредствомъ своихъ рабовъ, онъ имѣетъ болѣе власти, потому что всѣ признаютъ своимъ властелиномъ только его, а если повинуются другимъ лицамъ, то только отъ того, что видятъ въ нихъ намѣстниковъ государя, или его слугъ. Симъ послѣднимъ, подданные не бываютъ слишкомъ преданы. Примѣромъ для этихъ двухъ образовъ правленія, могутъ служить Турція и Франція. Турція управляется однимъ государемъ, а всѣ его подданные — рабы. Цѣлое государство раздѣлено на санджаки, управляемые лицами, коихъ однакожъ онъ назначаетъ и смѣняетъ какъ ему угодно.

Французскій король, напротивъ, окруженъ значительнымъ числомъ князей, имѣющихъ собственныхъ имъ преданныхъ подданныхъ и пользующихся привилегіями, коихъ король не можетъ у нихъ отнять, не подвергаясь самъ опасности.

Разсматривая эти двѣ формы государственнаго управленія, оказывается, что трудно овладѣть такимъ государствомъ, какъ Турція; но покоривъ, легко его удержать. Трудно потому, что завоеватель не можетъ быть приглашенъ князьями такой страны и не можетъ разсчитывать на помощь лицъ, окружающихъ государя. Въ такомъ государствѣ, всѣ подданные рабы, а ихъ трудно подкупить, потому что они всѣ обязаны своему государю, а еслибъ они и перешли на сторону завоевателя, то мало могли бы принести ему пользы, такъ какъ по вышеизложеннымъ причинамъ, не были бы въ состояніи увлечь за собою народъ. Изъ этого видно, что тотъ, кто нападетъ на Турцію, долженъ ожидать, что тамошній народъ будетъ въ согласіи и, слѣдовательно, долженъ разсчитывать только на собственныя силы, не надѣясь на несогласія. Но когда

непріятель побѣжденъ и не въ состояніи выставить новой арміи, то завоевателю не кого уже опасаться, кромѣ семейства государя, потому что всѣ остальныя лица, менѣе вліятельныя, не будутъ въ состояніи взбунтовать народъ. Какъ прежде покоренія, побѣдитель не могъ ни на что разсчитывать, такъ послѣ побѣды ему уже некого опасаться.

Совершенно иначе бываетъ въ государствахъ, управляемыхъ подобно Франціи: въ нее легко войти, если на сторонѣ завоевателя будетъ кто нибудь изъ государственныхъ сановниковъ, между коими всегда есть недовольные или желающіе перемѣнъ. Эти лица могутъ отворить ворота въ край и облегчить завоеваніе. Но для того чтобъ утвердиться въ немъ, встрѣтятся безконечныя затрудненія, какъ съ помогавшими завоеванію, такъ и съ покоренными. Въ такомъ случаѣ, недостаточно уничтожить владѣтельный домъ, потому что остаются еще сановники, могущіе стать въ главѣ партій, и если невозможно будетъ ихъ удовлетворить, или уничтожить, то они могутъ, при первомъ удобномъ случаѣ, освободить край отъ завоевателя. Разсматривая образъ правленія въ Персіи, при Даріѣ, оказывается, что онъ имѣлъ большое сходство съ нынѣшнимъ турецкимъ. По этому, Александру нужно было только одерживать побѣды; послѣ же смерти Дарія, онъ, какъ побѣдитель, остался спокойнымъ владѣтелемъ государства. Его наслѣдники могли бы тоже спокойно владѣть государствомъ, еслибъ были между собою согласны, такъ-какъ въ немъ, кромѣ этого обстоятельства, не произошло никакихъ безпокойствъ.

Что же касается до государствъ, имѣющихъ такой образъ правленія какъ Франція, то ими нельзя владѣть спо-

койно. Въ Испаніи, Франціи и Греціи, причиною частыхъ возстаній были тамошніе маленькіе владѣтельные государи. До тѣхъ поръ, пока они существовали, владѣніе было непрочно. Послѣ же ихъ смерти, могущественные римляне сдѣлались прочными владѣтелями этихъ странъ, а время еще болѣе упрочило ихъ владычество. Впослѣдствіи, когда между самими римлянами родились несогласія, то послѣ уничтоженія древнихъ владѣтельныхъ государей, всякій, смотря по пріобрѣтенному значенію, могъ присвоить себѣ часть этихъ провинцій, такъ-какъ онѣ, въ это время, не признавали никакого другаго господства, кромѣ римскаго.

Принявъ все это въ соображеніе, нѣтъ ничего удивительнаго, что Александру было такъ легко держать въ повиновеніи Азію, между тѣмъ какъ другимъ государямъ, какъ напримѣръ Пирру, было трудно господствовать въ завоеванныхъ имъ провинціяхъ. Причиною этого было не дурное или хорошее поведеніе завоевателя, а различныя свойства завоеванныхъ земель.

Замѣчанія Реберга.

Юмъ говоритъ (Essays, vol. 1, Essay 3), что Персія, завоеванная Александромъ, не имѣла свойствъ приписываемыхъ ей Макіавелемъ, и что прочность основаннаго въ ней греческаго господства, зависѣла отъ другихъ причинъ. Невзирая на то, разсужденія Макіавеля совершенно правильны и могутъ быть приспособлены къ исторіи среднихъ вѣковъ, когда основались такіе образы правленій, кои Макіавель имѣлъ въ виду. Попеременный успѣхъ въ продолжительныхъ войнахъ, веденныхъ Франціею съ

Испаніею, дѣйствительно происходилъ отъ описываемыхъ имъ обстоятельствъ, т. е. отъ вліянія безпокойныхъ вельможъ, призывавшихъ въ край иноземцевъ и отпадавшихъ отъ нихъ тотчасъ, когда они удостовѣрялись, что эти иностранцы воюютъ и дѣлаютъ завоеванія не для нихъ, а для себя. Людовикъ XIV подавилъ всѣ внутренніе безпорядки, уничтоживъ своеволіе вассаловъ, постоянно напитанныхъ революціоннымъ духомъ. Съ того времени измѣнилась и Турція. Отношенія намѣстниковъ къ самому султану измѣнились тоже во многомъ, а потому разсужденія Макіавеля не могутъ быть приспособлены вполнѣ къ новѣйшей исторіи Европы. Только то, что онъ говоритъ объ италіянской политикѣ, можетъ быть приспособлено къ Германіи, раздѣленной теперь, подобно тогдашней Италіи, на маленькія государства, соединенныя между собою очень слабыми узами.

ГЛАВА V.

—

Какъ слѣдуетъ управлять городомъ или государствомъ, имѣвшими до завоеванія свои особые законы.

Когда завоеванныя государства были прежде свободны и привыкли къ собственнымъ законамъ, то ихъ можно сохранить тремя способами: *первый*, — разорить ихъ; *второй*,—поселиться въ нихъ и *третій*—оставить въ нихъ существовавшіе законы и довольствоваться ежегодною податью, а для удержанія края въ повиновеніи, ввѣрить правленіе малому числу довѣренныхъ лицъ. Такое правительство, вновь созданное завоевателемъ, зная что оно можетъ существовать только при покровительствѣ создавшаго его, будетъ заинтересовано его сохраненіемъ. Притомъ же, легче всего управлять городомъ привыкшимъ къ свободѣ, посредствомъ малаго числа туземныхъ жителей. Примѣромъ могутъ служить спартанцы и римляне. Первые управляли Аѳинами и Ѳивами, учредивъ въ нихъ правительства изъ малаго числа лицъ; но невзирая на то, потеряли свое завоеваніе. Римляне разрушили Капуу, Карѳагенъ и Нуманцію и не потеряли ихъ. Они думали удержать Грецію, оставивъ ей, подобно тому какъ поступила Спарта,—свободу и собственные законы; но это средство оказалось неудачнымъ. Они ~~нашлись въ необходимости~~, принуждены были

для удержанія порядка—разрушить нѣсколько городовъ. Въ самомъ дѣлѣ, для этого не существуетъ болѣе вѣрнаго средства, какъ разореніе. Тотъ, кто завоевавъ страну, привыкшую къ свободѣ, не разоритъ ее, долженъ ожидать, что будетъ самъ низвергнутъ. Слово свобода, служитъ всегда предлогомъ къ возстаніямъ, а древнія учрежденія не изглаживаются изъ народной памяти ни временемъ, ни благодѣяніями. Если между жителями не будетъ поселено раздора, и они не будутъ разсѣяны, то при всѣхъ мѣрахъ, мысль о свободѣ и прежнихъ учрежденіяхъ никогда не выйдетъ изъ ихъ сердца и памяти, и всѣ поспѣшатъ возвратиться къ нимъ при первой возможности. Такъ случилось въ Пизѣ, невзирая на то, что она долгое время находилась подъ игомъ Флоренціи.

Но когда города или провинціи привыкли рабски повиноваться государю, котораго родъ уничтожился и народъ не можетъ согласиться въ выборѣ себѣ другаго повелителя, а въ порабощеніи своемъ потерялъ способность къ отысканію свободы, то онъ съ трудомъ бросается къ оружію и тѣмъ даетъ государю болѣе средствъ къ своему порабощенію.

Въ республикахъ, напротивъ, вкоренившаяся ненависть и страсть къ мщенію болѣе дѣятельны, а воспоминаніе о прежней свободѣ не даетъ жителямъ ни одной минуты спокойствія. Изъ этого видно, что для удержанія такихъ республикъ въ повиновеніи, не остается другаго средства, какъ разрушить ихъ или самому поселиться между ними.

Замѣчанія Реберга.

Макіавель имѣлъ въ виду народы, увлекающіеся сильными страстями и способные къ бо́льшимъ пожертвова-

*

ніямъ, нежели народы нынѣшняго времени. Онъ говоритъ о разрушеніи цѣлыхъ городовъ, объ уничтоженіи государствъ, какъ бы объ обыкновенныхъ и необходимыхъ дѣлахъ. Такъ, могъ думать только писатель, имѣвшій предъ глазами времена Гвельфовъ и Гибеллиновъ, времена, когда города осуждались къ разрушенію, какъ императоръ Францискъ I поступилъ съ Миланомъ и сдѣлалъ это съ такою легкостью, какъ въ странахъ, въ которыхъ существуетъ крѣпостное состояніе, помѣщикъ переселяетъ своихъ крестьянъ, имѣя въ виду воспользоваться ихъ жилищами. Если къ этому присоединить неугасаемую мстительность, всегдашнюю страсть къ убійствамъ и увлеченіе въ злобѣ италіянцевъ, то понятно, почему Макіавель могъ составить правила, которыя въ концѣ восемнадцатаго столѣтія не согласовались уже съ общественнымъ мнѣніемъ и даже съ образомъ мыслей монарховъ. Нынѣшняя государственная наука, финансы и военное искусство, научаютъ, какъ извлекать изъ порабощенныхъ народовъ разныя выгоды, невообразимыя при подобныхъ насильственныхъ мѣрахъ. Незначительная власть государей и недостатки ихъ учрежденій, требовали въ прежнія времена совершенно другихъ дѣйствій. Если принять въ соображеніе малочисленность арміи, какую при всѣхъ усиліяхъ успѣлъ собрать Карлъ V, повелитель Испаніи, Индіи, Бельгіи и части Германіи, какъ трудно ему было получить потребныя деньги, и какъ невѣрны были отъ того всѣ его завоеванія, то обнаруживается ясно, что въ то время, ему нужно было принимать другія мѣры, нежели тѣмъ государямъ, которые распоряжаются статысячными арміями и неограниченнымъ денежнымъ кредитомъ.

ГЛАВА VI.

О государствахъ покоренныхъ государемъ собственымъ оружіемъ.

Пусть не удивляются, что говоря о новыхъ государствахъ и государяхъ, и вообще о государствахъ, я буду дѣлать ссылки на исторію. Люди обыкновенно идутъ по дорогѣ пробитой другими и подражаютъ бывшимъ примѣрамъ; но какъ невозможно идти совершенно тѣмъ же путемъ и сравняться вполнѣ съ тѣми, коимъ подражаемъ, то мудрый человѣкъ долженъ брать за образецъ дѣянія великихъ мужей, съ тѣмъ, что если онъ и не будетъ въ состояніи съ ними сравняться вполнѣ, то покрайней мѣрѣ будетъ хотя нѣсколько на нихъ похожъ. Въ этомъ отношеніи, они должны поступать какъ стрѣлки, которые, зная что предметъ цѣли находится въ слишкомъ большомъ отдаленіи, цѣлятъ, сообразно съ силою своего лука, нѣсколько выше, имѣя въ виду, что если онъ и не попадетъ прямо въ цѣль, то покрайней мѣрѣ достигнетъ предмета.

Прежде всего скажу, что отъ личныхъ свойствъ государя зависитъ, болѣе или менѣе, возможность отстранить

затрудненія, встрѣчаемыя при удержаніи въ повиновеніи завоеваннаго государства. Для того, чтобъ частное лице могло достигнуть престола, необходимо счастіе и таланты. Точно также, для сохраненія престола нужно то и другое. Во всякомъ случаѣ, тотъ будетъ тверже держаться, кто менѣе будетъ полагаться на счастіе. Это облегчается, если государь, по неимѣнію другихъ владѣній, находится въ необходимости жить въ новомъ государствѣ.

Изъ числа лицъ, достигнувшихъ престола исключительно талантами или храбростью, въ особенности отличаются: Моисей, Киръ, Ромулъ, Тезей и мн. друг. О Моисеѣ не слѣдовало бы здѣсь вовсе упоминать, потому что онъ былъ только исполнителемъ Божіей воли, ~~ему~~ слѣдуетъ благоговѣть какъ избраннику Божіемъ, для объявленія людямъ его воли. Что же касается до Кира, и другихъ мужей основавшихъ новыя государства, то они дѣйствительно достойны удивленія. Разсматривая ихъ дѣянія, мы убѣждаемся, что дѣйствія ихъ похожи на дѣйствія Моисея, шедшаго по пути, указанному самимъ Богомъ. Жизнь ихъ и дѣла, показываютъ сверхъ того, что въ успѣхѣ введенія того образа правленія, какой имъ казался лучшимъ, они были обязаны не счастію, а современнымъ обстоятельствамъ, безъ коихъ ихъ таланты и мужество не принесли бы никакихъ плодовъ, и на оборотъ, безъ личныхъ достоинствъ, однѣ обстоятельства имъ бы не помогли. Для того, чтобъ израильтяне согласились идти за Моиссемъ, было необходимо, чтобъ они находились въ египетскомъ рабствѣ. Для того, чтобъ у Ромула явилась мысль основать Римъ и сдѣлаться его королемъ, было необходимо, чтобъ, послѣ рожденія, онъ былъ выставленъ на Тибръ и получилъ воспитаніе въ Альбѣ. Киръ долженъ былъ найти Персовъ недовольными мидійскимъ правительствомъ, а мидійцевъ—изнѣженныхъ продолжительнымъ миромъ. Тезей не могъ бы показать аѳинянамъ своего мужества, еслибъ они не были разсѣяны. Обстоятельства доставили вышеозначеннымъ мужамъ возможность отличиться, а ихъ способности доставили имъ возможность воспользоваться случаями, чтобъ доставить своему отечеству славу и упрочить его благосостояніе.

Тѣмъ лицамъ, которыя, такимъ образомъ, дѣлаются государями, приходится бороться съ большими затрудненіями, но за то, достигнувъ трона, они удерживаются на немъ легко. Эти затрудненія заключаются въ учрежденіяхъ, которыя они должны вводить для образованія новаго правительства и для обезпеченія своей личной безопасности. Нѣтъ ничего опаснѣе и сомнительнѣе успѣха, при стремленіи присвоить себѣ верховную власть. Всѣ, которымъ при прежнихъ постановленіяхъ было хорошо, дѣлаются его врагами и онъ можетъ найти опору и то очень слабую, только среди тѣхъ лицъ, которые надѣются выиграть при новыхъ учрежденіяхъ. Слабость этихъ послѣднихъ происходитъ отъ боязни ихъ противной стороны, имѣющей за собою законность, а частью отъ недовѣрчивости, потому что люди получаютъ полную довѣренность тогда только, когда успѣхъ очевиденъ. Это бываетъ причиною, что враги новаго порядка вещей, пользуются каждымъ случаемъ, чтобъ напасть на него, а тѣ, кои отстаиваютъ новый порядокъ, защищаются такъ слабо, что не только самъ глава партіи, но и его соучастники подвергаются опасности.

Чтобъ обсудить этотъ предметъ еще глубже, надобно разсмотрѣть: имѣютъ ли эти нововводители собственную

самостоятельность, или находятся въ зависимости отъ другихъ и достаточно ли для достиженія цѣли одного убѣжденія, или для этого необходимо употребить силу? Въ первомъ случаѣ, результатъ всегда не хорошъ; но когда они независимы и въ состояніи употребить силу, то рѣдко бываетъ неудача. По этой причинѣ, всѣ вооруженные пророки имѣли успѣхъ, а невооруженные—падали. Ко всему вышеизложенному надобно еще прибавить перемѣнчивость народнаго мнѣнія. Народъ легко увлечь, но трудно потомъ удерживать. Относительно народа слѣдуетъ принимать такія мѣры, чтобъ въ случаѣ недовѣрія можно было заставить его вѣрить силою. Моисей, Киръ, Тезей и Ромулъ не были бы въ состояніи поддержать свои учрежденія, еслибъ, въ случаѣ надобности, не могли употребить оружія. Такъ, въ наше время, случилось съ фра Жироламо Савонарола, погибшаго со всѣми своими учрежденіями, когда народъ пересталъ ему довѣрять, а у него самого не было средствъ поддержать вѣру у тѣхъ, кои ему вѣрили, а невѣрующихъ заставить вѣрить силою. Правда, людямъ талантливымъ и мужественнымъ, приходилось побѣждать множество затрудненій; но за то, отстранивъ ихъ однажды и заставивъ умолкнуть зависть, они внушали къ себѣ всеобщее уваженіе и пріобрѣтали могущество, почести и покой.

Къ этимъ большимъ примѣрамъ, присоединяю еще одинъ, который хотя не такъ значителенъ, но, подобно многимъ другимъ, можетъ быть сравненъ съ ними. Я тутъ разумѣю Герона сиракузскаго. Только счастіе и случай доставили ему возможность, сдѣлаться изъ частнаго человѣка государемъ. Сиракузцы, будучи притѣсняемы, избрали его своимъ главою, а въ этомъ званіи онъ оказалъ такія заслуги своимъ соотечественникамъ, что достигъ престола. Будучи еще частнымъ человѣкомъ, онъ отличался своимъ поведеніемъ, такъ, что о немъ говорили, что ему недостаетъ только государства, чтобъ быть государемъ. Онъ распустилъ прежнее войско и вмѣсто его сформировалъ новое; отсталъ отъ прежнихъ союзовъ и заключилъ новые; имѣлъ такъ много друзей и войска были къ нему такъ преданы, что, при ихъ помощи, онъ могъ рѣшиться на всякое предпріятіе и хотя ему стоило много труда достигнуть престола, но достигнувъ его, легко было на немъ удержаться.

Замѣчанія Реберга.

Савонарола былъ частью религіознымъ, а частью политическимъ фанатикомъ. Во время изгнанія Медичи, въ началѣ шестьнадцатаго столѣтія, большая часть флорентійскаго народа обожала его. Основаніемъ его политическаго вліянія былъ религіозный фанатизмъ. Онъ могъ бы управлять флорентійцами неограниченно и провести свои идеи подобно Магомету, еслибъ источникъ его величія не поколебался. Раздоры его ордена съ остальными монахами, родили завистниковъ и соперниковъ, проповѣдывавшихъ такія же чудеса, какъ онъ. Народъ не зналъ кому вѣрить и потому смотрѣлъ спокойно, какъ жгли человѣка, который нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, самъ могъ осуждать на сожженіе своихъ противниковъ.

Такъ непрочно все, основанное на разнородныхъ элементахъ. Какъ фанатикъ теряетъ свое вліяніе, когда начинаетъ употреблять религіозный фанатизмъ для достиженія политическихъ цѣлей, такъ теряетъ свое вліяніе вся-

кій, у котораго спадетъ надѣтая маска и народъ убѣдится, что для достиженія своихъ частныхъ цѣлей, онъ не щадитъ предметовъ, наиболѣе его интересующихъ.

Впрочемъ, излишне говорить, что все то, что Макіавель говоритъ о нововведеніяхъ и о непостоянствѣ приверженцевъ, можетъ относиться только къ предпріятіямъ какихъ нибудь неразсудительныхъ головъ. Во всякомъ предпріятіи, сначала, принимаетъ участіе только одна какая нибудь партія, но великія событія нашего времени показываютъ, что именно эти нововведенія одушевляютъ народъ и заставляютъ его принимать самое живое участіе въ дѣлѣ. Хотя, сначала, почти всегда мало участниковъ, но часто случается, что меньшая часть народа, находя въ сильнѣйшей партіи мало сопротивленія, вслѣдствіе несогласій, заставляетъ ее согласиться на новыя идеи и подчиниться новымъ порядкамъ.

ГЛАВА VII.

О государствахъ, завоеванныхъ при посторонней помощи или пріобрѣтенныхъ счастливымъ случаемъ.

Если частное лицо дѣлается владѣтельнымъ государемъ только посредствомъ одного счастія, то это ему не стоитъ большаго труда; но тѣмъ труднѣе ему держаться на престолѣ. Не встрѣчая на пути никакихъ препятствій, такіе государи достигаютъ скоро цѣли; но взошедши на высоту, они, въ тотъ же самый моментъ, встрѣчаютъ затрудненія. Это случается съ тѣми, которые домогаются верховной власти посредствомъ денегъ или покровительства какого нибудь могущественнаго монарха. Такъ, напримѣръ: въ Греціи, Дарій назначилъ нѣсколько лицъ правителями въ Іонію и въ Геллеспонтъ, для своего обезпеченія и для увеличенія своего значенія. Многіе достигали императорскаго сана посредствомъ подкупа солдатъ. Основаніе такихъ государей не твердо и шатко: они зависятъ отъ судьбы и отъ расположенія къ нимъ тѣхъ, кои возвели ихъ на престолъ. Они не умѣютъ и не могутъ

утвердиться на своемъ мѣстѣ, разумѣется, за исключеніемъ людей одаренныхъ очень большими способностями и мужествомъ. Не много частныхъ лицъ обладаютъ искусствомъ повелѣвать. Они не могутъ повелѣвать, потому что не имѣютъ войскъ, на вѣрность и преданность коихъ могли бы разсчитывать. Сверхъ того, государства, образовавшіяся такъ внезапно, подобно всему быстро растущему въ природѣ, не въ состояніи пустить глубокихъ корней, а отъ того каждый порывистый вѣтеръ его опрокидываетъ, исключая развѣ лицъ, возведенныхъ на престолъ, хотя тоже счастіемъ, но кои, будучи одарены умомъ и талантами, съумѣли найти средства сохранить то, что имъ ниспослано счастіемъ и, сдѣлавшись государями, съумѣли найти себѣ опору, о которой заботились прежде нежели достигли престола.

Примѣромъ тому, какъ достигаютъ престола посредствомъ этихъ двухъ способовъ, т. е. посредствомъ счастія и посредствомъ талантовъ, могутъ служить, изъ нашего времени: Францискъ Сфорцъ и Цесарь Боржіа. Первый,—сдѣлался герцогомъ миланскимъ чрезъ свое мужество и способность, и легко сохранялъ то, что пріобрѣлъ съ большимъ трудомъ; послѣдній, — Цесарь Боржіа, достигъ верховной власти счастіемъ отца, но потерялъ ее тотчасъ послѣ его смерти, невзирая на то, что употребилъ все, что долженъ былъ сдѣлать умный и мужественный государь, чтобъ прочно держаться на престолѣ, полученномъ чрезъ чужое оружіе и чужое счастіе. Хотя и возможно строить домъ безъ фундамента, а заложить таковой послѣ возведенія стѣнъ, но для этого нужны самыя большія усилія и это, сверхъ того, сопряжено съ опасностью какъ для строителя, такъ и для строенія. Разсматривая дѣйствія герцога, оказывается, что онъ сдѣлалъ очень много, чтобъ положить прочное основаніе къ своему будущему могуществу. Считаю не излишнимъ описать его дѣйствія въ подробности, потому что новому государю не могу дать лучшаго совѣта, какъ подражать его дѣйствіямъ. Если его распоряженія не привели къ предположенной цѣли, то это случилось не по его винѣ, а по особеннымъ, чрезвычайно неблагопріятнымъ для него, обстоятельствамъ. Желая доставить своему сыну особое государство, папа Александръ VI долженъ былъ предвидѣть, что при исполненіи своего плана, онъ встрѣтитъ большія затрудненія, какъ въ настоящее, такъ и въ будущемъ времени. Онъ не имѣлъ средствъ доставить ему другое владѣніе, какъ только въ провинціи, принадлежавшей Церковной области. Онъ зналъ, что герцогъ миланскій и венеціане этого не позволятъ, ибо Фаенца и Римини, уже находились подъ покровительствомъ венеціанъ. Кромѣ того, онъ видѣлъ, что италіянскія войска, а въ особенности тѣ, которыя онъ могъ бы употребить, находились въ такихъ рукахъ, которыя боялись могущества папы. Онѣ были преданы Орсини и Колонна, а потому нельзя было разсчитывать на ихъ вѣрность и, слѣдовательно, необходимо было уничтожить такой порядокъ и чтобъ завладѣть частію италіянскихъ государствъ, поднять въ нихъ знамя бунта. Это было легко, потому что венеціане рѣшились, въ то время, по другимъ видамъ, опять призвать въ Италію французовъ. Согласившись расторгнуть первый бракъ Людовика XII, папа не только не препятствовалъ, но способствовалъ этому. Такимъ образомъ, король вторгнулся въ Италію съ согласія венеціанъ и папы. Едва онъ успѣлъ овладѣть Миланомъ, какъ далъ

Александру достаточное число войскъ для завладѣнія Романіею, которая и была покорена французскимъ оружіемъ. Овладѣвъ этой провинціей, разбивъ партіи Колонны, Александръ думалъ о томъ, какъ упрочить свои завоеванія и какъ ихъ еще распространить? Онъ сомнѣвался въ вѣрности войскъ, и, въ тоже время, не могъ полагаться на французскаго короля: онъ опасался, что войска Орсини, имъ употребленныя, отпадутъ отъ него, и не только воспрепятствуютъ ему дѣлать новыя завоеванія, но отнимутъ завоеванное; на короля онъ также мало разсчитывалъ. Опасенія его на счетъ орсиніевскихъ войскъ оказались справедливыми: въ этомъ онъ убѣдился, когда послѣ взятія Фаенцы онъ приступилъ къ приготовленіямъ для осады Болоньи, гдѣ эти войска дѣйствовали очень медленно. Что касается до короля, то его виды обнаружились тѣмъ, что когда послѣ занятія герцогства Урбино, герцогъ напалъ на Тоскану, то король заставилъ его отказаться отъ этого предпріятія: поэтому онъ рѣшился уже не полагаться ни на оружіе, ни на счастіе. Онъ началъ сперва ослаблять въ Римѣ партіи Орсини и Колонны, привлекая къ себѣ, посредствомъ денегъ, мѣстъ и почестей, всѣхъ дворянъ, имъ преданныхъ. Втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, угасла ихъ преданность къ прежнимъ начальникамъ и они перешли на сторону герцога. Партія Колонны уже была имъ разсѣяна и онъ выжидалъ только случая, чтобъ уничтожить партію Орсини. Эта партія замѣтила, но уже слишкомъ поздно, что могущество герцога и папы повлечетъ за собою непремѣнно ихъ паденіе, а потому они созвали сеймъ въ Маджіоне и въ Перузіи. Послѣдствіемъ этого, было возстаніе въ Урбино и бунтъ въ Романіи, подвергнувшіе герцога боль-

шой опасности, которой онъ однакоже избѣгнулъ съ помощью французскихъ войскъ. Поправивъ свои дѣла, онъ уже не вѣрилъ ни французамъ, ни другимъ чужеземнымъ войскамъ, и чтобъ не рисковать ни чѣмъ, началъ дѣйствовать хитростью и съумѣлъ скрыть свои намѣренія такъ искусно, что Орсини примирились съ нимъ чрезъ посредство синьора Павла Орсини. Онъ не выпустилъ изъ вида ничего необходимаго для преклоненія ихъ на свою сторону: дарилъ ихъ платьями, деньгами и лошадьми до тѣхъ поръ, пока, посредствомъ обмана, они не попали въ его руки въ Синигаліи. Съ уничтоженіемъ этихъ предводителей, и съ подчиненіемъ себѣ ихъ приверженцевъ, онъ положилъ прочное основаніе своему могуществу. Онъ владѣлъ всею Романіею и герцогствомъ Урбино и съумѣлъ снискать расположеніе жителей, которые были довольны его правленіемъ. Такъ-какъ это обстоятельство въ особенности замѣчательно, то распространюсь о немъ нѣсколько болѣе.

Овладѣвъ Романіею, онъ усмотрѣлъ, что она принадлежитъ множеству владѣтельныхъ князей, которые болѣе грабили своихъ подданныхъ, нежели правили ими, и вмѣсто водворенія порядка, сами были причиною разныхъ безпорядковъ. Край былъ наполненъ разбойниками и повсюду господствовало своеволіе. Онъ убѣдился, что для водворенія порядка необходимо учредить въ немъ твердое правительство. Поэтому, онъ назначилъ сюда правителемъ Рамеро д'Орко, человѣка дѣятельнаго, но жестокаго, уполномочивъ его самою обширною властью. Д'Орко, въ самое короткое время, успокоилъ край, соединилъ всѣ партіи, водворилъ порядокъ, и пріобрѣлъ большую славу. Но скоро герцогу показалось, что такая обширная власть

БИБЛИОТЕКА

и жестокость—вредны, такъ-какъ могутъ сдѣлать ненавистнымъ самое правительство. Поэтому, онъ учредилъ въ Романіи гражданскій судъ, подъ предсѣдательствомъ человѣка, пользовавшагося общимъ уваженіемъ. Въ этотъ судъ были присланы адвокаты отъ каждаго города. Замѣтивъ, что прежнія жестокости Рамиро успѣли возбудить ненависть противъ него самого, онъ, чтобъ погасить ее и пріобрѣсти любовь народа, началъ показывать видъ, что всѣ жестокости произошли не отъ него, а отъ жестокаго характера его намѣстника. Для этого, онъ воспользовался первымъ представившимся ему случаемъ, и приказалъ разрубить д'Орко на двѣ части и тѣло его выставить на рынкѣ, на шестѣ, вмѣстѣ съ окровавленнымъ ножемъ возлѣ него. Это ужасное зрѣлище удовлетворило народъ и успокоило его на нѣкоторое время.

Но возвратимся къ герцогу. Сформировавъ достаточное число войскъ и уничтоживъ всѣхъ опасныхъ сосѣдей, онъ пріобрѣлъ большое могущество и обезпечилъ себя противъ всѣхъ опасностей. Чтобъ упрочить свое завоеваніе и сдѣлать еще новыя, ему оставалось только имѣть на своей сторонѣ французскаго короля. Онъ зналъ, что король, хотя поздно, но замѣтилъ свою ошибку и неблагопріятно смотрѣлъ на его завоеванія. Поэтому, онъ началъ заключать новые союзы, а когда французская армія подвинулась въ Неаполитанское королевство противъ испанцевъ, осаждавшихъ Гаэту, то онъ началъ себя вести съ французами двусмысленно. Онъ имѣлъ намѣреніе самъ овладѣть Гаэтою и это удалось бы ему, еслибъ Александръ VI остался живъ. Таково было его поведеніе относительно настоящаго времени.

Что касается до будущности, то ему слѣдовало опасаться, чтобъ новый папа не вздумалъ, по недоброжелательству, отнять у него то, что доставилъ ему Александръ VI-й, а потому онъ принялъ противъ этого слѣдующія мѣры: *во-первыхъ*, чтобъ лишить папу предлога отнять у него захваченное, уничтожилъ всѣхъ лицъ принадлежавшихъ къ ограбленнымъ имъ фамиліямъ; *во-вторыхъ*, привязалъ къ себѣ всѣхъ дворянъ Рима, съ тѣмъ, чтобъ посредствомъ ихъ управлять папою; *въ-третьихъ*, пріобрѣлъ себѣ, сколько было возможно, друзей въ кардинальскомъ совѣтѣ, *и въ-четвертыхъ*, старался, еще до смерти отца, пріобрѣсти такое могущеетво, чтобъ имѣть возможность собственными силами отразить всякое нападеніе. Изъ этихъ четырехъ мѣръ, онъ успѣлъ, до смерти отца, привести въ исполненіе первыя три вполнѣ; и приготовилъ все для четвертой. Изъ числа лицъ имъ ограбленныхъ, было убито столько, сколько представила возможность, такъ что только очень немногіе избѣгли смерти; римскіе дворяне были подкуплены, а въ кардинальскомъ совѣтѣ большая часть членовъ были на его сторонѣ. Что касается до увеличенія своихъ владѣній, то онъ помышлялъ объ овладѣніи Тосканою. Онъ уже владѣлъ Перуджіею и Піомбиною, а Пиза находилась подъ его покровительствомъ. Послѣ того, ему уже нечего было церемониться съ французами, вытѣсненными изъ Италіи испанцами, искавшими, подобно французамъ, его дружбы. Лукка и Сіена должны были уступить, частью по ненависти къ Флоренціи, а частью изъ страха. Флорентійцы были слишкомъ слабы, чтобъ однимъ защищаться противъ него.

Еслибъ всѣ эти предположенія удались (онѣ должны были исполниться въ томъ же году, когда умеръ Алек-

сандръ), то онъ пріобрѣлъ бы такую силу и славу, что могъ бы держаться собственнымъ могуществомъ, не завися вовсе отъ счастія или посторонняго могущества. Но Александръ умеръ пять лѣть послѣ обнаженія меча. Онъ оставилъ своего сына въ слѣдующемъ положеніи: его господство было прочно только въ одной Романіи; всѣ остальныя завоеванія были, такъ сказать, только призракомъ и находились между двумя сильными партіями, тогда какъ самъ герцогъ былъ боленъ. Герцогъ былъ такъ искусенъ, такъ мужественъ, такъ хорошо зналъ людей, умѣлъ ихъ къ себѣ привязывать, и господство его было сооружено на такомъ прочномъ основаніи, что онъ поборолъ бы всѣ затрудненія, еслибъ не имѣлъ противъ себя двухъ армій и еслибъ былъ здоровъ. Доказательствомъ прочности его могущества можетъ служить то, что Романія осталась ему вѣрна втеченіи цѣлаго мѣсяца, ему, умиравшему въ Римѣ, куда отправились и Баліоны, и Вителли и Орсини, не смѣя однакоже атаковать его. Онъ успѣлъ, если не назначитъ новаго папу, то воспрепятствовать избранію кого нибудь противъ его желанія. Еслибъ, во время смерти Александра, онъ былъ совершенно здоровъ, то все было бы для него легко. Въ тотъ самый день, когда Юлій былъ избранъ на папскій престолъ, герцогъ сказалъ мнѣ, что предвидѣлъ все, что должно было случиться послѣ смерти его отца и что онъ принялъ всѣ нужныя мѣры; но не предвидѣлъ одного: что самъ онъ, въ то же время, будетъ такъ близокъ къ смерти.

Сообразивъ, совокупно, всѣ дѣйствія герцога, я не могу охуждать ихъ ни въ какомъ отношеніи. Напротивъ, мнѣ кажется, что онъ вполнѣ можетъ служить примѣромъ

для тѣхъ, которые домогаются верховной власти счастіемъ и посредствомъ чужаго могущества. При его обширныхъ видахъ и предположенной цѣли, онъ не могъ дѣйствовать иначе. Преждевременная смерть отца и его собственная смертельная болѣзнь, были единственными причинами, что его планы разрушились. Тотъ, кто достигнувъ верховной власти въ новомъ государствѣ, сочтетъ нужнымъ обезпечить себя противъ враговъ силою или хитростью, долженъ пріобрѣсти друзей, побѣдить враговъ силою или хитростью, внушить къ себѣ любовь и страхъ народа, пріобрѣсти преданность и уваженіе солдатъ, уничтожить всѣхъ, кто можетъ быть ему вреденъ, издать новые законы, вмѣсто существовавшихъ до того времени; быть въ одно время строгимъ, милостивымъ, великодушнымъ, щедрымъ, распустить войска, на которыя нельзя полагаться и сформировать новыя; достигнуть такого расположенія королей и князей, чтобъ они находили удовольствіе дѣлать ему добро и боялись имѣть его своимъ непріятелемъ. Повторяю, тотъ, кто желаетъ достигнуть всего этого, не можетъ найти лучшаго образца для подражанія, какъ дѣйствія Боржіа. Одно, въ чемъ можно его упрекнуть, это выборъ папы Юлія II-го. Хотя, какъ объяснено выше, онъ не могъ выбрать папу по своему желанію, но все-таки онъ не долженъ былъ допускать, чтобъ былъ выбранъ такой изъ кардиналовъ, которому онъ прежде вредилъ или который сдѣлавшись папою, долженъ былъ его бояться, ибо люди вредятъ намъ по ненависти, или изъ страха. Тѣ, коимъ онъ вредилъ, были между прочими: кардиналъ Санъ Піетро изъ Винкула, Колонна, санъ Жоржіа, и Асканія. Всѣ остальные, въ случаѣ ихъ избранія, должны были его бояться, исключая кардиналовъ ру-

анскаго и испанскаго, бывшихъ съ нимъ въ родствѣ. Д'Амбоазъ, пользуясь покровительствомъ французскаго короля, не имѣлъ надобности его бояться. Поэтому, герцогъ долженъ былъ способствовать избранію въ папы одного изъ испанскихъ кардиналовъ. Еслибъ это не удалось, то долженъ былъ содѣйствовать избранію руанскаго кардинала и ни въ какомъ случаѣ, не допускать къ избранію Санъ Піетро изъ Винкула *). Тотъ ошибается, кто думаетъ, что старыя обиды изглаживаются благодѣяніями. Герцогъ сдѣлалъ ошибку, которая была причиною его собственнаго паденія.

Замѣчанія Реберга.

Читая эту главу, всякій, безъ сомнѣнія, будетъ объятъ ужасомъ, подобно тому, какъ случилось съ жителями Ценезы, когда они увидѣли убитаго Рамиро д'Орко.

Эта исторія такъ безчеловѣчна, что невольно рождается мысль, что Макіавель составилъ изъ нея идеалъ, котораго нельзя превзойти. Можетъ быть, Цесарь Боржіа былъ не жестокъ, а только справедливъ, и, подъ предлогомъ справедливости, удовлетворялъ собственныя страсти. Можетъ быть, онъ терпѣлъ д'Орко, нѣкоторое время, только отъ того, что онъ былъ ему необходимъ, а велѣвъ его казнить, принесъ его въ жертву справедливости. Но если онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ такой, какъ его описываетъ Макіавель, то уже этого одного вѣроломнаго поступка достаточно, чтобъ устрашить отъ вступленія къ нему на службу каждаго честнаго и самостоятельнаго человѣка, въ ка-

*) Delle Rovere—названіе, которое имѣлъ до того времени Юлій II-й.

ковыхъ герцогъ Валентинуа, безъ сомнѣнія, нуждался для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ.

Этотъ идеалъ Макіавеля, выставляемый имъ преимущественно предъ другими, стремившимися къ верховной власти, былъ умнѣе, рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе многихъ другихъ, которые для своего возвышенія позволяли себѣ всѣ средства. Тѣ дворяне, которыхъ онъ приказалъ умертвить въ Синигаліи, о чемъ Макіавель говоритъ въ особенномъ разсказѣ, были не лучше его, а въ отношеніи своихъ подданныхъ еще хуже. Мы читаемъ, особенно объ Оливретто, владѣтелѣ Фермо, рядъ такихъ постыдныхъ поступковъ, что отрадно слышать, что, наконецъ, явился злой геній, наказавшій его и очистившій отъ него землю. Гдѣ цѣлая толпа могущественныхъ людей предается самымъ дикимъ страстямъ, забывая всякое чувство, тамъ уже большой выигрышъ для человѣчества, если надъ ними беретъ верхъ умный человѣкъ. Этотъ послѣдній будетъ, для собственной выгоды, дѣлать иногда добро и препятствовать злу. Неоспоримо, что Цесарь Боржіа былъ хитрѣе своихъ соперниковъ и имѣлъ болѣе возвышенныя цѣли, нежели они; но сомнительно, былъ ли онъ дѣйствительно такой идеалъ ума, какимъ его желаетъ представить Макіавель? Можно предполагать, что на сужденія Макіавеля имѣлъ нѣкоторое вліяніе упоминаемый имъ разговоръ. Можетъ быть, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, заслужилъ свою славу, или получилъ ее происками. Главный вопросъ заключается въ томъ, можетъ ли почитаться совершеннымъ государь, употребляющій всѣхъ вообще людей орудіемъ для достиженія своихъ личныхъ видовъ, подавляя все благородное?

Сильные сего міра обыкновенно такъ думаютъ, и для

этого не нужно быть государемъ. Но спрашивается, не случается ли чаще, что низшіе управляютъ высшими, употребляя во зло ихъ довѣренность,—нежели высшіе низшими и потому первые никогда не знаютъ послѣднихъ и на оборотъ. Позволено ли, при исполненіи важныхъ цѣлей, почитать людей за машины, коихъ силу и дѣйствіе можно исчислить? Слѣдуетъ ли смотрѣть на ткань ихъ взаимныхъ отношеній, какъ на какую нибудь игрушку? Въ такой игрѣ, какъ и во всѣхъ азартныхъ играхъ, удача можетъ быть тогда только, когда человѣкъ заглушитъ въ себѣ всѣ чувства, подчиняя свои дѣйствія только одному холодному разсудку.

Причины побуждающія людей дѣйствовать такъ или иначе, равно какъ послѣдствія ихъ дѣйствій, не представляются уму съ такою ясностью, чтобъ можно было разсчитать ихъ напередъ, по точнымъ законамъ. Самый опытный политикъ часто приходитъ въ неудомѣніе отъ неожиданныхъ житейскихъ случайностей. Рѣдко встрѣчаются люди истинно послѣдовательные, а послѣ того, кто въ состояніи охарактеризовать всѣхъ остальныхъ съ бо́льшею или мѐньшею положительностію?

Точно также невозможно подчинять свои дѣйствія исключительно одному разуму. Еслибъ даже политикъ, руководствующійся правилами Макіавеля, былъ вѣренъ самъ себѣ, то его искусственное поведеніе не будетъ имѣть надлежащаго дѣйствія. Тотъ, кто самъ одушевленъ—увлекаетъ за собою и другихъ. Сила истиннаго чувства не можетъ быть замѣнена никакою искусственною ролью, какъ бы хорошо она ни была сочинена и разыграна. Такъ, нельзя управлять людьми долго. Часто, даже самые ограниченные люди, въ этомъ отношеніи, чрезвычайно проницательны. Они не въ состояніи дать себѣ отчета о томъ, чего имъ недостаетъ, но ихъ внутреннее благородное чувство подсказываетъ имъ, что они сдѣлались игрушкою чужаго, превосходнѣйшаго ума. Если нѣкоторые частные случаи и бываютъ удачны, то цѣлая ткань искусства все-таки не достигаетъ цѣли.

Наконецъ, общественное мнѣніе прощаетъ предосудительныя дѣйствія только въ такомъ случаѣ, когда посредствомъ ихъ дѣйствительно достигаютъ цѣли. Слѣдовательно тотъ, кто вовсе не будетъ обращать вниманія на нравственную сторону,—не можетъ быть увѣренъ въ успѣхѣ. Онъ долженъ предвидѣть все, быть готовымъ на все и не дѣлать ни одного промаха. И Цесарь Боржіа, котораго политическое поведеніе Макіавель выдаетъ за образецъ, все-таки сдѣлалъ, по собственному его сознанію, одну ошибку, которая его и погубила. Ошибка его при избраніи папы, когда онъ не сдѣлалъ то, что слѣдовало бы сдѣлать для своего обезпеченія, довела его до тюрьмы.

Еслибъ, втеченіи цѣлой жизни, въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, онъ не сдѣлалъ ни одной ошибки, что впрочемъ легко только на словахъ, а не на дѣлѣ, то все-таки останутся случайности, которыхъ невозможно предвидѣть. Тотъ, кто не захочетъ поставить себя въ зависимость отъ случайностей, подобныхъ выкинутой картѣ, тотъ, при каждой случайности, удостовѣрится, что чистота намѣреній всегда выше искусства, и что благородное чувство выше холоднаго разума, обязаннаго по своей натурѣ служить доброй волѣ, а не дѣлаться ея господиномъ.

До сихъ поръ, мы говорили только о мудрой находчивости, пользоваться благопріятными обстоятельствами. Но что же дѣлать потомъ, когда счастіе покинетъ тѣхъ, ко-

торые, благодаря только его помощи, достигли величія? Тогда, желающему сохранить верховную власть, необходимо будетъ перемѣниться и пролагать себѣ путь самому. Въ полномъ курсѣ честолюбія, не могутъ быть пропущены подобныя указанія и Макіавель объясняетъ этотъ предметъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VIII.

О тѣхъ лицахъ, которыя достигаютъ верховной власти чрезъ преступленіе.

Самое заглавіе показываетъ, какихъ надобно ожидать разсужденій.

Къ трону ведутъ нѣсколько дорогъ: большія заслуги и преступленія. Оба эти случая встрѣчаются часто въ исторіи. Здѣсь нужно объяснить, отчего, въ обоихъ этихъ случаяхъ, бываетъ удача или неудача.

Господствующее въ странѣ беззаконіе — есть бичъ народа. Первая потребность всякаго гражданскаго общества, заключается въ общественномъ порядкѣ, въ законахъ и власти, наблюдающей за ихъ исполненіемъ. Чтобъ управлять народомъ, нужно прежде достигнуть верховной власти. Бразды правленія должны находиться въ мощныхъ рукахъ. Могутъ найтись люди, которые пожелали бы исключить себя отъ обязанности исполнять нравственные законы, еслибъ были въ состояніи заставить другихъ исполнять ихъ. Еслибъ одно какое нибудь престу-

пленіе вело къ такой цѣли, то можно бы извинить, въ такомъ случаѣ, необходимое отступленіе отъ общаго правила. Такъ можетъ дѣйствовать человѣкъ, котораго поступки будутъ не слѣдствіемъ сердечнаго увлеченія, а спокойнаго размышленія. Но исторія описываетъ многихъ, совершившихъ преступленія только для того, чтобъ открыть свободное поле своему своеволію и дурнымъ наклонностямъ. Макіавель говоритъ не о такихъ людяхъ, а разсуждаетъ только о томъ, какъ удовлетворять честолюбіе и научаетъ, какимъ образомъ, въ этомъ случаѣ, слѣдуетъ поступать, не заботясь о томъ, какъ лице, достигшее верховной власти, будетъ дѣйствовать послѣ. Онъ говоритъ:

«Для достиженія частному лицу престола, существуютъ, кромѣ счастія, заслугъ и добродѣтели, два пути. Хотя объ одной изъ этихъ дорогъ, объяснено въ главѣ о республикахъ, но я коснусь ихъ и здѣсь. Эти пути суть слѣдующіе: первый — посредствомъ преступленія, а второй, въ республикѣ — посредствомъ выбора гражданъ.

О первомъ случаѣ, приведу два примѣра: одинъ изъ давнопрошедшихъ, а другой изъ новѣйшихъ временъ. Нѣтъ надобности распространяться о нихъ много, потому что они достаточно ясны для тѣхъ, кто захотѣлъ бы имъ подражать. Хотя Агаѳоклъ, уроженецъ Сициліи, происходилъ изъ самаго низкаго сословія, но при всемъ томъ сдѣлался сиракузскимъ королемъ. Онъ занимался горшечнымъ дѣломъ и на всѣхъ ступеняхъ, на кои возводило его счастіе, велъ самую развратную жизнь. Онъ былъ такъ силенъ и такъ ловокъ, и былъ одаренъ такими блестящими умственными способностями, что изъ простаго солдата достигъ, сначала, званія претора, а потомъ сдѣлался королемъ и, склонивъ на свою сторону Амилькара, командовавшаго въ то время карѳагенскимъ войскомъ, находившимся въ Сициліи, удержалъ за собой, силою, ту власть, которою былъ облеченъ по доброй волѣ гражданъ.

Однажды, утромъ, Агаѳоклъ собралъ сенатъ и народъ подъ предлогомъ обсужденія нѣкоторыхъ общественныхъ вопросовъ, и въ то же время, приказалъ солдатамъ, по данному сигналу, умертвить всѣхъ сенаторовъ и богатѣйшихъ гражданъ. Послѣ того, онъ захватилъ верховную власть и удержалъ ее безъ всякаго сопротивленія со стороны жителей. Послѣ двухъ пораженій, карѳагеняне осадили его въ самыхъ Сиракузахъ; но онъ защитилъ городъ одною частью войскъ, а съ другою частью перешелъ въ Африку, заставилъ карѳагенянъ снять осаду Сиракузъ и довелъ ихъ до того, что они должны были ограничиться своими владѣніями въ Африкѣ, предоставивъ ему всю Сицилію.

Разсматривая поведеніе Агаѳокла, нельзя не сказать, что его успѣху мало способствовало счастіе: онъ достигъ верховной власти безъ посторонней помощи, боролся съ препятствіями, подвергая свою жизнь опасности и сохранилъ эту власть рѣшительностью и смѣлостью. Само собою разумѣется, что нельзя назвать доблестью — умерщвленіе своихъ согражданъ, измѣну друзьямъ, жизнь безъ вѣры и безъ чувства состраданія. Съ такими качествами можно достигнуть престола, но нельзя пріобрѣсти славы.

Взвѣсивъ очевидныя военныя качества Агаѳокла, а именно: его неустрашимость въ опасностяхъ, твердость въ перенесеніи неудачъ и искусство выходить изъ затруднительнаго положенія — нельзя не поставить его, въ этомъ

отношеніи, на ряду съ лучшими полководцами; но его безчеловѣчіе, жестокость и безчисленныя злодѣянія, не позволяютъ вписывать его имя въ число великихъ людей. Успѣхъ Агаѳокла произошелъ не отъ счастія и не отъ добродѣтели *).

Въ наше время, при папѣ Александрѣ VI-мъ, нѣкто Оливеретто де Фермо, потерявъ въ дѣтствѣ своихъ родителей, былъ воспитанъ дядею съ материной стороны, Жіованни Фоліано и былъ отданъ, въ юныхъ лѣтахъ, на службу Павлу Вителли, для изученія военнаго искусства. Послѣ смерти Павла, онъ служилъ подъ начальствомъ его брата Вителлоцо, и храбростью и искусствомъ, достигъ, въ самое короткое время, высшаго военнаго званія арміи. Считая для себя унизительнымъ служить подъ начальствомъ другаго, онъ рѣшился, при помощи Вителлоци и нѣсколькихъ гражданъ города Фермо, предпочитавшихъ лучше быть рабами, нежели видѣть свое отечество свободнымъ, овладѣть этимъ городомъ, мѣстомъ его рожденія. Написавъ своему дядѣ Жіовани Фоліани, что послѣ долгаго отсутствія онъ намѣренъ возвратиться на родину, и видѣть свое наслѣдство, и что искавши до того времени только славы, онъ хочетъ доказать своимъ соотечественникамъ, что не терялъ напрасно времени, но желаетъ явиться къ нимъ прилично въ сопровожденіи ста кавалеристовъ изъ числа его друзей и слугъ, и потому просилъ его убѣдить жителей Фермо, чтобъ они приняли

*) Кто желаетъ ближе ознакомиться съ дѣяніями Агаѳокла, и научиться изъ древней исторіи, какъ посредствомъ военныхъ способностей и полной безнравственности, не доставляющимъ благодѣтельныхъ послѣдствій, можно совершить великія дѣла, того обращаемъ къ Діодору Сицилійскому, Lib. XIX и XX.

его съ должнымъ почетомъ, что принесетъ честь и ему самому, какъ его дядѣ—воспитателю.

Жіованни исполнилъ желаніе племянника: распорядился о пріемѣ его со всѣми почестями и помѣстилъ его въ своемъ домѣ. Здѣсь, Оливеретто приготовлялся нѣсколько дней къ своему преступному замыслу. Онъ далъ большой обѣдъ, на который были приглашены Жіованни Фоліани и знатнѣйшіе жители города. Послѣ обѣда, среди удовольствій пиршества, Оливеретто завелъ нарочно разговоръ о важныхъ предметахъ и говорилъ о могуществѣ папы Александра, о его сынѣ Цесарѣ и объ ихъ предпріятіяхъ. Когда Жіованни и прочіе, начали высказывать свое мнѣніе, онъ всталъ и объявилъ, что о такихъ предметахъ нужно говорить секретно, а потому пошелъ въ другую комнату, куда за нимъ послѣдовалъ Жіованни и другіе граждане. Едва они успѣли здѣсь усѣсться, какъ на нихъ напали находившіеся въ закрытыхъ мѣстахъ вооруженные солдаты и умертвили Жіованни и всѣхъ прочихъ. Послѣ этого злодѣянія, Оливеретто сѣлъ на лошадь, объѣхалъ городъ, окружилъ ратушу и заставилъ членовъ магистрата избрать его государемъ. Такъ-какъ всѣ лица могшія ему вредить, были умерщвлены, то утвердившись на престолѣ, онъ ввелъ новыя военныя и гражданскія учрежденія. Втеченіи года, онъ успѣлъ утвердиться такъ прочно, что не только былъ внѣ всякой опасности въ Фермо, но сдѣлался страшнымъ для всѣхъ своихъ сосѣдей. Точно также какъ Агаѳокла, его трудно было бы изгнать, еслибъ онъ не былъ обманутъ Цесаремъ Боржіа, который успѣлъ заманить его вмѣстѣ съ Орсини и Вителли въ Синигаліи, гдѣ онъ и былъ удушенъ, вмѣстѣ съ Вителлоцо, своимъ на-

ставникомъ, какъ въ военномъ искусствѣ, такъ и въ злодѣйствахъ.

Можно удивляться, какъ послѣ совершенныхъ злодѣяній, Агаѳоклъ и многіе другіе, могли жить такъ спокойно въ своемъ отечествѣ, занимаясь обороною противъ внѣшнихъ враговъ и отъ чего, въ это время, не было противъ нихъ никакихъ заговоровъ, между тѣмъ какъ многіе другіе, по своей жестокости, не только во время войны, но и среди мира, не были въ состояніи удержать за собою верховной власти? Полагаю, что это происходило отъ хорошаго или дурнаго примѣненія жестокости, которая, если позволено такъ выразиться, — только тогда хороша, когда приводится въ исполненіе только одинъ разъ и когда она дѣйствительно необходима для упроченія власти; впослѣдствіи же употребляется въ ограниченномъ размѣрѣ и только для общаго блага подданныхъ. Худо, если эта мѣра, при началѣ, будетъ недостаточна, а впослѣдствіи, вмѣсто уменьшенія будетъ возрастать. Тѣ, которые прибѣгаютъ къ жестокостямъ подобно Агаѳоклу, могутъ ожидать милости отъ Бога и прощенія отъ людей.

Такимъ образомъ, необходимо, чтобъ всякій самозванецъ совершалъ, для своей собственной безопасности, всѣ жестокости вдругъ, для того чтобъ не быть въ необходимости прибѣгать къ нимъ послѣ, ежедневно, и не отталкивать тѣмъ отъ себя людей. Тотъ, кто по боязливости или вслѣдствіе худыхъ совѣтовъ, поступитъ иначе, долженъ постоянно имѣть въ рукѣ обнаженный мечь и никогда не будетъ смѣть полагаться на своихъ подданныхъ, потому что безпрерывно повторяющіяся жестокости, уничтожатъ всякую къ нему довѣренность. Поэтому, всѣ крутыя мѣры должны быть совершены вдругъ, на тотъ

конецъ, чтобъ менѣе было времени для ихъ обсужденія, а отъ того они сдѣлаются какъ бы менѣе чувствительными. Благодѣянія, напротивъ, должны изливаться на подданныхъ какъ можно чаще, для того чтобъ подданные занимались ими безпрестанно. Въ особенности, государь долженъ обдумать и составить такой планъ дѣйствій, чтобъ и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, не быть въ необходимости отступать отъ него, ибо при худыхъ обстоятельствахъ, не время прибѣгать къ жестокостямъ, а при благопріятныхъ, вынужденныя благодѣянія не имѣютъ никакой цѣны.

Замѣчанія Реберга.

Въ концѣ этой главы заслуживаетъ особеннаго вниманія совѣтъ Макіавеля, высказывающій, что жестокости и насилія дозволительны при присвоеніи верховной власти, а также, что онѣ могутъ быть употреблены каждымъ государемъ.

Если особенныя обстоятельства заставляютъ прибѣгать къ жестокимъ мѣрамъ, то всего лучше слѣдовать совѣту Макіавеля, т. е. все что имѣлось въ виду сдѣлать,—кончить однимъ ударомъ. Всѣ люди желаютъ имѣть защиту отъ руки общественной власти, но не хотятъ, чтобъ мечь этотъ висѣлъ надъ ними постоянно. Строгая справедливость скоро дѣлается ненавистною и тѣ, которые смотрятъ съ удовольствіемъ на наносимые удары, не составляютъ той части народа, коей расположеніе ближе лежитъ къ сердцу государя.

Это относится, въ особенности, къ важнымъ государственнымъ преступникамъ. Уничтожьте пастуховъ—овцы

разсѣются. Но если эти преступники останутся въ неизвѣстности и будутъ бояться наказанія, то имъ дается поводъ, ради своего спасенія, возобновить неудавшійся планъ. Если имъ нечего бояться, то уничтожается привязанность ихъ какъ къ дѣлу, такъ и къ предводителямъ, потерпѣвшимъ за него и они будутъ стараться, чтобъ и другіе забыли о томъ, что они принимали участіе въ неудавшемся предпріятіи. Важные государственные преступники увлекаютъ за собою блестящими обѣщаніями, не только своихъ приверженцевъ, но и множество другихъ согражданъ. Этихъ послѣднихъ, не принимавшихъ прямаго участія въ предпріятіи, но одобрявшихъ его и желавшихъ ему успѣха, трудно разувѣрить въ ихъ заблужденіи. Но лишь только утрачивается надежда на успѣхъ, то они вѣрятъ, что дѣло забыто и, наконецъ, забываютъ его сами. Для достиженія такого расположенія умовъ, необходимо однако объявить, сколько возможно скорѣе, что дѣло кончено. Такимъ образомъ, вниманіе толпы легко отвлекается отъ предмета новыми событіями.

ГЛАВА IX.

О верховной власти данной народомъ.

Обращаюсь ко второму случаю, т. е. когда частный человѣкъ достигаетъ въ своемъ отечествѣ верховной власти, не насильственнымъ образомъ и не преступленіями, а по выбору согражданъ. Такого государя можно бы назвать гражданскимъ. Для достиженія такимъ образомъ престола, нужны не столько способности и счастіе, сколько изворотливость. Верховная власть пріобрѣтается, въ такихъ случаяхъ, по любви народа или по расположенію вельможъ. Въ каждомъ государствѣ находятся всегда двѣ партіи: одна—желающая освободить народъ отъ притѣсненій вельможъ, а другая,—стремящаяся управлять народомъ и угнетать его. Отъ взаимной борьбы этихъ партій происходятъ: самодержавіе, гражданская свобода или ничѣмъ необузданное своеволіе. Верховная власть, смотря по обстоятельствамъ, дается народомъ или вельможами. Когда вельможи убѣждены въ невозможности сопротивляться народу, то избираютъ кого нибудь изъ своей среды и ввѣряютъ ему верховную власть, имѣя въ виду, подъ его защитою,

удовлетворять собственныя страсти и повелѣвать. Точно также и народъ, видя что борьбой съ вельможами трудно достигнуть желаемаго — избираетъ, ради своей защиты, человѣка, къ которому питаетъ довѣріе и ввѣряетъ ему верховную власть. Лицу, достигшему престола помощію вельможъ, труднѣе удержаться на немъ, нежели избранному народомъ, потому что первый окруженъ лицами почитающими себя равными съ нимъ, и которому, по этой причинѣ, они неохотно повинуются. Притомъ же, не обижая другихъ, онъ не будетъ въ состояніи удовлетворять всѣхъ ихъ требованій, тогда какъ избранному народомъ остается только удовлетворять самому народу, а это гораздо легче: требованія народа всегда умѣреннѣе требованій вельможъ. Вельможи хотятъ господствовать, а народъ доволенъ, когда его не притѣсняютъ и требуетъ только справедливости; но къ этому слѣдуетъ прибавить, что легче держать въ повиновеніи малое число вельможъ, нежели цѣлую массу народа.

Когда народъ или вельможи, не расположены къ монарху, то покидаютъ его, съ тою разницею, что вельможи будучи болѣе проницательны и хитры, разсчитываютъ, какъ обезпечить себя самихъ, а потому, при несчастливомъ оборотѣ дѣлъ, не только что покидаютъ его, но сами возстаютъ противъ него, стараясь поддѣлаться къ тому, кто, по ихъ разсчетамъ, долженъ одержать верхъ.

Кромѣ того, государь находится въ необходимости, жить всегда съ однимъ и тѣмъ же народомъ; что касается до вельможъ, то ихъ онъ можетъ, по своему усмотрѣнію, возвышать и унижать, давать значеніе или лишать своихъ милостей. Чтобъ еще лучше разъяснить этотъ предметъ, разсмотримъ два способа обращаться съ вельможами. Они

или преданы ему совершенно, или нѣтъ. Тѣхъ, которые доказываютъ свое усердіе и преданность, слѣдуетъ ласкать и осыпать почестями, если только они не проникнуты корыстолюбіемъ. Изъ тѣхъ, кои не обнаруживаютъ къ нему безусловной преданности, однихъ побуждаетъ къ тому слабость, робость или разсчеты и частные виды. Первыхъ, если они люди способные, государь долженъ непремѣнно преклонить на свою сторону, потому что въ счастливыхъ обстоятельствахъ они будутъ покорны, а при несчастіи, они неопасны по безхарактерности. Что касается до послѣднихъ, то имъ не слѣдуетъ довѣрять, а должно обращаться съ ними, какъ съ тайными врагами, готовыми ежеминутно обратить противъ него оружіе.

Тотъ, кто достигъ верховной власти по народной любви, долженъ стараться ее сохранить, а это очень легко, потому что народъ требуетъ только, чтобъ его не угнетали. Тотъ же, кто достигъ верховной власти помимо народной воли, только помощію вельможъ, долженъ преимущественно стараться заслужить народную любовь, которую пріобрѣсти не трудно: стоитъ только защищать его отъ притѣснителей. Такъ-какъ люди вообще болѣе признательны за сдѣланное добро такому человѣку, отъ котораго ожидали противнаго, то народъ привяжется къ нему гораздо сильнѣе нежели къ тому, кого самъ онъ возвелъ на престолъ. Средства и пути для достиженія народной любви различны и зависятъ отъ обстоятельствъ, а потому невозможно составить правилъ на всѣ эти многоразличные случаи.

Изъ всего вышеизложеннаго можно вывести слѣдующее заключеніе: надобно употреблять всевозможное стараніе, чтобъ привлечь на свою сторону народъ, потому что въ

случаѣ несчастія, только одинъ народъ можетъ доставить своему государю надежнѣйшую опору.

Когда спартанскій король Набисъ былъ осажденъ римскимъ и греческимъ войсками, то онъ нашелъ возможность оборонить свое государство только тѣмъ, что привлекъ на свою сторону незначительное число гражданъ, чего нельзя было бы сдѣлать, еслибъ онъ не пользовался народною любовью.

Пусть не ссылаются на извѣстную пословицу: «кто полагается на народъ, тотъ пишетъ на пескѣ». Эта пословица только тогда справедлива, когда какой нибудь гражданинъ проситъ народной помощи противъ притѣсненій его враговъ или противъ правительства. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ очень легко ошибиться. Такъ это и было съ Гракхами въ Римѣ и съ Георгомъ Скали во Флоренціи *). Искусный и храбрый государь не упадетъ духомъ во время несчастія, и съумѣетъ твердостью и соотвѣтственными распоряженіями, удержать въ своемъ государствѣ порядокъ и не будетъ имѣть причинъ раскаяваться, что разсчитывалъ на народную любовь.

Тѣ только лица подвергаются опасности, которые, пользуясь большою властью, захотятъ присвоить себѣ власть самодержавную. Государи правятъ народомъ сами или посредствомъ чиновниковъ. Въ послѣднемъ случаѣ, ихъ власть слаба и не вѣрна, потому что тогда они находятся въ большой зависимости отъ лицъ, занимающихъ наи-

*) Большой любимецъ флорентійскаго народа. Въ 1381 году, правительство приказало его казнить за произведенные имъ безпорядки. Хотя народъ, повидимому, оправдывалъ его дѣйствія, но не только не взбунтовался, какъ это разсчитывалъ Скали, но обнаруживалъ даже удовольствіе при его казни.

важнѣйшія должности. Они могутъ, особенно при несчастіи, перестать повиноваться, или даже поднять противъ него знамя возмущенія. Въ такихъ обстоятельствахъ, не слѣдуетъ думать о присвоеніи себѣ самодержавія, потому что граждане, привыкшіе повиноваться установленнымъ властямъ, не будутъ его слушаться и ему будетъ трудно найти такихъ людей, коимъ онъ могъ бы вполнѣ довѣриться. Государь не долженъ разсчитывать на все то, что онъ видитъ въ спокойное время, когда всякій желаетъ спокойствія. Въ это время, всѣ тѣснятся около него и пока смерть далека, всякій высказываетъ готовность жертвовать за него жизнію. Въ несчастіи же, когда нужно доказать свою преданность на дѣлѣ,—государь убѣждается, но уже поздно, въ нечистосердечіи этого энтузіазма. Такіе случаи тѣмъ опаснѣе, что не повторяются другой разъ.

Благоразумный государь долженъ вести себя такъ, чтобъ подданные нуждались въ немъ постоянно, при всякихъ случайностяхъ. Только при такихъ условіяхъ они останутся ему вѣрными.

ГЛАВА X.

—

Какъ оцѣняется сила правительства.

При разсмотрѣніи свойствъ различныхъ образовъ правленія, слѣдуетъ имѣть въ виду, въ состояніи ли государь, въ случаѣ нужды, защищаться собственными силами или будетъ нуждаться въ помощи союзниковъ. Чтобъ лучше объяснить этотъ предметъ, замѣчу, что тѣ имѣютъ болѣе средствъ защищаться, кто для вооруженія достаточной арміи и отпора противъ нападающаго, будетъ имѣть болѣе денегъ и людей. Напротивъ, очень печально будетъ положеніе государя, если онъ не будетъ въ состояніи выступить въ поле и найдется въ необходимости, защищаться въ стѣнахъ своей резиденціи. О первомъ случаѣ, уже было говорено прежде; но намъ придется ниже сказать объ этомъ еще нѣсколько словъ. Во второмъ случаѣ, невозможно дать государю лучшаго совѣта, какъ нижеслѣдующій: чтобъ онъ укрѣпилъ свою столицу, снабдилъ ее продовольствіемъ, пожертвовавъ даже, если нужно, краемъ. Тому нечего бояться, кто хорошо укрѣпитъ свою столицу и будетъ вести себя со своими подданными и сосѣдями

такъ, какъ я говорилъ выше и буду еще говорить ниже, потому что никто легкомысленно не рѣшится на предпріятіе, сопряженное съ очень большими затрудненіями. Трудно нападать на государя любимаго своимъ народомъ, у котораго, сверхъ того, хорошо укрѣплена столица. Нѣмецкіе города пользуются большею свободою, имѣютъ малыя территоріи, повинуются императору въ такой мѣрѣ, сколько сами хотятъ и не боятся ни его, не сосѣдей, потому что всѣ знаютъ, съ какими затрудненіями сопряжена осада этихъ городовъ, окруженныхъ валами и глубокими рвами, снабженныхъ въ достаточномъ количествѣ артиллеріею и снарядами, а съѣстными припасами на годъ. Кромѣ того, у нихъ существуютъ такія учрежденія, что они имѣютъ возможность, не касаясь городскихъ суммъ, дать простому народу работу для своего прокормленія на цѣлый годъ. Наконецъ, войска ихъ безпрестанно упражняются, а существующіе уставы соблюдаются безъ всякаго отступленія.

Невыгодно нападать на государя любимаго народомъ въ его хорошо укрѣпленной столицѣ, потому что виды войны могутъ измѣниться и сверхъ того, почти невозможно держать въ осадѣ крѣпость, впродолженіи цѣлаго года. Можетъ быть на это возразятъ, что народъ живущій внѣ крѣпости, видя свое разореніе, потеряетъ наконецъ терпѣніе и не захочетъ переносить новыхъ потерь, соединенныхъ съ невыгодами осады. На это отвѣчаемъ: искусный и мужественный государь легко побѣдитъ затрудненія, вселяя въ народѣ надежду, что осада не можетъ длиться долго или внушая ему страхъ противъ жестокости непріятеля, а между тѣмъ искусно захватитъ смѣльчаковъ, громко осуждающихъ дѣла.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что непріятель разоряетъ

край только въ началѣ нашествія, когда осажденные не упали еще духомъ и одушевлены защитою крѣпости. При такомъ положеніи дѣла, государю нечего опасаться: вредъ уже будетъ нанесенъ прежде нежели охладится одушевленіе и жители, видя, что уже нѣтъ возможности поправить дѣла, соединятся еще тѣснѣе съ государемъ и будутъ готовы перенести еще бо́льшія жертвы для его защиты. Люди, по своей натурѣ, привязываются къ другимъ не только вслѣдствіе оказаннаго имъ добра, но одинаково вслѣдствіе сдѣланнаго ими самими добра.

Принимая все это въ соображеніе, можно сказать утвердительно, что государю не будетъ трудно поддерживать, во время осады, духъ своихъ подданныхъ, если только крѣпость будетъ снабжена въ достаточномъ количествѣ съѣстными припасами и средствами къ оборонѣ.

Замѣчанія Реберга.

Объ этой превосходной статьѣ можно сказать только, что въ ней предполагаются обстоятельства, теперь уже не существующія. Съ появленіемъ армій въ нѣсколько сотъ тысячъ, когда превосходныя силы рѣшаютъ дѣла, не можетъ быть рѣчи объ оборонѣ маленькихъ государствъ. Въ тѣ времена, имѣли значеніе всякій князекъ, владѣвшій городомъ, всякая республика, умѣвшая кстати употреблять свои малыя силы и найти, посредствомъ искусныхъ сношеній, помощь у своихъ многочисленныхъ сосѣдей. Въ такое время, сила ума и характера получаютъ возможность развиваться свободно. Въ новѣйшее же время, когда только превосходнѣйшая числительность войскъ побѣждаетъ и порабощаетъ все,—уже не можетъ вырости ничто

заслуживающее особеннаго вниманія, и однообразная исторія такихъ временъ не представляетъ никакой занимательности. Потомство отдаетъ справедливость массѣ и не столько обращаетъ вниманія на отдѣльныя личности, хотя многія изъ нихъ мечтаютъ, что потомство займется исключительно только ими.

ГЛАВА XI.

—

О государствахъ церковныхъ.

Намъ остается говорить о церковныхъ государствахъ, въ которыхъ легче сохранять верховную власть, нежели достигнуть ея. Это происходитъ отъ того, что, *во-первыхъ*, эта власть достигается только счастіемъ и особенными заслугами и *во-вторыхъ*, этотъ родъ правленія основанъ на древнихъ церковныхъ учрежденіяхъ, которыя такъ сильны, что государи держатся па престолѣ прочно, какъ бы ни правили.

Только одни церковные государи, владѣя государствомъ, не имѣютъ надобности защищать его, имѣютъ подданныхъ, не правя ими, и при всемъ томъ, только однѣ ихъ владѣнія уважаются безусловно, а подданные не имѣютъ ни желанія, ни возможности освободиться отъ ихъ господства. Однимъ словомъ, только эти государи вполнѣ безопасны и счастливы. Такъ-какъ причина такого завиднаго положенія церковныхъ государей, исходитъ изъ чистѣйшаго источника, недоступнаго человѣческому разуму, то я не дерзаю о нихъ говорить. Они находятся подъ покровительствомъ Бога, а потому было бы дерзостью, еслибъ человѣкъ вздумалъ о нихъ разсуждать.

Еслибъ, однако, меня спросили, какимъ образомъ церковь могла получить свѣтскую власть и послѣ смерти Александра VI-го, достигнуть такого могущества, что заставила трепетать французскаго короля, изгнала его изъ Италіи и уничтожила венеціянцевъ, между тѣмъ какъ прежде, не только державные государи, но и самые простые бароны и вельможи, вовсе не боялись римскаго первосвященника, покрайней мѣрѣ въ отношеніи его свѣтской власти, то припомню слѣдующіе историческіе факты: прежде нашествія на Италію Карла VIII-го, этотъ край былъ раздѣленъ между королемъ неаполитанскимъ, папою, венеціянами, герцогомъ миланскимъ и флорентійцами. Политика этихъ владѣтелей заключалась въ томъ, во-первыхъ, чтобъ никакой чужой народъ не входилъ въ Италію съ оружіемъ, и во-вторыхъ, чтобъ ни одинъ изъ нихъ самыхъ не сдѣлался слишкомъ могущественнымъ.

Болѣе всѣхъ рождали подозрѣніе папа и венеціяне. Чтобъ остановить возраставшее могущество венеціянъ, необходимо было всѣмъ остальнымъ соединиться, какъ это и было во время защиты Феррары. Для удержанія папы употребляли римскихъ бароновъ, раздѣлявшихся на двѣ партіи—Орсини и Колонна. По безпрерывнымъ несогласіямъ, они, предъ глазами папы, были всегда вооружены для отмщенія взаимныхъ обидъ, а эти внутренніе раздоры не могли не ослабить ихъ могущества. Если на папскій престолъ и вступалъ иногда человѣкъ прозорливый, какъ напримѣръ папа Сикстъ IV-й, то не былъ въ состояніи уничтожить этого зла, по причинѣ краткости своего правленія. Втеченіи десяти лѣтъ (столько продолжалось въ сложноски царствованіе одного папы), едва было возможно нѣсколько ослабить одну изъ этихъ партій, но она

усиливалась опять при его преемникѣ. Такимъ образомъ, папы только сами себя обезсиливали напрасно и теряли значеніе какъ внутри, такъ и внѣ своихъ владѣній.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда на папскій престолъ взошелъ Александръ VI-й. Ни одинъ изъ его предшественниковъ, ни изъ его наслѣдниковъ, не показали такъ явно, какъ много можно сдѣлать деньгами и войсками. Выше объяснены всѣ подвиги, совершенные имъ посредствомъ своего сына герцога Валентинуа, во время нашествія французовъ на Италію. Безъ сомнѣнія, дѣло шло не объ увеличеніи папской власти, а о его собственной. Но по тому обороту, который получили дѣла, выигрышъ остался за папою, пожавшемъ всѣ плоды послѣ смерти герцога.

Юлій II-й, наслѣдникъ Александра, нашелъ Церковную область, увеличенную цѣлою Романьею и всѣ распри подавленные искусствомъ и мужествомъ его предшественника, научившаго его, кромѣ того, собирать деньги. Юлій, по примѣру Александра, старался пріобрѣсти Болонью, ослабить венеціянъ, и выгнать изъ Италіи французовъ. Все это ему удалось и приноситъ ему тѣмъ бо́льшую честь, что онъ дѣлалъ это не изъ частныхъ видовъ, а для папскаго престола. Онъ поддерживалъ партіи Колонна и Орсини въ такомъ положеніи, въ какомъ ихъ засталъ и хотя между ними существовали сѣмена прежнихъ несогласій, но при всемъ томъ онѣ должны были остаться спокойными, *во-первыхъ*, по причинѣ могущества папы, и *во-вторыхъ*, потому что ни въ той, ни въ другой, не было ни одного кардинала, бывшихъ тамъ всегда причиною безпокойствъ. Такимъ образомъ, уничтоживъ источникъ всѣхъ раздоровъ, раздиравшихъ, до того времени, церковныя владѣнія, нынѣ царствующій папа Левъ X-й нашелъ престолъ на высшей степени могущества и если предшественники возвысили его силою оружія, то можно надѣяться, что Левъ X-й увѣнчаетъ это дѣло своею добротою и другими личными качествами.

Замѣчанія Реберга.

Изъ всей книги, эта глава самая слабая или, лучше, только одна слабая. Въ введеніи, Макіавель сказалъ, что будетъ говорить о различныхъ правленіяхъ. Послѣ того, слѣдовало бы ожидать здѣсь замѣчаній на особенныя отношенія духовныхъ владѣтельныхъ государей, о сильной и слабой сторонѣ ихъ свѣтскаго значенія и о томъ дѣйствительно важномъ мѣстѣ, какое они занимали въ исторіи. Хотя Макіавель и упоминаетъ о предпріятіяхъ, правилахъ и поведеніи государей, не въ отношеніи управляемыхъ ими народовъ, а только относительно упроченія ихъ власти, но все-таки онъ могъ бы сказать многое о самой духовной власти. По его словамъ, папы находятся подъ покровительствомъ религіозныхъ предразсудковъ и если кто нибудь изъ нихъ былъ возведенъ на святой престолъ счастливою интригою или случаемъ, то отъ него уже не требуется никакого умѣнья на немъ держаться. Если у него достаточно смысла чтобъ воспользоваться своимъ счастіемъ и наслаждаться тѣмъ единымъ предметомъ, который достоинъ государя, т. е. удовлетворять своему властолюбію, то онъ сравнится съ Сикстомъ IV-мъ, Александромъ VI-мъ, Юліемъ II-мъ и Львомъ X-мъ. Если же у него нѣтъ этихъ качествъ, то пусть посвящаетъ всю свою жизнь на молитвы или пусть проводитъ ее въ роскоши,

все равно; во всякомъ случаѣ онъ удержится на престолѣ.

Тѣ папы, о которыхъ онъ упоминаетъ, были образованы, обуреваемы сильными страстями и глубоко изучили ту политику, которая, въ то время, получила высшее свое развитіе, раскрытое Макіавелемъ. Всѣ они были его современниками и другихъ онъ не видалъ на папскомъ престолѣ.

Но въ исторіи существовали періоды, въ которые главы церкви дѣйствовали совершенно въ другомъ духѣ. Когда они судили королей, то возбуждали святымъ словомъ болѣе жестокія войны нежели тѣ, которыя были слѣдствіемъ кипучаго честолюбія Юлія II-го. Это зависѣло всегда отъ характера и способностей каждаго папы. Средства, доставлявшія имъ возможность совершать такія огромныя дѣла, заключались въ существѣ ихъ званія. Измѣнявшійся образъ мыслей, въ различныя времена, требовалъ каждый разъ особыхъ измѣненій. Въ XVI-мъ столѣтіи, отлученіемъ отъ церкви уже невозможно было сдѣлать то, что было возможно при Григоріи VII-мъ, хотя отношенія папскаго престола къ свѣтскимъ государямъ были въ сущности тѣ же самыя.

Въ качествѣ главы христіанской церкви (католической), папы имѣли тѣмъ бо́льшее значеніе, чѣмъ болѣе они старались дѣйствовать въ духѣ своего званія, т. е. когда ихъ свѣтская власть и фамильныя отношенія не были главными причинами ихъ дѣятельности. Всѣ переговоры съ папскимъ дворомъ, имѣютъ особенный отличительный характеръ. Слабый не смѣетъ сказать сильному: «не хочу»; но если онъ скажетъ съ покорностью: «не могу», и къ этому еще прибавитъ: «этого не позволяетъ мнѣ совѣсть»,

то можетъ ожидать справедливости или, по крайней мѣрѣ, пощады. Всѣ переговоры между самыми ожесточенными противниками, принимаютъ совершенно другой, болѣе мягкій характеръ, когда въ нихъ замѣшается человѣкъ беззащитный, котораго нельзя обидѣть безъ собственнаго униженія. Какъ часто случалось, что только одно посредничество папы, безсильнаго, какъ владѣтельный князь, но внушающаго страхъ по общему благоговѣнію къ нему народовъ, останавливало самыхъ рѣшительныхъ, честолюбивыхъ и буйныхъ воиновъ, и доставляло государствамъ долголѣтній миръ? Не многіе изъ государей отваживались обнаруживать предъ ними ту жестокость, то буйство и то упрямство, которыя дѣлали ихъ междоусобныя распри такъ страшными. Политика римскаго двора заключалась въ искусной медленности. Безконечными отсрочками, — повтореніемъ тѣхъ же самыхъ мнѣній, но обставленныхъ другими формами и оборотами, они не однажды отвращали налетавшую бурю. Кому это могли позволить? Только тому, кто въ переговорахъ съ свѣтскими властями и съ пылкою молодежью, говорилъ языкомъ старца, языкомъ, совершенно приличествовавшемъ его сану. Исторія показываетъ, что посланники самыхъ могущественныхъ въ свое время государствъ, — Франціи и Испаніи, — принимали подъ предсѣдательствомъ папскаго легата, не смѣвшаго имъ грозить, а могшаго ихъ только увѣщевать, такой приличный и мирный характеръ, что на этихъ совѣщаніяхъ, только изъ уваженія къ общему отцу христіанскихъ народовъ, бывали принуждены дѣлать уступки *). Нельзя не пожелать, чтобъ

*) О подобномъ случаѣ, разсказываетъ кардиналъ Бентиволіо въ своемъ «Diario». Въ 1601 году, миръ между Генрихомъ IV-мъ, Филип-

и теперь существовала власть, могущая употреблять подобныя мѣры.

Религія обнимаетъ всѣ потребности, всѣ права и достоинство человѣческаго рода, и изъ этого не изъемлются и сильные міра сего. Каково бы ни было значеніе человѣка въ гражданскомъ обществѣ,—церковь даетъ каждому свое мѣсто: въ ея предѣлахъ люди не бываютъ орудіями и подчиненными своихъ господъ. Поэтому, глава такого духовнаго прихода, можетъ выставлять доводы и дѣлать напоминанія о такихъ принципахъ, которые, можетъ быть, были бы смѣшны въ устахъ свѣтскаго государственнаго человѣка.

Правда, что вліяніе духовной власти на свѣтскія дѣла, имѣло иногда слѣдствіемъ такія же злоупотребленія, какъ власть меча, а когда спасеніе души служитъ предлогомъ къ удовлетворенію тѣхъ же страстей, чего воинъ старается достигнуть другими путями, то злоупотребленіе становится вдвое возмутительнѣе. Еслибъ такое перо, какимъ владѣлъ Макіавель, начертало учебникъ искусства правленія по іезуитскимъ принципамъ, то онъ произвелъ бы еще бо́льшее отвращеніе, нежели многія мѣста въ книгѣ «Монархъ». Злоупотребленія духовной власти, вызвали у свѣтскихъ государей стараніе унизить эту власть и это стараніе получило всеобщее одобреніе, въ особенности же философовъ XVIII столѣтія.

По естественному праву (спекулятивному), духовная власть не должна имѣть никакого значенія въ гражданскихъ учрежденіяхъ. Но государства устроены не на основаніи умозрѣній, а отношенія ихъ не могутъ обсуживаться по односложнымъ принципамъ. Первоначальное христіанское духовенство почитало главнымъ своимъ занятіемъ ученыя изслѣдованія, имѣвшія очень большое вліяніе на внутреннее управленіе и на внѣшнія отношенія церковныхъ государствъ. Самая католическая церковь основана на этихъ данныхъ и политика ея заключается въ томъ, чтобъ всѣмъ свѣтскимъ дѣламъ дать высшую цѣль, хотя это стараніе не всегда было хорошо понимаемо.

помъ III-мъ и герцогомъ савойскимъ, казался невозможнымъ, но при всемъ томъ, былъ заключенъ при посредничествѣ папскаго легата Альдобрандини.

Во время Макіавеля, духовная іерархія была проникнута самымъ вреднымъ направленіемъ, опутавшемъ всѣ дѣла Италіи. Но страсть къ литтературѣ и любовь къ наукамъ, развивавшіяся въ Италіи съ чрезвычайною быстротою, образовали тамъ особый характеръ, перешедшій и въ церковь. Вскорѣ послѣ смерти Макіавеля, на папскій престолъ взошелъ человѣкъ, опровергнувшій на дѣлѣ сатиру написанную Макіавелемъ и доказавшій, какъ много въ состояніи сдѣлать добродѣтельный государь, занимающій это мѣсто. Втеченіи пятилѣтняго царствованія, Сикстъ V-й, не только съумѣлъ поддержать свое значеніе у иностранныхъ государей, подобно Александру, Юлію и Льву, но еще возвысилъ его. Въ это время, онъ успѣлъ привести въ исполненіе все, что только могла сдѣлать самая дѣятельная правительственная власть. Вездѣ было возстановлено спокойствіе и порядокъ, устроена общественная безопасность, неизвѣстныя до того времени въ церковныхъ владѣніяхъ, повсюду введена справедливость и все возможное для общественнаго благоденствія и исполнено неимовѣрное множество самыхъ блистательныхъ

дѣлъ, доставившихъ Риму управленіе всѣмъ человѣчествомъ.

Сикстъ V-й принадлежитъ къ малому числу тѣхъ лицъ, которыя не ограничивались удовлетвореніемъ только личнаго честолюбія или фамильныхъ интересовъ, но почитали достойнымъ своего вниманія только то, что относится до общественнаго порядка и благосостоянія народа, къ лицамъ, которымъ ближе всего къ сердцу лежали интересы человѣческаго духа. Хотя такіе люди могутъ рождаться и на тронахъ, но потребности частной жизни всегда болѣе извѣстны человѣку, самому прошедшему чрезъ всѣ общественные слои. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается преимущество престолонаслѣдія не по праву родства. Но спрашивается, въ какомъ избирательномъ государствѣ, кромѣ духовнаго, можно достигнуть престола только дѣйствительными личными качествами? Только одни полководцы въ состояніи, личными своими заслугами, заставить молчать интриги всѣхъ партій. Исторія мидійца Діока, избраннаго въ короли за свою правдивость, принадлежитъ къ древней исторіи, и объ этомъ можно бы сказать многое. На папскій престолъ, во всѣ періоды, избирались, время отъ времени, люди незнатнаго происхожденія, проложившіе себѣ путь исключительно только личными достоинствами!

Правда—фамильныя интриги тоже имѣли часто рѣшительное вліяніе на выборъ папы и на ихъ политику: папская родня нерѣдко наносила страшный вредъ, не только внутреннему управленію церковныхъ владѣній, въ которыхъ они не встрѣчали никакого сопротивленія со стороны государственныхъ чиновъ, но часто разстроивали даже

переговоры европейскихъ государствъ, которые могли бы быть смягчены значеніемъ святаго престола.

Фарнезы, Караффы и Барберини, занимаютъ незавидную роль въ исторіи. Но цѣлое строеніе церковной власти, вообще основано на образованіи духа, а свѣтское могущество, богатство и вліяніе папъ, такъ тѣсно связано съ цивилизаціею, что заслуги въ этомъ отношеніи церкви, во всѣ времена, какъ хорошія, такъ и дурныя, имѣли всегда самое рѣшительное вліяніе на современность. Читая сочиненіе кардинала Бентиволіо (человѣка государственнаго и писателя) о кардинальномъ соборѣ, и о папскомъ дворѣ при Клементіи VIII-мъ, нельзя не удивляться множеству кардиналовъ и другихъ вельможъ, достигшихъ этого сана только чрезъ свою ученость и искусство въ дипломатическихъ переговорахъ. Хотя Римъ не всегда имѣлъ такихъ достойныхъ прелатовъ, но путь къ достиженію самаго высокаго сана, никогда не былъ закрытъ для талантовъ, способностей и учености, даже при такихъ папахъ, которые сами достигли папскаго престола не чрезъ свои личныя достоинства.

Нѣмецкое высшее духовенство, у котораго при одностороннемъ описаніи невыгодъ прежняго нѣмецкаго государственнаго строя, несправедливо отнимаютъ заслуги, далеко не имѣло между своими прелатами, такихъ замѣчательныхъ личностей какъ италіянское. Въ Германіи, уже съ давняго времени, вошло въ обычай, недопускать къ высшимъ мѣстамъ такихъ лицъ, у которыхъ кромѣ личныхъ достоинствъ нѣтъ болѣе ничего. Стараніе высшаго нѣмецкаго дворянства, удерживать всѣ высшія духовныя мѣста въ кружкѣ нѣсколькихъ извѣстныхъ фамилій, не могло не имѣть своего вліянія.

Въ Римѣ никогда не думали такъ. Положеніе, удовлетворявшее виды нѣмецкихъ прелатовъ, не могло удовлетворять потребностей всей вообще іерархіи. Вліяніе, которое римскіе прелаты старались постоянно увеличить,— что было возможно только при исключительномъ, постоянномъ вниманіи, — требовало большей дѣятельности и знанія свѣта, какъ прошедшаго, такъ и современнаго.

Поэтому, Макіавель неправъ, утверждая, будто главы духовенства, каково бы ни было ихъ поведеніе, удерживались на своихъ мѣстахъ только чрезъ силу тяготѣнія, которая была присуща самому свойству духовныхъ учрежденій. Напротивъ, нигдѣ какъ только въ исторіи папъ можно видѣть, какъ много можно сдѣлать на свѣтѣ свѣтлымъ умомъ, при хорошихъ намѣреніяхъ.

Философы и историки новѣйшаго времени, старались сдѣлать духовную власть ненавистною, ставя ей въ вину все что только было сдѣлано духовными лицами; не принимая въ соображеніе отъ того ли только духовенство поступало такъ, что было облечено духовнымъ саномъ и уничтожился ли бы ядъ его властолюбія, еслибъ оно скинуло рясу? Въ особенности, французы дѣлаютъ самые горькіе упреки государственному управленію кардиналовъ за нанесенный ими вредъ. Правда, что Ришльё и Мазарини разсчитывали на защиту римскаго пурпура. Но спрашивается, управляли ли бы они иначе, еслибъ были свѣтскими министрами? Они были обязаны своимъ могуществомъ не духовному сану, а только личному вліянію на своихъ государей. Правда, духовный санъ далъ какому нибудь Альберони возможность сблизиться съ испанскимъ королемъ и обратить въ игру своего честолюбія судьбу не одного государства; но тотъ же духовный санъ открылъ Хименесу, Оссату и другимъ великимъ мужамъ, путь къ такимъ высокимъ мѣстамъ, которыя были бы недоступны для самыхъ замѣчательныхъ людей, еслибъ право рожденія не предоставляло имъ этого.

Философія обязана, не уничтожая церковныхъ правъ, остановить только несообразныя притязанія церкви и противиться системѣ гражданскаго порядка, основанной единственно на правѣ рожденія, столь вредной для человѣчества.

Легкомысленное и ошибочное мнѣніе Макіавеля о церковныхъ государствахъ, побудило насъ разсмотрѣть и выгодныя стороны католической іерархіи. Здѣсь не мѣсто разсуждать о важныхъ ошибкахъ католической церкви, бывшихъ причиною отпаденія отъ нея протестантовъ и сдѣлавшихъ возсоединеніе ихъ невозможнымъ. Эти ошибки уже не могутъ исправиться реформами, сдѣланными въ католической церкви послѣ, подъ вліяніемъ новаго образа мыслей. Народы преданные католицизму, подвергаются опасности потерять тѣ выгоды, которыми они пользовались прежде, не получая и тѣхъ, которыя добыли себѣ протестанты.

По церковной системѣ сихъ послѣднихъ, духовная власть не имѣетъ никакого вліянія на международныя государственныя отношенія. Что касается до внутреннихъ порядковъ протестантства, то этотъ предметъ будетъ здѣсь разсмотрѣнъ только въ общихъ видахъ.

Самою большею проблемою естественнаго и политическаго гражданскаго права, остается вопросъ: кто именно въ гражданскомъ обществѣ имѣетъ право сопротивляться произвольному насилію? Законъ Божій выше законовъ людскихъ. Начиная отъ свирѣпыхъ тирановъ Рима, объяв-

лявшихъ себя за боговъ, рѣдко случалось, чтобъ какой нибудь монархъ отваживался требовать отъ подвластнаго ему народа, чтобъ онъ слушался его болѣе чѣмъ самого Бога. Спрашивается, какимъ образомъ Божія воля должна достигать до людей? Кто долженъ ее объяснять? Коль скоро этотъ истолкователь не будетъ имѣть никакой свѣтской власти, то голосъ его будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, если только такъ будетъ угодно государю. Если же, напротивъ, онъ будетъ имѣть средства заставить себѣ повиноваться, то въ случаѣ несогласія его предписаній съ волею монарха, вспыхнетъ междоусобіе. Католическая церковь неоднократно испытывала ужасныя слѣдствія подобныхъ событій. Если духовенство, по тѣсной рамѣ тѣхъ, которые стараются упростить отношенія духовенства къ свѣтской власти, будетъ ничто иное какъ наемный слуга монарха, съ одною только обязанностью— читать мораль и упрочивать гражданскіе законы, то оно теряетъ все свое значеніе. Откуда, у такого сторожа народной нравственности, можетъ взяться отвага говорить правду своему властелину, котораго всѣ боятся? Правда, одинъ сельскій священникъ прочиталъ прусскому королю Фридриху-Вильгельму I-му, слѣдующій текстъ изъ Библіи: «Кто крадетъ людей», намекая тѣмъ на богопротивный захватъ людей для потсдамской гвардіи. Но можетъ ли кто нибудь отважиться на такой шагъ въ государствѣ, въ которомъ нѣтъ народныхъ представителей, зависящихъ не отъ монарха, а отъ народа? или гдѣ нѣтъ такихъ истолкователей мудрости Божіей, которые признаютъ себя выше какого нибудь патента на должность?

Церковные реформаторы хорошо знали все это и сознавали свое призваніе. Они не унизили духовнаго званія, ко-

торому ввѣрено высшее образованіе человѣчества и не допустили его сдѣлаться слугою свѣтской власти. Во время единства католицизма, государи не употребляли еще своего могущества на то, чтобъ сдѣлаться главою іерархіи. Тогда народъ не допустилъ бы этого. Только со времени отпаденія отъ католической іерархіи протестантовъ, нѣмецкіе государи, какъ натуральные защитники церкви, присвоили себѣ епископскія права и обязанности. Съ тѣхъ поръ какъ государственное право получило, такъ сказать, метафизическое направленіе, по коему строгое внѣшнее, индивидуальное право каждаго гражданина, должно составлять основаніе всѣхъ нравственныхъ отношеній членовъ гражданскаго общества, съ тѣхъ поръ, уже не обращаютъ вниманія на вышеозначенное различіе между свѣтскою и духовною властію. Люди, изъ коихъ состоитъ государство, до тѣхъ поръ не получаютъ понятія объ индивидуальномъ правѣ и не признаютъ себя обязанными руководствоваться этимъ правомъ, пока къ нимъ не привьется понятіе о правѣ религіозномъ и нравственномъ.

ГЛАВА XII.

—

О различныхъ родахъ ополченій и о наемныхъ войскахъ.

Объяснивъ въ подробности, въ чемъ заключается существенное различіе между государствами разнаго рода и показавъ причины ихъ благоденствія или упадка, а также способы, посредствомъ коихъ пріобрѣтается господство и какъ оно сохраняется, остается сказать о средствахъ, какія даютъ вооруженныя силы къ нападенію и оборонѣ.

Выше объяснено, что если государь желаетъ, чтобъ его могущество было непоколебимо, то долженъ дать ему прочное основаніе. Главная опора всѣхъ государствъ, какъ древнихъ, такъ новыхъ и смѣшанныхъ, заключается въ хорошихъ законахъ и въ хорошихъ войскахъ; но какъ хорошія войска не могутъ существовать безъ хорошихъ законовъ, и какъ эти два существенныя условія политическаго могущества никогда не разъединяются, то достаточно разсмотрѣть одно изъ этихъ условій.

Войска, служащія для защиты государства, бываютъ: народныя и иностранныя (наемныя или вспомогательныя), или тѣ и другія вмѣстѣ. Наемныя и вспомогательныя войска вообще ненадежны и даже опасны. Монархъ, разсчитывающій воевать посредствомъ наемныхъ войскъ, не можетъ быть увѣренъ въ своей безопасности, потому что эти войска всегда непослушны, своевольны съ пріятелемъ, а трусливы противъ непріятеля, не боятся Бога и вѣроломны. Когда у государя не останется ничего кромѣ разсчета на ихъ храбрость, то паденіе его неминуемо. Даже въ мирное время онѣ разоряютъ край, подобно тому, какъ это дѣлаетъ непріятель во время войны. Это происходитъ отъ того, что онѣ служатъ не изъ преданности, а по своекорыстію, — а плата за службу вообще бываетъ не такъ значительна, чтобъ онѣ могли согласиться жертвовать за нее своею жизнію. Наемщики согласны быть воинами только въ мирное время; но съ объявленіемъ войны нѣтъ никакихъ средствъ удерживать ихъ подъ знаменами.

Это доказывается тѣмъ, что нынѣшній упадокъ Италіи происходитъ не отъ чего инаго, какъ только отъ того довѣрія, какое италіянцы имѣли, втеченіи долгаго времени, къ наемнымъ войскамъ. Правда, наемнымъ войскамъ удавалось, иногда, одерживать побѣды надъ наемными же войсками, и выказывать даже нѣкоторую храбрость, но лишь только появлялись чужеземныя войска, и тотчасъ же обнаруживалась степень ихъ храбрости. Оттого-то и Карлу VIII удалось такъ легко овладѣть Италіею. Очень справедливы тѣ, которые утверждали, что италіянцы претерпѣвали пораженія за свои грѣхи; но не за тѣ, о которыхъ я говорилъ. Дѣйствительною причиною нашихъ потерь были наши ошибки, или лучше, ошибки нашихъ государей.

Доказательствомъ этого можетъ служить слѣдующее: какіе бы ни были наемные полководцы, т. е. искусные или неискусные, но на нихъ нельзя полагаться ни въ томъ,

ни въ другомъ случаѣ. Въ первомъ, потому что стремясь сами къ могуществу, они будутъ стараться достигать его на счетъ того государя, который ихъ употребляетъ, притѣсняя его самого; во второмъ, потому что по неспособности онъ самъ ускоритъ его паденіе.

Еслибъ на это возразили, что всякій полководецъ, наемный ли онъ или нѣтъ, всегда будетъ поступать одинаково, то отвѣчаю, что въ первомъ случаѣ государь долженъ самъ стать въ главѣ своей арміи; республики же должны поручать командованіе арміею одному изъ гражданъ. Въ случаѣ же неспособности полководца, его слѣдуетъ отозвать отъ арміи, назначивъ вмѣсто его способнаго и держать этого послѣдняго въ такой зависимости, чтобъ онъ не смѣлъ преступать существующихъ законовъ и данной ему инструкціи.

Опытами дознано, что государи и республики могутъ совершать великія дѣла собственными войсками, и что наемныя были иногда даже причиною пораженія собственныхъ войскъ. Если республика имѣетъ собственныя войска, то не такъ легко порабощается честолюбивыми соотечественниками, какъ при наемныхъ войскахъ. Римъ и Спарта сохраняли свою независимость и свободу посредствомъ народныхъ войскъ, втеченіи нѣсколькихъ столѣтій. Если Швейцарія пользуется свободою, то это слѣдуетъ приписать только тому, что воинственные ея жители хорошо вооружены.

До какой опасности иногда доводятъ наемныя войска, показываетъ исторія Карѳагена. Хотя главнокомандующими у нихъ были всегда природные карѳагеняне, но при всемъ томъ, послѣ первой войны противъ Рима, Карѳагенъ едва не попалъ подъ тиранію чужеземныхъ наемныхъ войскъ.

Послѣ смерти Эпаминонда, ѳивяне выбрали своимъ вождемъ Филиппа, короля македонскаго и чтобъ поработить эту республику, ему стоило только побѣдить ея непріятелей.

Послѣ смерти герцога Филиппа (Висконти), миланцы содержали на жалованьи Франца Сфорца, для веденія войны противъ Венеціи. И что же? Побѣдивъ венеціянъ при Караваджіо, онъ соединился съ ними противъ самихъ миланцевъ. Отецъ Сфорца, находившійся на службѣ у неаполитанской королевы Іоанны, покинулъ ее и довелъ до того, что лишенная всѣхъ средствъ защищаться, она нашлась въ необходимости, для спасенія своего государства, искать помощи у короля аррагонскаго.

Хотя Венеція и Флоренція увеличили свои владѣнія съ помощью чужеземныхъ наемныхъ войскъ, а полководцы ихъ всегда служили вѣрно, и ни одинъ изъ ихъ не присвоилъ себѣ верховной власти; но это надобно приписать особенному счастію флорентійцевъ: тѣ изъ ихъ полководцевъ, которые могли бы быть опасны по ихъ честолюбію, не были счастливы на войнѣ, или встрѣтили разныя препятствія, или же обратились съ своими честолюбивыми видами въ другія мѣста. Такъ, напримѣръ, Джіовани Акуто былъ несчастливъ на войнѣ, но неизвѣстно какъ бы онъ поступилъ въ случаѣ побѣды? Очевидно, что еслибъ онъ остался побѣдителемъ, то Флоренція была бы въ его рукахъ. Если Францъ Сфорца и Бракчіо, находившіеся на службѣ у республики, не предприняли ничего противъ нея, то это произошло только отъ того, что они наблюдали другъ за другомъ и одинъ удерживалъ другаго. По той же причинѣ, сынъ Франца Сфорца, Франциско, обратилъ свои виды на Ломбардію, а Бракчіо на церковныя владѣнія и на Неаполь.

Обратимся къ новѣйшимъ временамъ: флорентійцы вы-

брали главнокомандующимъ своихъ войскъ Павла Вителли, человѣка очень способнаго и пользовавшагося большимъ уваженіемъ. Еслибъ ему удалось овладѣть Пизою, то онъ могъ бы поступать во Флоренціи какъ ему угодно, потому что въ случаѣ перехода его къ непріятелю, флорентійцы не были бы въ состояніи съ ними бороться.

Оружіе венеціянъ было счастливо только до тѣхъ поръ, пока они вели морскія войны собственными средствами, при участіи дворянъ и народа; когда же они начали вести сухопутныя войны, по обычаю другихъ италіянцевъ, то ихъ военные успѣхи прекратились. При первоначальныхъ завоеваніяхъ, имъ нечего было опасаться своихъ полководцевъ, потому что ихъ государство не было еще обширно, и они держались, благодаря прежней своей славѣ; но когда они начали дѣлать бо́льшіе успѣхи и подъ начальствомъ Карминьола разбили герцога миланскаго, то почувствовали, что попали на ложный путь и начали опасаться, что искусство Карминьола можетъ сдѣлаться для нихъ опаснымъ.

Послѣ разбитія герцога миланскаго, Карминьоль началъ затягивать войну. Убѣдившись, что отъ него уже нельзя ожидать большой пользы, и боясь удаленіемъ его отъ командованія войсками, потерять все имъ завоеванное, венеціяне почли за лучшее, умертвить его.

Послѣ того, ихъ платными полководцами были: Варѳоломей бергамскій, Робертъ Санъ-Северино, графъ Питильяно и многіе другіе, коихъ побѣдъ они не опасались, а заботились только, чтобъ они сами не были разбиты. Опасенія ихъ оправдались. Будучи разбиты при Вайлѣ, они потеряли все пріобрѣтенное восьмисотлѣтними трудами и усиліями. Съ наемными войсками успѣхи вообще слабы и медленны, а потери внезапны и огромны.

Такъ какъ эти примѣры извлечены изъ исторіи Италіи, гдѣ войны велись вообще наемными войсками, и гдѣ этотъ способъ веденія войны имѣлъ самые печальные результаты, то считаю не излишнимъ разъяснить причину и слѣдствія этого обычая. Прежде всего надобно вспомнить, что въ то время, когда вліяніе императоровъ въ Италіи пало, а могущество папы возрасло,— Италія была раздѣлена на нѣсколько государствъ.

Большая часть значительныхъ городовъ Италіи, поддерживаемые императоромъ, обратили свое оружіе противъ притѣснявшаго ихъ дворянства. Папа, покровительствуя дворянъ, увеличилъ чрезъ то свою свѣтскую власть. Изъ остальныхъ городовъ, въ нѣкоторыхъ—граждане присвоили себѣ верховную власть. Вслѣдствіе этого, одна часть Италіи подпала въ зависимость папы, а другая приняла республиканскія формы. Папы, равно какъ свѣтскіе владѣтельные князья, не умѣя сами владѣть оружіемъ, начали нанимать войска. Прежде всѣхъ, возвысилъ репутацію наемныхъ войскъ Альбериго да Комо, родомъ изъ Романьи. Изъ его школы вышли, между прочими, Бракчіо и Сфорца, господствовавшіе, въ то время, въ Италіи. За ними слѣдовали всѣ начальствовавшіе италіянскими арміями, до нашего времени.

Ихъ геройскіе подвиги кончились тѣмъ, что Италія была покорена Карломъ VIII, разорена Людовикомъ XII, угнетена Фердинандомъ арагонскимъ и унижена швейцарцами. Начальники наемныхъ войскъ, не имѣя сами никакихъ владѣній, а существуя только наемною платою, и не будучи въ состояніи, съ одной стороны, содержать за наемную плату значительное число пѣхоты; а съ другой, не имѣя возможности предпринимать что нибудь важное съ ма-

лымъ числомъ пѣхоты, предпочли уменьшить въ своихъ войскахъ число пѣхоты, замѣнивъ ее кавалеріею, съ малымъ числомъ коей они могли поддерживать свое значеніе. Эта мѣра дошла наконецъ до того, что въ 20,000 арміи было едва 2,000 человѣкъ пѣхоты. Чтобъ сдѣлать свое ремесло сколько возможно легкимъ и безопаснымъ, они старались, не убивать въ сраженіяхъ одинъ другаго, а болѣе брать въ плѣнъ, а послѣ выпускали плѣнныхъ безъ выкупа. Они не дѣлали никогда ночныхъ нападеній на крѣпости, ни вылазокъ изъ крѣпостей, не укрѣпляли лагерей, а зимою прекращали военныя дѣйствія. Такія правила военнаго искусства, цѣлью коихъ было преимущественно избѣжаніе трудовъ и опасностей, были причиною, что Италія потеряла свое значеніе и впала въ рабство.

Замѣчанія Реберга.

Эта картина не похожа на нынѣшнее состояніе Италіи. Теперь, тамъ нѣтъ ни кондоттьеровъ, ни подрядчиковъ на поставку наемныхъ войскъ. Чужеземцы, служащіе за жалованье, никогда не могутъ быть опасными, получая содержаніе не отъ полководца, а отъ государя. Главная мысль поучительнаго описанія Макіавеля, въ общемъ видѣ, совершенно правильна и полезна для всѣхъ временъ. Всякій долженъ стараться быть самостоятельнымъ и защищаться самъ, сколько можетъ. Слѣдуетъ быть самому храбрымъ, осторожнымъ и умнымъ, а не покупать эти качества у другихъ за деньги, ибо у того, кто покупаетъ за деньги чужое покровительство, богатство можетъ быть отнято тѣми же самыми лицами, которыхъ онъ избралъ для ихъ храненія. Наслажденіе богатствомъ ослабляетъ и

отнимаетъ энергію даже у умныхъ людей. Поэтому, послѣ большаго обогащенія народовъ, всегда слѣдовали несчастные періоды: чужеземное порабощеніе или внутреннія революціи, вслѣдствіе коихъ управленіе общественными дѣлами, равно какъ народное богатство, переходило въ руки такихъ классовъ, которые, до того времени, не принимали никакого участія въ избыткахъ. Изъ этого видно, по какимъ причинамъ морскія державы, невзирая на ихъ огромныя богатства и проистекавшую отъ того непомѣрную роскошь, могутъ оставаться могущественными. Причина этого заключается въ самомъ источникѣ богатствъ. Мореплаваніе требуетъ особеннаго напряженія всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ. Поэтому, морская торговля, приносящая большія выгоды, требуетъ постояннаго стремленія къ просвѣщенію, а оно даетъ превосходство и войскамъ. Еслибъ морская держава начала нанимать чужеземные народы, возлагая на нихъ труды и опасности мореплаванія, то она непремѣнно погибла бы. Обширное мореплаваніе и послѣдствія его, разсматриваются обыкновенно съ слишкомъ ограниченной точки, а именно только съ той, какой оно приноситъ торговый барышъ; между тѣмъ какъ учрежденія съ коими оно связано, въ нравственномъ отношеніи гораздо важнѣе барыша имъ приносимаго. Оно требуетъ основательнаго занятія, такъ сказать закалки и рождаетъ въ народѣ мужество. Мореплаваніе требуетъ множества научныхъ свѣдѣній, отъ которыхъ зависитъ военная сила,—обработываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и искусства мирнаго времени, тогда какъ сухопутная держава, имѣющая менѣе отношеній съ другими державами, всегда подвергается опасности одичать.

ГЛАВА XIII.

О вспомогательныхъ войскахъ смѣшанныхъ и народныхъ.

Вспомогательными войсками называются тѣ, которыя государь получаетъ отъ союзника въ помощь для своей защиты. Такъ, папа Юлій II-й, получивъ, во время своего предпріятія противъ Ферары, печальный опытъ вреда наемныхъ войскъ, прибѣгнулъ къ помощи Фердинанда аррагонскаго, обязавшагося по договору, прислать къ нему свои войска. Такія войска могутъ быть полезны только тому, кому онѣ принадлежатъ, а всегда пагубны тому, кто ихъ призываетъ: если онѣ будутъ разбиты, то онъ несетъ потерю; если же онѣ будутъ побѣдоносны, то онъ будетъ въ ихъ зависимости. Древняя исторія наполнена примѣрами, подтверждающими эту истину. Приведу одинъ примѣръ изъ новѣйшаго времени. Юлій II-й, имѣя намѣреніе овладѣть Ферарою; ввѣрилъ исполненіе этого предпріятія иностранцу. Къ счастію, встрѣтилось слѣдующее обстоятельство, отклонившее вредныя послѣдствія этого неосторожнаго поступка. Послѣ разбитія подъ Равенною вспомогательныхъ войскъ Юлія, противъ всякаго ожиданія, возстали швейцарцы и прогнали побѣдителя. Такимъ образомъ, Юлій избѣгнулъ, съ одной стороны, мести своего

непріятеля, разбитаго въ свою очередь,—а съ другой, опасности отъ вспомогательныхъ войскъ, потому что не онѣ остались побѣдителями. Флорентійцы хотѣли осадить Пизу, но не имѣя собственныхъ войскъ, приняли въ свою службу десять тысячь французовъ. Это усугубило ихъ несчастіе. Императоръ Константинъ, угрожаемый своими сосѣдями, ввелъ въ Грецію десять тысячь турокъ, которые по окончаніи войны отказались очистить край, а это было началомъ завоеванія Греціи невѣрными.

И такъ, кто самъ захочетъ поставить себя въ невозможность побѣдить, пусть употребляетъ вспомогательныя войска, еще болѣе вредныя, нежели наемныя. Составляя одно цѣлое, вспомогательныя войска между собою согласны, а главное, повинуются чужому лицу, между тѣмъ какъ наемныя, будучи собраны тѣмъ кто ихъ употребляетъ, не составляютъ особаго цѣлаго, и не могутъ тотчасъ же послѣ одержанной побѣды сдѣлаться вредными, тѣмъ болѣе, что главнокомандующій, назначаемый государемъ, не будетъ имѣть возможности получить надъ ними тотчасъ же такое вліяніе, чтобъ могъ употребить ихъ противъ своего государя. Наконецъ, самая главная опасность отъ наемныхъ войскъ заключается въ ихъ трусости, а вспомогательныхъ — въ ихъ храбрости. Поэтому, неизвѣстно, что лучше: быть ли разбитымъ, имѣя собственныя войска, или побѣдить чужими, потому что побѣда одержанная при чужой помощи, не можетъ еще почитаться дѣйствительнымъ выигрышемъ.

Въ подтвержденіе всего вышеприведеннаго, ссылаюсь на дѣйствія Цесаря Боржіа. Съ помощью французскихъ вспомогатедьныхъ войскъ, онъ овладѣлъ Имолою и Форли; но не полагаясь на вѣрность этихъ войскъ, онъ обра-

тился къ наемникамъ, взявъ на свое жалованье Орсини и Вителли. Не нашедши однакоже и въ этихъ войскахъ болѣе преданности, чѣмъ въ другихъ, онъ распустилъ ихъ и послѣ употреблялъ только собственныя войска.

Я хотѣлъ ограничиться примѣрами изъ новѣйшей исторіи Италіи, но Геронъ сиракузскій такъ близко подходитъ къ предмету, о которомъ я говорю, что не могу не упомянуть и о немъ. Сиракузцы избрали его главнокомандующимъ своихъ войскъ, состоявшихъ изъ наемниковъ. Онъ тотчасъ же усмотрѣлъ, что эти войска мало принесутъ ему пользы, потому что были наняты подобно нашимъ италіянскимъ, собственными начальниками. Видя, что одинаково опасно, употреблять ихъ или распустить,— онъ рѣшился ихъ умертвить, и послѣ того велъ войну собственными войсками.

Однимъ словомъ, чужія войска, обременяя государя, оставляютъ его иногда въ такой моментъ, когда онѣ наиболѣе нужны, или обращаются противъ того, кто ихъ употребляетъ. Карлъ VII-й, отецъ Людовика XI-го, освободивъ своею храбростью Францію отъ англичанъ и убѣдившись въ необходимости имѣть собственныя войска, сформировалъ свою собственную кавалерію и пѣхоту. Сынъ его, Людовикъ XI-й, распустилъ пѣхоту и взялъ на свое жалованье швейцарцевъ. Эта ошибка, повторявшаяся его наслѣдниками, была причиною той опасности, которой подвергалось государство. Она доставила швейцарцамъ большую славу, но унизила собственныя французскія войска, которыя привыкнувъ сражаться только совокупно съ швейцарцами, лишились способности побѣждать безъ нихъ. Однимъ словомъ, французы не смѣли мѣряться силами съ швейцарцами, ни воевать безъ нихъ.

Французскія войска состоятъ частью изъ наемниковъ, а частью изъ собственныхъ, народныхъ. Такая смѣсь лучше чисто наемныхъ или чисто вспомогательныхъ войскъ, но гораздо хуже собственныхъ. Нижеслѣдующій примѣръ доказываетъ, что Франція была бы непобѣдима, еслибъ порядокъ введенный Карломъ былъ сохраненъ и распространенъ послѣ него. Но таковы людскія дѣла. Часто люди предпринимаютъ дѣла, увлекаясь только одною хорошею стороною, не вникая въ сущность и не видя яда, скрывающагося подъ красивою наружностью, подобно чахоткѣ, о которой упомянуто выше.

Монархъ, не предвидящій бѣдствія, а узнающій о немъ лишь въ то время, когда оно уже явилось, и когда уже недостаетъ времени его отвратить, не можетъ почитаться мудрымъ. Мудрость достается въ удѣлъ не многимъ. Римская имперія разрушилась отъ того, что императоры обратились къ найму Готовъ, сдѣлавшихся могущественными на счетъ римскихъ войскъ.

Государь, не имѣющій собственныхъ войскъ—непроченъ на престолѣ. Онъ подобенъ человѣку, не имѣющему собственныхъ силъ для своей защиты и зависящему только отъ счастія. Всѣ мудрые государственные люди были того мнѣнія, что нѣтъ ничего менѣе прочнаго, какъ могущество, не имѣющее собственной опоры.

Собственными войсками называются тѣ, которыя состоятъ изъ подданныхъ и гражданъ; всѣ же остальныя суть наемники или вспомогательныя. Очень легко сформировать собственную, народную армію, употребляя тѣ средства, которыя такъ искусно умѣлъ приводить въ исполненіе Филиппъ, отецъ Александра великаго и многіе другіе, равно какъ республики, о коихъ упомянуто выше.

*

ГЛАВА XIV.

—

Объ обязанностяхъ монарха относительно войскъ.

Монархъ долженъ избрать исключительнымъ и единственнымъ своимъ занятіемъ, военное искусство, такъ какъ оно составляетъ необходимую науку для тѣхъ лицъ, которыя хотятъ править народами. Оно удерживаетъ на мѣстѣ природныхъ государей, а иногда возводитъ на тронъ частныхъ людей, между тѣмъ какъ многіе государи теряли престолы только отъ того, что вмѣсто воинскихъ занятій, предавались роскоши, нѣгѣ и бездѣйствію. Повторяю, первою причиною потери трона, есть малое вниманіе къ войскамъ, а средство пріобрѣсти уваженіе войска, заключается въ военномъ опытѣ.

Францъ Сфорца сдѣлался изъ частнаго человѣка герцогомъ миланскимъ, потому что имѣлъ въ своемъ распоряженіи войска, а сыновья его, не имѣвшіе наклонности къ военнымъ трудамъ, потеряли герцогскій титулъ и сдѣлались частными людьми. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Если монархъ не будетъ стоять въ главѣ своихъ войскъ, то родитъ къ себѣ презрѣніе, а этого-то именно

государь долженъ избѣгать болѣе всего. Необходимость этого будетъ доказана ниже, многими примѣрами.

Нѣтъ никакой возможности опредѣлить, какое отношеніе должно быть между числомъ вооруженныхъ и невооруженныхъ гражданъ. Нѣтъ никакого основанія думать, чтобъ одни непремѣнно повиновались другимъ и что невооруженный государь будетъ внѣ опасности среди своихъ вооруженныхъ подданныхъ, потому что вооруженные будутъ его презирать, а невооруженные подозрѣвать. При такихъ взаимныхъ чувствахъ, само собою разумѣется, не можетъ быть согласія и спокойствія. Однимъ словомъ, монархъ незнакомый съ военнымъ искусствомъ, кромѣ другихъ невыгодныхъ сторонъ, не можетъ быть любимъ войсками и, слѣдовательно, не можетъ имъ довѣрять. Изъ этого видно, что государь не долженъ пренебрегать военнымъ искусствомъ, а напротивъ, обязанъ упражняться въ немъ, не только въ военное, но и въ мирное время, теоретически и практически. Государь долженъ наблюдать, чтобъ въ войскахъ сохранялся порядокъ и дисциплина, и чтобъ онѣ упражнялись въ своемъ ремеслѣ. Самъ онъ долженъ закалить свое тѣло охотою, занятіе, при которомъ онъ можетъ получить возможность изучать въ подробности различныя мѣстности, познавать свойство рѣкъ, озеръ, крутизну горъ, ширину и направленіе долинъ. Это приноситъ двоякую пользу: *во-первыхъ*, онъ лучше узнаетъ топографическое свойство своего государства и средства какъ его защищать, и *во-вторыхъ*, получаетъ способность, съ легкостью познавать незнакомыя мѣстности, могущія современемъ сдѣлаться театромъ войны, тѣмъ болѣе, что возвышенности, горы, долины, рѣки и озера и пр., напримѣръ въ Тосканѣ, имѣютъ болѣе или менѣе сходства съ нахо-

дящимися въ другихъ странахъ, и слѣдовательно, изученіе одного края, даетъ приблизительное понятіе о другихъ. Эта способность составляетъ одно изъ самыхъ необходимыхъ качествъ каждаго полководца. Главнокомандующій, не имѣющій этой способности, никогда не будетъ знать, гдѣ находится непріятель, какъ и куда слѣдуетъ вести свои войска, гдѣ ихъ расположить лагеремъ и гдѣ выгоднѣе дать сраженіе. Между прочими качествами, приписываемыми греческими и римскими писателями Филимону, ахейскому полководцу, заключалось то, что о войнѣ онъ думалъ въ мирное время: когда ему случалось быть со своими пріятелями въ полѣ, то онъ останавливался и спрашивалъ у нихъ, которая изъ армій имѣла бы бо́льшія выгоды, еслибъ одна занимала такія-то высоты, а противная такія-то? Какъ слѣдовало бы аттаковать непріятеля и какъ вести сраженіе, какъ отступать въ случаѣ неудачи и какъ преслѣдовать непріятеля въ случаѣ успѣха? При этомъ, онъ объяснялъ имъ всѣ случаи, могущіе встрѣтиться на войнѣ, выслушивалъ ихъ мнѣнія, сообщалъ имъ свое собственное съ доказательствами, такъ что послѣ такихъ упражненій, онъ, во время войны, никогда не встрѣчалъ такихъ обстоятельствъ, которыя бы не были имъ прежде обдуманы. Что касается до той части военнаго искусства, которую можно изучить въ кабинетѣ, то государь долженъ читать военную исторію, вникать въ причины выигрыша или проигрыша сраженій и слѣдовать примѣру того или другаго знаменитаго человѣка, подобно тому, какъ Александръ великій взялъ себѣ за образецъ Ахилла, Цесарь—Александра, а Сципіонъ — Кира младшаго. Сравнивая біографію Сципіона съ жизнеописаніемъ Кира, написаннымъ Ксенофонтомъ, оказывается, что Сципіонъ, подобно Киру, былъ воздерженъ, снисходителенъ, человѣколюбивъ и щедръ.

Мудрый государь долженъ упражняться, въ мирное время, для того, чтобъ въ случаѣ перемѣны счастія, умѣть отвращать удары несчастія.

ГЛАВА XV.

Какимъ образомъ люди, а въ особенности государи, пріобрѣтаютъ похвалы или навлекаютъ на себя порицаніе.

Намъ остается разсмотрѣть, какъ государь долженъ себя вести со своими подданными и друзьями. Такъ-какъ объ этомъ предметѣ писали уже многіе, то боюсь, чтобъ не сочли за высокомѣріе, что я не раздѣляю ихъ мнѣній; но какъ я пишу для здравомыслящихъ, то предпочитаю писать истину въ такомъ видѣ, какъ она дѣйствительно существуетъ, а не такъ, какъ она представляется многимъ. Многіе авторы описывали республики и государства идеальныя, никогда не существовавшія, забывъ, что большая разница между тѣмъ что дѣлается и тѣмъ, что слѣдовало бы дѣлать. Тотъ, кто забываетъ эту разницу, неминуемо самъ подготовитъ свое паденіе. Тотъ, кто вздумаетъ дѣйствовать съ безнравственною толпою по всѣмъ правиламъ чистой морали, непремѣнно долженъ пасть. Поэтому, государь, желающій удержаться на своемъ мѣстѣ, долженъ умѣть быть и не добрымъ, когда обстоятельства того потребуютъ. Не касаясь всѣхъ ложныхъ понятій о государяхъ, упомяну только о правильныхъ. Людямъ, а въ особенности государямъ, обыкновенно, приписываютъ такія или другія достоинства или недостатки: одинъ щедръ, другой скупъ; одинъ даетъ охотно,— другой самъ жаждаетъ пріобрѣтеній; одинъ жестокъ, — другой сострадателенъ; одинъ честенъ,— другой вѣроломенъ; одинъ изнѣженъ и боязливъ,—другой мужественъ и дикъ; одинъ человѣколюбивъ—другой высокомѣренъ; одинъ сладострастенъ,— другой цѣломудренъ; одинъ правдивъ,— другой хитръ и лукавъ; одинъ жестокъ,—другой мягокъ; одинъ основателенъ,—другой легкомысленъ; одинъ набоженъ,— другой не имѣетъ вѣры, и такъ далѣе.

Безъ сомнѣнія, было бы желательно, чтобъ государи имѣли только хорошія качества; но какъ въ природѣ не существуетъ совершенства, то необходимо, чтобъ государь былъ такъ разсудителенъ, чтобъ умѣлъ избѣгнуть худой славы, могущей лишить его престола. Что касается до пороковъ, не могущихъ имѣть такихъ важныхъ послѣдствій, то и отъ нихъ слѣдуетъ, по возможности, воздерживаться; но еслибъ это было свыше силъ, то можно и не обращать на нихъ слишкомъ большаго вниманія. Наконецъ, нѣтъ надобности безпокоиться о худой молвѣ за такіе пороки: безъ которыхъ трудно было бы удержаться на престолѣ, существуютъ свойства, кажущіяся похвальными, но ведущія къ погибели, равно какъ такія, которыя, напротивъ, кажутся дурными, а между тѣмъ служатъ ручательствомъ его прочности на престолѣ и вообще его благоденствія.

Замѣчанія Реберга.

Макіавель, такъ хорошо знавшій человѣческую натуру, конечно, имѣлъ вѣрное понятіе о правѣ и о принципахъ нравственности, равно какъ о вліяніи на людей того и другаго. Но онъ не давалъ имъ никакой цѣны и смотрѣлъ на нихъ какъ на предразсудки, обусловливающіе человѣческія дѣянія. Подобно ему, одинъ изъ его учениковъ— Наполеонъ,—понимавшій его лучше другихъ, хорошо зналъ въ чемъ заключаются нравственныя качества людей, но употреблялъ ихъ во зло, имѣя въ виду только одно — какъ достигнуть своей цѣли. Но Наполеонъ не зналъ природы вещей: онъ судилъ о цѣломъ родѣ человѣческомъ только по отношенію человѣчества къ его собственной личности и употреблялъ людей сообразно съ этимъ взглядомъ. Онъ мечталъ быть олицетворенною судьбою. Но самый могущественный человѣкъ не можетъ быть ничѣмъ болѣе, какъ только пружиною въ общей судьбѣ народовъ и находится въ ея зависимости, подобно другимъ личностямъ, но только въ другомъ родѣ. Очень ошибаются тѣ, которые подчиняютъ своей личности все общечеловѣческое, возвышенное, благородное. Подобные поступки не выдерживаютъ критики чистаго разума, между тѣмъ какъ напротивъ, тотъ, кто подчиняетъ свой собственный интересъ высшимъ цѣлямъ, остается въ согласіи съ самимъ собою даже въ такомъ случаѣ, когда при стремленіи къ своей цѣли—погибнетъ.

ГЛАВА XVI.

О щедрости и скупости.

Начинаю съ перваго изъ этихъ качествъ. Хорошо слыть за щедраго; но худо быть щедрымъ не слывя за таковаго. Если государь щедръ въ мѣрѣ дѣйствительной надобности, но это не будетъ извѣстно, то много будетъ недовольныхъ и онъ можетъ прослыть за скупца. Для того, чтобъ слыть за щедраго, необходимо дѣлать огромныя издержки, а на нихъ государь можетъ истратить все, что имѣетъ; а между тѣмъ, чтобъ поддерживать мнѣніе о своей щедрости, онъ найдется въ необходимости, для полученія денегъ, обременять подданныхъ налогами и искать разныхъ фискальныхъ средствъ, а это можетъ сдѣлать его ненавистнымъ Если притомъ отъ его расточительности истощится государственное казначейство, то онъ потеряетъ кредитъ и подвергнется опасности, при первомъ неблагопріятномъ оборотѣ фортуны, потерять престолъ; потому что щедрость его мало кого обогатила, а расточительность многихъ отяготила, и какъ это обыкновенно бываетъ, онъ сдѣлаетъ себѣ болѣе враговъ, нежели друзей. Если, наконецъ, для поправленія своихъ дѣлъ, онъ возвратится къ порядку,

то прослыветъ за скрягу. Государь можетъ быть и щедрымъ, но такъ, чтобъ его щедрость не бросалась въ глаза. Бережливому государю нечего бояться слыть за скупца. Когда подданные убѣдятся, что чрезъ бережливость, ему достаточно получаемыхъ доходовъ, что онъ въ состояніи не только защитить свое государство, но и предпринять все что полезно для государства, не обременяя подданныхъ новыми податями, и наконецъ, что онъ щедръ только съ большинствомъ народа, не отнимая между тѣмъ ни у кого собственности, а скупъ только съ меньшинствомъ, не получающимъ отъ него ничего, то его перестанутъ почитать за скупца. Въ наше время, мы видѣли, что только тѣ государи совершали великія дѣла, которые слыли за скупыхъ, а остальные погибали. Юлій II-й достигъ папскаго престола посредствомъ своей щедрости; но утвердившись на престолѣ, онъ пересталъ думать о репутаціи щедраго, а началъ думать о средствахъ для веденія войны противъ Франціи. И дѣйствительно, только по причинѣ своей бережливости онъ былъ въ состояніи вести всѣ войны, не обременяя подданныхъ новыми налогами. Еслибъ нынѣшній испанскій король (Фердинандъ католическій), захотѣлъ слыть за щедраго, то не былъ бы въ состояніи сдѣлать то, что совершилъ. И такъ, государю ведущему свое хозяйство такъ, что для своей защиты не имѣетъ надобности разорять своихъ подданныхъ, нечего опасаться слыть за скупаго, потому что этотъ мнимый порокъ служитъ къ его благоденствію и упроченію его правленія.

Еслибъ на это возразили, что Цесарь достигъ престола только чрезъ свою щедрость, и что этимъ средствомъ возвышались многіе другіе, то отвѣчаю: ты или достигъ престола, или находишься на пути къ нему. Въ первомъ случаѣ, расточительность вредна; во второмъ же, дѣйствительно необходимо быть щедрымъ подобно Цесарю, стремившемуся къ господству въ Римѣ. Но надобно замѣтить, что еслибъ Цесарь жилъ долѣе, то онъ нашелся бы въ необходимости остановиться въ своей щедрости, очистившей ему дорогу къ императорскому престолу, или въ противномъ случаѣ, продолжая, по прежнему, быть щедрымъ,— погубилъ бы себя.

На замѣчаніе, что нѣкоторые государи, отличавшіеся щедростью, совершали великія дѣла посредствомъ своихъ армій, отвѣчаю: государь расточаетъ богатства—собственныя, своихъ подданныхъ или чужія. Въ первыхъ двухъ случаяхъ онъ обязанъ быть бережливымъ; въ третьемъ же, долженъ стараться пріобрѣсти репутацію щедраго. Если, въ военное время, армія содержится грабежомъ или присвоиваніемъ себѣ чужаго имущества, то государь долженъ быть щедръ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ не найдетъ солдатъ. Кто расточаетъ имущество не свое и не своихъ подданныхъ, тотъ можетъ быть щедрымъ подобно Киру, Цесарю и Александру македонскому, потому что этимъ средствомъ онъ достигаетъ не худую, а напротивъ, хорошую репутацію. Вредно расточать только свое собственное богатство.

Нѣтъ добродѣтели, которая подобно щедрости пожирала бы сама себя. Расточительный не можетъ быть таковымъ долго, потому что расточительность сама истощаетъ свой источникъ, и приводитъ къ бѣдности или къ низости. Если государь, желая избѣгнуть бѣдности, прибѣгнетъ къ податямъ, то навлечетъ на себя ненависть, а этого-то онъ и долженъ болѣе всего опасаться. Расточительность ве-

детъ къ ненависти и презрѣнію. Еслибъ пришлось выбирать между двумя крайностями, то лучше быть умѣренно щедрымъ, нежели расточительнымъ, потому что первое, хотя мало приноситъ чести, но не навлекаетъ, подобно второму—ненависти и презрѣнія.

Замѣчанія Реберга.

Эти замѣчанія очень важны для государей. Щедрость—прирожденное чувство возвышенной души. Дѣлая добро, человѣкъ чувствуетъ себя выше другихъ. Ее можно назвать добродѣтелью государей. Скупость мелочна и не приличествуетъ высокому сану. Къ этому присоединяется еще слѣдующее: такъ какъ тотъ, кто домогается престола, нуждается въ посторонней помощи, то ему приходится, иногда, покупать ее.

Если ближе разсмотрѣть это обстоятельство, то увидимъ, что щедрость имѣетъ обыкновенно слѣдующія слѣдствія: неблагодарные любимцы ненасытны; чѣмъ болѣе они получаютъ, тѣмъ болѣе требуютъ. Цѣлыя сословія требуютъ, какъ бы по праву, того, что одному досталось случайно. Послѣ раздѣла царскаго богатства, теряется всякое уваженіе къ тому, кто уже не имѣетъ возможности дарить, и противъ него возстаютъ; предпріятія не удаются по недостатку средствъ; заслуги худо вознаграждаются; неудовлетворяются справедливыя требованія, возникаетъ общее неудовольствіе, а наконецъ рождается—презрѣніе.

Напротивъ, скупость, не смѣшивая ее съ жадностью, близкою роднею расточительности, очень часто соединена съ любовью справедливости. Разсчетливое хозяйство составляетъ основаніе всякаго хорошаго правленія. Если

скупость не есть слѣдствіе серьёзнаго размышленія и осторожности, а только природное свойство, то она распространяется и на мелочные предметы, забывая важные; имѣетъ цѣлью не хорошее хозяйство, а только самое сбереженіе, не награждаетъ заслугъ, внушаетъ охлажденіе и неудовольствіе, которое всегда питаютъ къ тому, чьей власти боятся, не уважая личности.

ГЛАВА XVII.

О жестокости и милосердіи и о томъ, лучше ли внушать любовь или страхъ?

Перехожу къ другимъ качествамъ государей. Каждый государь долженъ стараться, чтобъ его почитали за милосердаго; но долженъ употреблять эту добродѣтель кстати и въ должномъ размѣрѣ. Цесарь Боржіа считался жестокимъ; но только чрезъ эту жестокость успѣлъ подчинить себѣ Романію и водворить въ ней миръ и спокойствіе, которыхъ она была лишена до того времени. Вникая въ подробности этого обстоятельства, мы увидимъ, что онъ былъ болѣе милосердъ, нежели флорентійцы, которые, желая показаться жестокими, допустили разорить Пистóю. Если дѣло идетъ о томъ, чтобъ удержать своихъ подданныхъ въ повиновеніи, то государю нечего опасаться репутаціи жестокаго. Гораздо милосердѣе, если государь ограничится малымъ числомъ наказаній, нежели неумѣстными послабленіями допуститъ безпорядки, которые повлекутъ за собою грабежи и убійства, тяготѣющіе надъ всѣми, между тѣмъ какъ наказанія коснулись бы только нѣсколькихъ личностей.

Государямъ, вновь достигнувшимъ верховной власти, очень трудно избѣгнуть репутаціи жестокосердаго, потому что они окружены опасностями. Поэтому, Дидона, въ «Энеидѣ» Виргилія,—въ оправданіе своей жестокости, говоритъ слѣдующее:

«Крайность, въ которой находится мое возникающее государство, заставляетъ меня быть строгою, а осторожность заставила меня обставить свои границы войсками.» («Энеида» книга 1-я.)

Государь не долженъ пугаться своей тѣни и вѣрить всѣмъ ужасамъ, о которыхъ ему будутъ доносить, а напротивъ, долженъ дѣйствовать осторожно и умѣренно, держась середины, такъ чтобъ слишкомъ большою довѣрчивостью не сдѣлаться неосторожнымъ, а слишкомъ большою подозрительностью, не сдѣлаться несноснымъ. Изъ этого рождается вопросъ: чтó лучше—внушать ли страхъ или любовь? Люди вообще неблагодарны, непостоянны, вѣроломны, робки и жадны. Они преданы только до тѣхъ поръ, пока имъ дѣлаютъ добро. Когда опасность далека, они готовы жертвовать своимъ имуществомъ, кровью, жизнію, даже собственными дѣтьми; но съ дѣйствительнымъ появленіемъ опасности, сами возмущаются. По этому, то и другое — хорошо; но такъ-какъ трудно соединить одно съ другимъ, то лучше внушать подданнымъ страхъ, нежели любовь. Государь, полагающійся на увѣренія подданныхъ, не принимая самъ соотвѣтственныхъ мѣръ, непремѣнно погибнетъ, потому что друзья, купленные за деньги, а не пріобрѣтенные душевными качествами, рѣдко имѣютъ твердость бороться съ ударами судьбы, и покидаютъ своего государя именно тогда, когда онъ болѣе всего въ нихъ нуждается. Вообще, люди стараются болѣе угождать тѣмъ, которыхъ боятся, нежели тѣмъ, которыхъ любятъ. Дружба, основанная на благодарности, будучи связью нравственною, всегда сла-

бѣе разсчетовъ своекорыстія, а страхъ наказанія никогда насъ не покидаетъ. Во всякомъ случаѣ, государь долженъ внушать страхъ только до такой степени, чтобъ онъ не превратился въ ненависть: легко держаться середины. Чтобъ не возбуждать ненависти, достаточно уважать собственность подданныхъ и честь женъ и дочерей. Если необходимо лишить кого нибудь жизни, то слѣдуетъ обнародовать причины такой необходимости. Болѣе всего слѣдуетъ избѣгать конфискацій имущества подданныхъ, потому что люди скорѣе забываютъ смерть родителей, нежели потерю имущества. Въ предлогахъ къ отнятію имущества никогда не бываетъ недостатка. Кто одинъ разъ начнетъ такой грабежъ, тотъ легко найдетъ причины повторять ихъ, между тѣмъ какъ поводы къ лишенію жизни представляются рѣже.

Когда государь находится въ главѣ своей арміи, то ему нечего бояться слыть за жестокосердаго, ибо эта репутація послужитъ ему для поддержанія въ повиновеніи арміи и для предупрежденія возмущенія.

Аннибалъ имѣлъ, между прочими удивительными способностями, талантъ внушать къ себѣ страхъ своихъ войскъ до такой степени, что въ его арміи, состоявшей изъ различныхъ народностей, которую онъ велъ въ чужіе края, не было никогда ни не удовольствій, ни возмущеній, какъ въ счастливыя, такъ и въ несчастливыя эпохи войны. Это слѣдуетъ приписать только его ужасной жестокости, соединенной съ высокими качествами, внушавшими къ нему въ одно и тоже время страхъ и уваженіе солдатъ, безъ чего его военныя способности и храбрость были бы безполезны.

Нѣкоторые неосновательные писатели, превознося его таланты и военныя дѣйствія, въ тоже время, осуждаютъ

причины его успѣховъ; но ничто не оправдываетъ его болѣе, какъ примѣръ Сципіона, одного изъ величайшихъ полководцевъ всѣхъ временъ, котораго армія, невзирая на всѣ его добродѣтели, взбунтовалась въ Испаніи. Это произошло отъ того, что по мягкосердечію онъ допустилъ между солдатами своеволіе, несовмѣстное съ военною дисциплиною. Фабій Максимъ обвинялъ его въ полномъ собраніи сената въ разрушеніи въ арміи дисциплины. Когда одинъ изъ подчиненныхъ Сципіона разрушилъ Локренцу, то по такой же неизвинительной слабости Сципіонъ не сдѣлалъ ему никакого замѣчанія. Одинъ изъ сенаторовъ, оправдывая его, сказалъ, что есть люди умѣющіе лучше сами удерживаться отъ пороковъ, нежели наказывать за нихъ другихъ. Эта излишняя кротость запятнала бы его репутацію, еслибъ онъ долѣе командовалъ арміею съ такимъ же мягкосердечіемъ. Живя въ то время, когда римская республика управлялась сенатомъ, эта слабость не только не повредила ему, но напротивъ, послужила къ увеличенію его славы.

Въ заключеніе повторяю: какъ привязанность людей есть слѣдствіе естественной ихъ наклонности, а страхъ ихъ зависитъ отъ поведенія государя, то мудрый монархъ не долженъ полагаться на расположеніе людей, а долженъ разсчитывать только на то, что зависитъ отъ него самаго, а потому онъ долженъ стараться внушать подданнымъ страхъ, безъ ненависти.

Замѣчанія Реберга.

Поученія изложенныя въ этой главѣ очень ясны; но людямъ съ мягкимъ сердцемъ, трудно имъ слѣдовать: они

имѣютъ убѣжденіе, что относительно ихъ собственно, люди составляютъ исключеніе. Сообразно съ собственными чувствами, они тщетно ожидаютъ отъ другихъ взаимности, между тѣмъ какъ, напротивъ, человѣку прослывшему мягкосердечнымъ, приходится имѣть болѣе другихъ неудовольствій. Вотъ причина, почему мягкосердечіе, эта мнимая добродѣтель,—очень несходная съ истинною любовью добра, — такъ восхваляется. Въ сущности, мягкосердечіе ничто иное какъ слабость вялаго характера, презираемаго даже въ частной жизни. Кто истинно желаетъ людямъ добра на дѣлѣ, тотъ долженъ входить въ борьбу, побѣждать, наводить страхъ на своекорыстныхъ и неблагонамѣренныхъ, и побуждать къ дѣятельности безхарактерныхъ, а иногда, для собственной пользы, обращать къ дѣятельности тѣхъ, кому онъ доброжелательствуетъ. Въ общественной жизни нѣтъ ничего болѣе вреднаго, какъ добродушіе всѣмъ уступающее, снисходительное къ злымъ, и жертвующее добромъ, которое подъ видомъ скромнаго самоотверженія, уклоняется отъ дѣла тамъ, гдѣ нужно быть впереди, а тамъ гдѣ нужно защищаться, прикрываетъ свою трусость постоянствомъ въ несчастіи. Особенно вредны уступки и неумѣстная снисходительность къ подчиненнымъ. Чтобъ любить начальника, надобно прежде всего его уважать, а это уваженіе ближе къ страху, нежели къ любви. Другая часть любви къ начальству, заключается въ увѣренности найти у него защиту, а для этого необходимо убѣжденіе подчиненныхъ, что другіе боятся ихъ начальника. Страхъ служитъ связью гражданскаго общества, или какъ говоритъ русская пословица: «страхомъ земля держится». Но это слѣдуетъ понимать не такъ, какъ думалъ Макіавель.

ГЛАВА XVIII.

Въ какой степени государь долженъ держать свое слово.

Нѣтъ сомнѣнія, что очень похвально, когда государь вѣренъ своему слову и живетъ правдою, а не хитростью. Невзирая однакоже на это, опыты нашего времени показываютъ, что государи, мало обращавшіе вниманія на данное слово и умѣвшіе хитростью обманывать людей, совершали великія дѣла и побѣждали тѣхъ, которые дѣйствовали честно.

Есть два способа заставлять себѣ повиноваться: одинъ — законами, другой — силою. Первый болѣе приличествуетъ людямъ, а второй животнымъ. Когда первый способъ недостаточенъ, то необходимо обращаться ко второму. Поэтому, государь долженъ умѣть употреблять кстати, какъ одинъ, такъ и другой способъ. Древніе поэты очень замысловато намекаютъ на это въ аллегорическомъ описаніи воспитанія Ахилла и многихъ другихъ героевъ, центавромъ Хирономъ. Имѣть такого наставника, т. е. получеловѣка и полу-звѣря, значитъ, что государь долженъ умѣть употреблять обѣ натуры, такъ какъ одна безъ дру-

гой не могутъ быть долго самостоятельны. Изъ животныхъ государь долженъ брать себѣ въ образецъ — лисицу и льва. Лисица, не въ состояніи бороться съ волкомъ, а левъ легко можетъ попасть въ сѣти лисицы. Государь долженъ быть силенъ какъ левъ, а хитеръ какъ лисица. Тѣ не понимаютъ своего ремесла, которые, полагаясь только на свою силу, пренебрегаютъ свойствами лисицы. Мудрый государь не обязанъ держать своего слова, если это можетъ послужить во вредъ ему самому и если тѣ обстоятельства, въ которыхъ оно было дано, уже не существуютъ.

Еслибъ всѣ люди были честны, то этотъ совѣтъ былъ бы неоснователенъ; но какъ люди вообще вѣроломны, и всякую минуту готовы измѣнить своему слову, то и государю нечего слишкомъ много заботиться о данномъ имъ словѣ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ легко оправдаться. Я могъ бы выставить множество примѣровъ и показать, какъ часто обѣщанія и договоры были нарушаемы государями и что тотъ лучше всего выходитъ, кто лучше другихъ съумѣетъ прикрывать себя лисьей шкурой. Главное дѣло заключается въ умѣніи хорошо разыгрывать свою ролю, кстати притворяться и скрытничать. Люди вообще такъ легковѣрны и слабы, и находятся всегда подъ впечатлѣніями настоящаго, что кто захочетъ ихъ обманывать, всегда найдетъ легковѣрныхъ.

Приведу только одинъ примѣръ изъ современной исторіи: папа Александръ VI, всю жизнь обманывалъ и невзирая на извѣстное его вѣроломство, успѣвалъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Увѣренія и клятвы были для него ни по чемъ; ни одинъ государь никогда не нарушалъ своего слова такъ часто, какъ онъ. Ему все удавалось, потому что онъ вполнѣ постигъ искусство управлять государствомъ.

Государю нѣтъ надобности имѣть всѣ тѣ добродѣтели, о которыхъ я упоминалъ; нужно только казаться добродѣтельнымъ. Осмѣливаюсь утверждать, что для государя даже вредно быть всегда честнымъ: онъ долженъ только стараться пріобрѣсти репутацію добраго, милосердаго, набожнаго, постояннаго и справедливаго; но въ случаѣ надобности, долженъ умѣть поступать совершенно противно. Государь, а въ особенности вновь достигнувшій верховной власти, не можетъ всегда исполнять того, что у частныхъ людей почитается честнымъ: часто, для сохраненія своего мѣста, онъ находится въ необходимости измѣнять слову, человѣколюбію и религіи. Онъ долженъ быть такъ искусенъ, чтобъ умѣлъ гнуться по вѣтру, т. е. дѣйствовать всегда сообразно съ обстоятельствами, и не теряя никогда изъ виду прямой дороги, идти, когда будетъ нужно, окольною. Государь долженъ тщательно стараться, чтобъ изъ устъ его никогда не исходило ничего противнаго вышеозначеннымъ добродѣтелямъ. Все отъ него происходящее, должно дышать милосердіемъ, справедливостью, человѣколюбіемъ, честностью и благочестіемъ. Болѣе всего необходимо казаться благочестивымъ, потому что люди вообще судятъ болѣе по наружности, нежели по внутреннему достоинству. Глаза открыты у всѣхъ, а чувства часто насъ обманываютъ. Всякій видитъ то, чѣмъ ты стараешься казаться; но мало кто умѣетъ проникать истинныя качества, и эти не многіе небудутъ смѣть противорѣчить общему мнѣнію большинства, почитающему наружный блескъ за истинное достоинство. При обсужденіи дѣйствій людей, а особенно государей, не признающихъ

надъ собою никакого судилища, мѣриломъ бываетъ всегда—конецъ. Слѣдовательно, государь долженъ только стараться обезпечить свою жизнь и свою власть; средства же будутъ всегда оправданы, такъ-какъ толпа всегда судитъ по наружности и по послѣдствіямъ, а цѣлый свѣтъ состоитъ почти изъ толпы. Малое число умныхъ, принимаетъ участіе въ дѣлѣ тогда только, когда толпѣ или большинству, имѣющему силу, недостаетъ руководителей. Одинъ государь нашего времени, котораго считаемъ лучше не именовать *), постоянно говорилъ о мирѣ и о справедливости; но еслибъ онъ соблюдалъ то и другое, то потерялъ бы свою репутацію и свое государство.

Замѣчанія Реберга.

Изъ всѣхъ поученій даваемыхъ Макіавелемъ государямъ, эти послѣднія получили наибо́льшее одобреніе. На нихъ ссылаются всѣ государственные люди, расторгая договоры, не исполняя обѣщаній и прикрывая обманъ именемъ политики. Но невозможно предполагать, чтобъ такой опытный человѣкъ какъ Макіавель, въ самомъ дѣлѣ, думалъ, что нѣтъ никакой опасности всегда обманывать. Впрочемъ, онъ и не утверждаетъ этого; онъ требуетъ только отъ государя, чтобъ онъ былъ равнодушенъ къ добродѣтели и къ пороку, и употреблялъ то и другое, только какъ средство для достиженія своихъ цѣлей. Сильные міра сего обыкновенно желаютъ, для удовлетворенія своихъ страстей, освободиться отъ оковъ нравственности. Но этого Макіавель не дозволяетъ имъ. По его государ-

*) Кажется Фердинандъ аррагонскій.

ственной наукѣ, все, что человѣкъ ни дѣлаетъ для достиженія своей цѣли, должно подчиняться холодному разсчету ума, не обращая вниманія на нравственную сторону. Тому, кто стремится только къ достиженію верховной власти и кто обладаетъ всѣмъ, что́ нужно для увеличенія своей власти, нечего уже желать. Макіавель вовсе не утверждаетъ, чтобъ государю не было надобности обращать вниманіе на нравственные законы, только потому, что онъ можетъ дѣлать это безнаказанно. Онъ слишкомъ хорошо зналъ народъ и тѣ послѣдствія, какія могли бы произойти отъ такого поведенія. Онъ только требуетъ, чтобъ государь въ сердцѣ былъ равнодушенъ къ добродѣтели и чтобъ игралъ, сообразно съ обстоятельствами, ролю честнаго и безчестнаго. Но въ дѣлахъ честолюбія, по мнѣнію Макіавеля, недостаточно еще заглушать чувства и честь. Это только половина требуемаго имъ. Онъ требуетъ притомъ, чтобъ государь казался добродѣтельнымъ. Въ этомъ совѣтѣ нельзя уже узнать глубокаго наблюдателя человѣчества. Аристотель, написавшій въ своей политикѣ (книга 5, глава II), правила для тирановъ, довольно согласныя съ наставленіями Макіавеля, требуетъ также отъ государя, чтобъ онъ показывалъ, по наружности, что имѣетъ такія добродѣтели, коихъ у него въ самомъ дѣлѣ нѣтъ. Это самое обнаруживаетъ, что добродѣтель такъ необходима государю, что онъ не можетъ обойтись безъ репутаціи быть добродѣтельнымъ. Но Аристотель совѣтуетъ государямъ приближаться къ ней по возможности, и усвоивъ все, что могутъ, остальное имѣть хотя по наружности. Макіавель, напротивъ, запрещаетъ имъ быть добродѣтельными, потому что это было бы имъ помѣхою, а требуетъ только, чтобъ въ нужныхъ случаяхъ, они на

дѣвали маску добродѣтели. При этомъ рождается вопросъ: можно ли достигнуть чего бы то ни было призракомъ? Въ обыкновенной жизни мы видимъ, какъ мало внушаютъ довѣрія и какъ, напротивъ, рождаютъ отвращеніе лица, разсчитывающіе только на эффекты, кои будучи постоянно заняты собою, носятъ съ собою зеркало. Какъ бы искусно они ни умѣли притворяться, но ихъ постигаютъ скоро. Въ каждомъ ихъ движеніи сквозитъ — «остерегись», а это не можетъ не имѣть своего вліянія. Сильные міра сего могутъ быть такъ могущественны, что будутъ въ состояніи заставить молчать своихъ подданныхъ; но развѣ потомство молчитъ? И при всемъ томъ, едва ли когда нибудь существовалъ такой нахальный государь, чтобъ могъ играть ролю предписываемую Макіавелемъ, не желая чтобъ и послѣ смерти о немъ думали такъ, какъ онъ старался казаться при жизни.

Кто достаточно силенъ для того, чтобъ дѣйствовать прямо, тотъ все-таки сдѣлаетъ лучше, когда откажется отъ притворства. Гдѣ разумъ борется съ разумомъ, тамъ и Макіавеля государь находится на такой почвѣ, на которой съ обѣихъ сторонъ господствуетъ вѣроломство и измѣна, съ цѣлью обманутъ противника, и въ этой борьбѣ одерживаетъ верхъ—хитрость. Но когда дѣло идетъ не о томъ, чтобъ перехитритъ хитраго, а побѣдить честность, и когда простосердечіе не подчиняется, тогда всякое искусство безсильно и самъ сатана не имѣетъ достаточно ума, чтобъ замѣнитъ добродѣтель, которая только одна въ этомъ случаѣ дѣйствительна.

Что касается до вѣроломства, о которомъ Макіавель говоритъ какъ о самой естественной вещи, то необходимо знать случаи, когда оно можетъ быть позволено государямъ? Существуетъ древняя пословица, что слово государя свято. Связью человѣческаго общества—правда. Ложь можетъ имѣть успѣхъ только тамъ, гдѣ правда составляетъ общее правило. Всякій человѣкъ требуетъ отъ другаго правды и самый большой лжецъ болѣе всѣхъ жалуется на обманъ. Но противъ человѣка не считающаго неправду и вѣроломство—порокомъ, и въ характерѣ котораго лежитъ неправдивость, подымется голосъ цѣлаго общества и его будутъ ужасаться, какъ чумы. Природа не даромъ дала человѣку хитрость. Она составляетъ оружіе слабаго противъ сильнаго, и оборону противъ своеволія. Макіавель правъ, утверждая, что государь долженъ умѣть быть лисицею и львомъ. Дѣйствуя между людьми, у которыхъ животная натура иногда преобладаетъ надъ нравственною, онъ долженъ, въ случаѣ надобности, употреблять противъ нихъ животную силу. Онъ долженъ умѣть играть ролю льва и лисицы. Левъ, будучи силенъ, низвергаетъ и пожираетъ все, что ему нравится. При дѣлежѣ онъ беретъ себѣ первый кусокъ, потому что онъ левъ. Лисица, напротивъ, добываетъ хитростію то, что ей нужно. Волкъ, будучи непріятелемъ всего, заключающій кратковременные союзы съ своими собратіями, только съ цѣлью напасть на третьяго, не встрѣчается ни въ какой мирной ассоціаціи. Этому, несоціальному звѣрю, человѣкъ никогда не долженъ подражать *). Самъ Макіавель совѣтуетъ монарху быть львомъ для уничтоженія волковъ, а въ другихъ сочиненіяхъ, онъ сильно возстаетъ противъ тѣхъ, ко-

*) Превосходное описаніе волка въ естественной исторіи Бюффона, изъ которой извлечены вышеозначенныя главныя характеристическія черты, могутъ служить аллегоріею на тирана. Конецъ Нерона похожъ на судьбу волка, какъ его описываетъ этотъ великій писатель.

торые между людьми живутъ по-волчьи. Итакъ, если человѣку дана хитрость лисицы, для того чтобъ губить волковъ, противъ коихъ онъ не въ силѣ обороняться, то пусть же и употребляетъ хитрость тамъ, гдѣ она будетъ необходима. Пусть онъ лжетъ, не держитъ обѣщанія, пусть дѣлаетъ заговоры, обманываетъ противника льстивыми обѣщаніями и пусть, обнимая, вонзаетъ ему ножъ въ сердце. Но пусть же онъ докажетъ, что все это было необходимо, для того чтобъ выдти изъ той бѣды, которую ему готовила злоба враговъ, и тогда онъ будетъ оправданъ. Пусть онъ докажетъ, что это было необходимо для спасенія отъ гибели ввѣреннаго ему народа и онъ будетъ сочтенъ за благодѣтельнаго ангела-хранителя. Можно ли не радоваться, когда козни самолюбиваго, ненасытнаго, жаднаго и безчувственнаго честолюбца, дѣйствующаго во вредъ человѣчества, обращаются во вредъ ему самому?

Людямъ необходимо нужно знать всѣ уловки хитрости и притворства. Эти свойства болѣе обыкновенны въ кругу знатныхъ, вслѣдствіе соціальнаго ихъ положенія. Казалось бы, что тому, кто имѣетъ такъ много, не стоитъ давать себѣ трудъ—притворяться. Имъ стоитъ только пожелать и желанія ихъ тотчасъ же исполняются. Лица ихъ окружающія, рѣдко осмѣливаются порицать ихъ поступки. Все это, однакоже, относится только къ бездѣлицамъ, касающимся ихъ личныхъ наклонностей. Совершенно другое встрѣчаютъ они въ гражданской жизни. Здѣсь, въ запутанныхъ учрежденіяхъ гражданскаго общества и въ организаціи власти, они уже встрѣчаютъ затрудненія и препятствія своему своеволію. Хотя они пренебрегаютъ людьми и смѣло злоупотребляютъ ими, но при всемъ томъ, не въ состояніи обратить ихъ въ машины. Самый

неограниченный государь находится въ необходимости сходить съ своей высоты и соображаться съ образомъ мыслей и чувствами своихъ подданныхъ. Притомъ же, все его окружающее, постоянно занято лишь тѣмъ, какъ обратить въ свою пользу каждое его слово, каждое дѣйствіе. Онъ узнаетъ скоро, что всякое его слово имѣетъ огромную важность, а часто такое вліяніе, что это поражаетъ его самого. Если онъ не будетъ подъ вліяніемъ горячаго, пламеннаго темперамента, не терпящаго никакого сопротивленія, то самъ сдѣлается недовѣрчивымъ и научится притворяться.

Если къ этому присоединится извращенное душевное развитіе, если при недостаткѣ рѣшительности и мужества, государь увѣритъ себя, что тамъ, гдѣ сомнительно идти прямымъ путемъ, лучше дѣйствовать скрытными, искусственными путями; если онъ будетъ находить удовольствіе отъискивать затрудненія и, побѣдивъ ихъ, самъ будетъ удивляться своему уму, если онъ вздумаетъ этими ничтожными средствами; замѣнить силу воли, то изъ всего этого произойдетъ такое сплетеніе дѣлъ, что въ нихъ запутается и потеряется самъ устроившій ихъ.

Послѣдствія той политики, которой научаетъ Макіавель, нигдѣ не обнаружились явственнѣе, какъ въ исторіи того дома, для котораго онъ предназначалъ свою книгу. Лоренцо Медичи, которому она была посвящена, не достигъ верховной власти во Флоренціи. Между тѣмъ однакоже кажется, что онъ приспособлялъ къ дѣлу данные ему совѣты. Повидимому, въ практической жизни, онъ имѣлъ расположеніе быть хорошимъ ученикомъ Макіавеля. Только ранняя смерть помѣшала ему развить пространнѣе эту систему. Но за то онъ передалъ въ наслѣ-

діе дочери своей эти драгоцѣнные принципы. Екатерина Медичи перенесла ихъ съ собою во Францію, гдѣ за этимъ флорентинскимъ растеніемъ тщательно ухаживали сопровождавшіе ее италіянцы. Исторія Франціи получила отъ того совершенно новое направленіе, чуждое народному характеру французовъ. Кардиналъ Реци, вызвавшій Екатерину изъ Флоренціи, имѣлъ самое большое вліяніе на Карла IX-го и Генриха III-го и привелъ въ исполненіе такія дѣла, которыя были чужды французской почвѣ. Генрихъ былъ окруженъ множествомъ италіянцевъ, между коими находился аббатъ дель-Бене. Когда Генриху, котораго жизнь была страннымъ смѣшеніемъ сластолюбія, лѣности, легкомыслія, притворства, смѣлой дѣятельности и жестокости, приходила охота учиться политикѣ, то аббатъ дель-Бене читалъ ему Тацита, Полибія, а еще болѣе Макіавеля*). Смотря по расположенію духа, онъ, въ частности, приводилъ въ исполненіе полученные имъ уроки и подтвердилъ тѣмъ замѣчаніе своего наставника, что люди рѣдко имѣютъ столько мужества, чтобъ быть чѣмъ нибудь вполнѣ и потому именно погибаютъ сами.

*) Это говоритъ *Давила*, хорошо знавшій Генриха и его дворъ, отъ своего брата занимавшаго при Екатеринѣ мѣсто камергера. Давила, будучи самъ италіанцемъ, сочувствовалъ Екатеринѣ какъ землякъ. Отъ того его исторія этого двора, болѣе италіянскаго чѣмъ французскаго,—такъ естественна, жива и привлекательна. Онъ понималъ лучше французскихъ писателей своихъ соотечественниковъ. Въ разсказахъ такихъ историковъ человѣкъ видѣнъ какъ онъ есть. Другіе писатели давали описываемымъ ими лицамъ непринадлежавшія имъ свойства, а потому ускользали отличительныя черты,—самое тонкое. Напротивъ, о характерѣ француза слѣдуетъ читать французскихъ писателей. О Генрихѣ IV слѣдуетъ читать Вольтера, описывающаго своего героя-волокиту, съ point d'honneur, съ такимъ же искусствомъ какъ Давила описываетъ Екатерину, коей коварную государственную политику онъ возноситъ до небесъ.

Мать Генриха была другаго свойства. Въ ней соединились природная наклонность и образованіе, полученное отъ маэстра италіянской политики, а ея положеніе доставило ей случай вполнѣ разыграть роль, начертанную уже прежде ея наставникомъ. Права ея на регентство, во время несовершеннолѣтія дѣтей, были сомнительны. Поэтому, она находилась въ такихъ же обстоятельствахъ, какъ монархъ Макіавеля, а затрудненія ею встрѣченныя, увеличились отъ того, что она была иностранка. Чтобъ побѣдить все, нужны были превосходныя личныя качества, а таковыми она обладала безспорно.

Екатерина Медичи имѣла болѣе ума и талантовъ, нежели какая бы то ни была изъ женщинъ, прославляемыхъ исторіею. Почитатель ея, историкъ Давила, описывая ея смерть, говоритъ о ней слѣдующее:

«Превосходныя качества этой женщины, обращавшія на себя, втеченіе тридцати лѣтъ, вниманіе всей Европы, болѣе выражены въ ея исторіи, нежели въ тѣхъ немногихъ словахъ, которыя я о ней могу сказать. Въ ея умѣ не изсякали средства для поправленія непредвидѣнныхъ случаевъ и для уничтоженія людской злобы. Эти качества помогли ей бороться, во время малолѣтства своихъ сыновей, съ бременемъ междоусобныхъ войнъ и въ то же время, съ религіознымъ фанатисмомъ, съ упорствомъ подданныхъ, съ истощеніемъ государственнаго казначейства, съ притворствомъ аристократіи и ихъ огромными честолюбивыми предпріятіями. Ея постоянство, высокій умъ, съ которымъ она, чужестранка — взяла бразды правленія, вопреки желанія аристократической партіи, и кото-

рымъ она удерживала ихъ отъ всѣхъ интригъ ея враговъ и противъ ударовъ судьбы, все это болѣе похоже на дѣянія великаго мужа, получившаго образованіе среди большихъ государственныхъ дѣлъ, нежели на дѣла женщины, привыкшей къ нѣгѣ двора и притѣсняемой мужемъ. Терпѣніе, искусство и умѣренность, съ которою она, невзирая на безпрестанно возбуждавшееся у ея сына подозрѣніе, умѣла удержаться на престолѣ, доставили ей такое могущество, что сынъ ея не смѣлъ ничего предпринимать безъ ея совѣта, даже въ такихъ случаяхъ, когда онъ мало довѣрялъ ей самой. Это служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ ея способностей и искусства. Притомъ, она умѣла поставить себя выше обыкновенныхъ женскихъ слабостей, и никогда не подчинялась мелочнымъ склонностямъ, обыкновенно совращающимъ съ пути. Она обладала свѣтлымъ умомъ, истинно королевскою прелестью въ обращеніи съ людьми, увлекательнымъ краснорѣчіемъ, была щедра и имѣла жестокую, неугасаемую ненависть противъ всѣхъ злыхъ людей. Она покровительствовала и возвышала своихъ приверженцевъ и при всемъ томъ, не была въ состояніи достигнуть того, чтобы французская гордость забыла ея италіянское происхожденіе. Всѣ безпокойные люди, никогда не переставали ее ненавидѣть, какъ помѣху своихъ намѣреній. Въ особенности, на нее клеветали гугеноты, будто побуждаемая неограниченною жаждою царствовать, она давала худые совѣты, которые однакоже все-таки спасли Францію отъ величайшихъ несчастій. При всѣхъ этихъ добродѣтеляхъ, она имѣла и недостатки, неизбѣжные въ человѣческой природѣ. Утверждали, будто ей ни въ чемъ нельзя было вѣрить: дѣло совершенно обыкновенное во

всѣ времена, а въ особенности въ наше. Правда, — она жаждала крови, или не ставила ни во что человѣческую кровь, болѣе нежели можно было ожидать отъ женщины; изъ многихъ случаевъ видно ясно, что для достиженія цѣли она почитала хорошими всѣ средства, даже самыя несправедливыя и коварныя. При справедливой оцѣнкѣ, всѣ эти пороки, вызванные крайностью обстоятельствъ, извиняются ея возвышенными качествами.»

Разсматривая ближе дѣянія этой королевы, этого идеала италіянской политики, изображенной Давилемъ такими же чертами, какими Макіавель нарисовалъ своего «монарха», вникая въ ея исторію, разсказываемую самимъ панегиристомъ, рождается вопросъ: какой результатъ имѣли эти столь восхваляемыя качества? Эта коварная женщина умѣла своею скрытностью и искусственною хитростью, разъигрываемыми ею въ совершенствѣ, держать, нѣкоторое время, въ равновѣсіи всѣ партіи, а себя выше ихъ всѣхъ. Но скоро всѣ партіи удостовѣрились, что ихъ обманываютъ; и все-таки каждая партія должна была ей подчиняться, когда ей это нравилось, сперва,—потому что она имѣла сначала законную силу, какъ регентша, а потомъ потому, что она имѣла самое большое вліяніе на государственныя дѣла, какъ мать, которую сынъ ея одинаково любилъ и боялся. Но тайное отвращеніе и недовѣріе, съ которымъ всегда были сопряжены эти уступки, уничтожали всѣ серьёзные переговоры и потому сдѣлалось невозможнымъ, при ея жизни, потушить внутренніе раздоры, причинившіе Франціи такъ много зла, что нельзя не спросить, отъ какихъ несчастій Екатерина спасла Францію? Междоусобныя войны, терзавшія Францію втеченіи сорока лѣтъ, кончились тогда лишь, когда законный наслѣдникъ пре-

стола перешелъ въ ту религію, къ которой фанатически принадлежала большая часть народа. Генриху IV-му было давно предсказано, что безъ этого шага онъ никогда не достигнетъ французскаго престола. Онъ самъ зналъ это, и долго объ этомъ размышлялъ, не смѣя отважиться на него изъ боязни потерять преданную ему партію, не пріобрѣвъ расположенія другой. Екатерина уже начала вести съ нимъ о томъ переговоры, и въ случаѣ ихъ успѣха, то что произошло впослѣдствіи для блага французской націи, случилось бы раньше. Что же, спрашивается, помѣшало этой мудрѣйшей женщинѣ своего времени? Бездѣлица,—тотъ природный порокъ, который Давила почиталъ ничтожнымъ. Ей ни въ чемъ нельзя было вѣрить! Послѣ безчисленной лжи и обмановъ, честнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, Генрихъ IV-й, не могъ вѣрить ея чистосердечію! Такая политика годится только тамъ, гдѣ нужно возжечь войну. Когда же нужно тушить огонь раздутый коварствомъ, то самъ поджигатель увидитъ, наконецъ, къ своему собственному ужасу, что весь его искусственный механизмъ не въ состояніи уже остановить распространившагося пожара. Одно слово честнаго человѣка, составляетъ болѣе прочное ручательство, нежели всѣ искусственныя хитрости. Уваженіе и довѣренность людей болѣе сильныя средства для совершенія великихъ дѣлъ, чѣмъ обширный умъ, употребляемый во зло. Съ полученіемъ возможности, всѣ обманутые будутъ съ непримиримымъ ожесточеніемъ мстить за претерпѣнное униженіе.

Давно прежде Макіавеля и Давила, Филиппъ македонскій - младшій, представляетъ примѣръ, какія послѣдствія имѣютъ обманъ и хитрость. Онъ старался сдѣлаться главою грековъ съ тѣмъ, чтобъ имѣть возможность воспро-

тивиться римлянамъ, подобно тому, какъ Цесарь Боржіа старался тѣми же средствами получить первенство въ Италіи, съ цѣлью изгнать изъ нея иностранцевъ. Какія были слѣдствія его предпріятія? Филиппъ возбудилъ противъ себя такое недовѣріе греческихъ государствъ и навлекъ на себя такое множество явныхъ и тайныхъ враговъ, что ему сдѣлалось невозможнымъ соединиться съ народомъ и онъ палъ въ этой борьбѣ даже безъ сожалѣнія своего собственнаго народа.

Подобно этому, въ 1806 году, упало государство, хотѣвшее вдругъ возвыситься такими же средствами, не обладая однако притомъ умомъ Филиппа.

Люди часто удивляются одному уму, не принимая вовсе въ разсчетъ душевныхъ качествъ, дающихъ уму настоящую оцѣнку. Наружные результаты дѣйствія ума, часто увлекаютъ людей, приводя ихъ къ ошибочному заключенію, будто на свѣтѣ нуженъ только одинъ умъ: мало того, они ошибаются даже въ натурѣ самаго ума. Правильное сужденіе, пропускающее въ запутанныхъ обстоятельствахъ мелочи, имѣя въ виду только одинъ главный пунктъ, въ которомъ сосредоточиваются всѣ части, кажется для нихъ слишкомъ простымъ: они предпочитаютъ сплетеніе мелочныхъ утонченностей и хитрыхъ крючковъ, съ временными увертками и выходами, затемняющими дѣло. Имъ болѣе нравится двуязычіе, фальшивость и хитрость, о примѣненіи коихъ самъ Макіавель даетъ лекціи, рождающія однако же сомнѣніе въ возможности ихъ примѣненія на дѣлѣ. По ихъ мнѣнію, эти пороки суть только доказательства ума и талантовъ и должны замѣнять ихъ. Кто не хочетъ взять на себя роль льва, или кому эта роль не идетъ, думаетъ, что достаточно, если онъ съумѣетъ лгать,

обманывать и не держать своего слова. Когда, въ разныя времена, встрѣчались люди ничтожные, до высочайшей степени безстыдные и наглые, то въ нихъ полагали найти макіавелевскаго монарха. Но для его монарха необходимо сколько мужества и рѣшительности характера, столько же и ловкости, и хитрости. Только при такомъ соединеніи разныхъ качествъ, человѣчество терпитъ безчестность. Производимый ужасъ обращается въ какое-то страшное удивленіе, которое превращается въ презрѣніе, уменьшающееся по мѣрѣ того, благопріятствуетъ ли ему счастіе, или нѣтъ. Все это испыталъ Наполеонъ, сказавъ, во время бѣгства своего изъ Россіи: Du sublime au ridicule, il n'y a qu'un pas.

ГЛАВА XIX.

Слѣдуетъ избѣгать сколько ненависти, столько же и презрѣнія.

Объяснивъ въ подробности главныя качества, необходимыя монарху, скажу, въ видѣ общаго правила, что онъ долженъ тщательно избѣгать всего, что можетъ навлечь на него ненависть или презрѣніе.

По моему мнѣнію, ничѣмъ нельзя навлечь на себя болѣе ненависти, какъ неуваженіемъ права собственности и чести женъ и дочерей своихъ подданныхъ. До тѣхъ поръ, пока у людей не коснутся до имущества или до чести, они остаются спокойными, и приходится только подавлять честолюбіе немногихъ лицъ, съ которыми легко справиться.

Монархъ рождаетъ къ себѣ презрѣніе, когда его считаютъ пустымъ, легкомысленнымъ, слабымъ, малодушнымъ и нерѣшительнымъ. Этихъ недостатковъ монархъ долженъ избѣгать какъ подводныхъ камней, обнаруживая, напротивъ, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, величіе, смѣлость, твердость и силу. Его рѣшенія должны быть неизмѣнны, для того чтобъ никто не смѣлъ надѣяться обмануть его или заставить перемѣнить мнѣніе. Чрезъ это, онъ пріобрѣтетъ уваженіе подданныхъ и отвратитъ всѣ заговоры.

Монарху могутъ угрожать только слѣдующія опасности: внутри государства—отъ собственныхъ подданныхъ; внѣ государства,—отъ иностранныхъ державъ. Противъ послѣднихъ, служитъ обороной хорошая армія, а у имѣющаго таковую, не будетъ недостатка въ друзьяхъ. Внутри государства, все будетъ спокойно до тѣхъ поръ, пока оно обезпечено извнѣ, исключая развѣ какого нибудь возстанія. Если нападеніе будетъ извнѣ, то устроивъ все, какъ выше объяснено, монарху будетъ легко отбить всѣ нападенія, подобно Набису, тирану спартанскому. Что касается до подданныхъ, то, когда нѣтъ внѣшнихъ враговъ, то могутъ существовать только секретные заговоры, а противъ нихъ монархъ лучше всего обезпечитъ себя, когда не навлечетъ на себя ненависти и презрѣнія, и когда народъ будетъ доволенъ. Гдѣ паденіе государя или его смерть были бы непріятны народу, тамъ, обыкновенно, не бываетъ заговоровъ: въ такихъ случаяхъ никто не захочетъ подвергать себя опасностямъ, сопряженнымъ съ такимъ предпріятіемъ.

Исторія описываетъ много заговоровъ, но мало удачныхъ. Заговора нельзя дѣлать одному, а составляющій таковой, долженъ отъискивать недовольныхъ. Но открывъ симъ послѣднимъ свои намѣренія, главный заговорщикъ даетъ имъ средство, доносомъ о заговорѣ, достигнуть собственныхъ желаній и уничтожить зачинщика. Если лице посвящаемое въ заговоръ, видитъ съ одной стороны вѣрный выигрышъ, а съ другой, невѣрность и опасность, то необходима необычайная преданность къ товарищамъ и закоренѣлая вражда противъ государя, для того чтобъ остаться вѣрнымъ заговору. Однимъ словомъ, на сторонѣ заговорщиковъ нѣтъ ничего, кромѣ страха, зависти и подозрѣнія, парализирующихъ дѣло; на сторонѣ же государя находится его значеніе, законы, защита друзей и армія; а если къ этому присоединится любовь народа, то надобно быть сумасбродомъ, чтобъ думать о заговорѣ. Обыкновенно, заговорщики находятся въ страхѣ, какъ прежде заговора, такъ и послѣ его исполненія. Даже при совершенной удачѣ, они должны опасаться народа, ибо если онъ будетъ противъ нихъ, то они не будутъ имѣть убѣжища. Въ подтвержденіе всего вышеизложеннаго, можно привести много примѣровъ изъ исторіи; но я считаю достаточнымъ одного, свидѣтелемъ котораго были наши предки. Аннибалъ Бентивогліо, герцогъ болонскій, дѣдъ нынѣ живущаго Аннибала, былъ умерщвленъ, во время заговора, партіею Канки. Онъ оставилъ послѣ себя только одного сына, Ивана Бентивогліо и того въ пелёнкахъ. Тотчасъ послѣ совершеннаго убійства, народъ взбунтовался и истребилъ партію заговорщиковъ. Жители Болоньи такъ любили фамилію Бентивогліо, что по неимѣнію, послѣ смерти Аннибала другаго лица въ этой фамиліи, для управленія государствомъ, они отправились во Флоренцію, гдѣ жилъ незаконный сынъ умершаго, подъ названіемъ сына тамошняго кузнеца, и ввѣрили ему управленіе краемъ, что тотъ и исполнялъ до совершеннолѣтія Ивана Бентивогліо *).

*) Онъ колебался принять это предложеніе. Но когда ему объявили, что если онъ дѣйствительно принадлежитъ къ фамиліи Бентивогліо, то не можетъ отвергнуть дѣлаемаго ему предложенія и въ такомъ случаѣ, народъ Болоньи не оставитъ его, — онъ рѣшился на этотъ шагъ и, оправдавъ дѣлами этотъ выборъ, доказалъ, что достоинъ принадлежать къ этой фамиліи. Вотъ какъ много значитъ одно происхожденіе, составляющее иногда единственное достоинство!

Слѣдовательно, если народъ преданъ государю, то ему нечего бояться заговоровъ; когда же его ненавидятъ, то онъ долженъ опасаться всѣхъ и каждаго. Поэтому, мудрые государи всегда заботились, чтобъ преимущественно былъ доволенъ народъ, не возстановляя однакоже, въ то же время, противъ себя значительныхъ лицъ.

Къ числу благоустроенныхъ государствъ принадлежитъ Франція, въ которой существуютъ многія учрежденія, обезпечивающія спокойствіе и свободу короля. Между ними первое мѣсто занимаетъ парламентъ. Основатель этого учрежденія хорошо зналъ честолюбіе и дерзость вельможъ и считалъ необходимымъ—держать ихъ въ повиновеніи. Съ другой стороны, онъ зналъ, какую ненависть народъ питаетъ отъ страха къ вельможамъ. Такъ-какъ король никогда не можетъ покровительствовать народу, не вооружая противъ себя вельможъ, то онъ учредилъ судью, который удерживаетъ въ своихъ границахъ вельможъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, защищаетъ народъ. Невозможно было выдумать учрежденія, вѣрнѣе обезпечивающаго безопасность какъ государства, такъ и короля. Изъ изложеннаго выше, можно извлечь слѣдующее правило: государь долженъ удержать за собою право раздачи мѣстъ и наградъ, предоставивъ разнымъ управленіямъ наказанія и вообще все, что можетъ возбуждать неудовольствіе. Повторяю, государь долженъ отличать вельможъ, не возбуждая однако же противъ себя народа. Можетъ быть, въ опроверженіе моего совѣта, мнѣ укажутъ на многихъ римскихъ императоровъ, свергнутыхъ съ престола, невзирая на то, что они хорошо управляли государствомъ и обнаружили при томъ особенное искусство и мужество. Чтобъ отвѣчать на это замѣчаніе, необходимо разсмотрѣть въ подробности,

характеръ нѣкоторыхъ императоровъ и причину ихъ паденія, и это не будетъ противорѣчить тому, что я сказалъ выше. При этомъ, напомню нѣкоторыя обстоятельства, въ особенности замѣчательныя. Достаточно разсмотрѣть исторію императоровъ, начиная съ Марка Антонія до Максимина, а именно: самого Марка, его сына Коммода, Пертинакса, Юліана, Сѣвера, сына его Антонина Каракаллы, Макрина, Геліогобала, Александра и Максимина. Этотъ разборъ послужитъ къ разъясненію причинъ ихъ паденія и подтвердитъ сказанное мною выше о поведеніи государей.

Прежде всего надобно замѣтить, что римскимъ императорамъ приходилось не только удерживать честолюбіе вельможъ и своеволіе народа, но нужно было еще бороться съ жадностью и дикостью солдатъ, бывшихъ главною причиною паденія нѣсколькихъ императоровъ. Очень трудно удовлетворять жадность солдатъ, не отягощая народа: народъ желаетъ мира и, слѣдовательно, любитъ государей миролюбивыхъ; солдаты же, напротивъ, любятъ государей воинственныхъ, своевольныхъ, жестокихъ и жадныхъ. Солдатамъ были нужны государи съ такими качествами для того, чтобъ получать огромное жалованье для удовлетворенія своихъ дикихъ страстей. Это было причиною, что почти всѣ государи, не имѣвшіе отъ природы такихъ качествъ, и не умѣвшіе внушать къ себѣ уваженія, не имѣя притомъ возможности удержать въ повиновеніи какъ народъ, такъ и легіоны, погибли несчастливымъ образомъ. Большая часть императоровъ, возвысившихся изъ простаго званія, видя невозможность согласить такія противоположныя требованія, думали только о томъ, какъ удовлетворять солдатъ, мало заботясь объ участи угнетеннаго народа. Эта мѣра была самая лучшая: ибо если

государи не могутъ избѣгнуть ненависти одной или другой части, то должны стараться не возбуждать ненависти обѣихъ партій, въ одно время. Если уже совершенно невозможно избѣгнуть ненависти одной стороны, то пусть уже ненавидитъ слабѣйшая. Вотъ почему государи, возвысившіеся изъ простаго званія, чтобъ удержаться на престолѣ, предпочитали искать любовь войска, нежели расположеніе народа; но и это поддерживало ихъ только до тѣхъ поръ, пока они умѣли поддерживать это расположеніе. По этимъ причинамъ, императоры кроткіе, справедливые и человѣколюбивые, а именно: Маркъ, Пертинаксъ и Александръ, кончили свое поприще (исключая Марка) насильственною смертію. Только одинъ Маркъ пользовался, какъ при жизни, такъ и послѣ смерти, уваженіемъ, потому что вступилъ на престолъ по наслѣдству, не будучи обязанъ въ этомъ ни народу, ни войску. Притомъ же, онъ отличался многими добродѣтелями, умѣлъ, втеченіи всего времени царствованія, удержать въ своихъ границахъ обѣ стороны, не навлекая на себя ни ненависти, ни презрѣнія. Пертинаксъ былъ избранъ на престолъ противъ желанія солдатъ, которые, будучи избалованы при Коммодѣ, нашли несноснымъ порядокъ вводимый между ними Пертинаксомъ, и возненавидили его. Къ этому, можетъ быть, присоединилось еще пренебреженіе къ его старости. Такимъ образомъ, онъ погибъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего возшествія на престолъ. Замѣчательно, что ненависть возбуждается одинаково, какъ хорошими, такъ и дурными дѣлами. По этому, если монархъ желаетъ удержаться на престолѣ, то иногда онъ и не смѣетъ даже быть добрымъ, потому что если масса народа или войска, или же вельможи, нужные для его поддержки, испорчены,

то онъ обязанъ дѣйствовать сообразно съ ихъ образомъ мыслей, а въ этихъ случаяхъ добродѣтель вредна.

Перейдемъ къ Александру. Онъ былъ такъ добродушенъ, что, по словамъ историковъ, втеченіи четырнадцатилѣтняго царствованія, не приказалъ казнить ни одного человѣка, исключая лишенныхъ жизни по приговорамъ судовъ. Невзирая на то, онъ навлекъ на себя презрѣніе за свою слабость и за то, что имъ управляла мать. Противъ него составился въ войскахъ заговоръ, отъ котораго онъ и лишился жизни.

Разсмотримъ теперь противоположные характеры, Коммода, Сѣвера, Антонина Каракаллы и Максимина. Они всѣ были жадны и жестоки. Для удовлетворенія войска, они безъ всякой жалости угнетали народъ. Невзирая на то, они, за исключеніемъ лишь одного, погибли насильственною смертію. Сѣверъ царствовалъ спокойно, потому что притѣсненіемъ народа сохранилъ любовь солдатъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обладалъ превосходными качествами, доставившими ему какъ преданность войскъ, такъ и уваженіе народа. Правленіе этого государя, достигшаго престола изъ частнаго званія, въ особенности замѣчательно, а потому считаемъ не лишнимъ, объяснить въ немногихъ словахъ, какъ онъ умѣлъ брать на себя, въ свое время, ролю льва и ролю лисицы. Зная трусость Юліана, онъ уговорилъ войска, коими командовалъ въ Иллиріи, идти на Римъ и отомстить смерть Пертинакса, умерщвленнаго преторіанскою гвардіею. Подъ этимъ предлогомъ, онъ выступилъ въ походъ, скрывая свое намѣреніе овладѣть престоломъ и прибылъ въ Италію прежде нежели тамъ узнали о его выступленіи. По прибытіи его въ Римъ, сенатъ избралъ его, изъ страха, тотчасъ же въ импера-

торы, а Юліанъ былъ умерщвленъ. За симъ, Сѣверу предстояли два затрудненія: въ Азіи провозгласилъ себя императоромъ Песценій Нигеръ, а на западѣ, къ тому же стремился Альбинъ. Сѣверъ, находя опаснымъ аттаковать обоихъ въ одно время, рѣшился идти противъ Нигера, и обмануть Альбина. Этому послѣднему онъ написалъ, что избранъ сенатомъ въ императоры, но желая раздѣлить съ нимъ это званіе, далъ ему титулъ цесаря и приказалъ сенату выбрать его. Альбинъ повѣрилъ. Но едва Сѣверъ успѣлъ побѣдить и умертвить Нигера и успокоитъ востокъ, какъ возвратившись въ Римъ, принесъ жалобу въ сенатъ на неблагодарность Альбина, покушавшагося будто бы на его жизнь, за что онъ и долженъ его наказать. Онъ перешелъ Альпы и въ Галліи лишилъ Альбина жизни. Разсматривая со вниманіемъ это событіе, нельзя не сознаться, что трудно соединить въ такой высокой степени силу льва и коварство лисицы. Сѣверъ умѣлъ внушить къ себѣ страхъ и уваженіе народа и преданность войска. Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ съумѣлъ удержаться на престолѣ, потому что высокими качествами обезоружилъ ненависть, возбужденную въ народѣ его нововведеніями. Его сынъ Антонинъ имѣлъ такія же качества, былъ уважаемъ народомъ и сдѣлался идоломъ войска въ особенности за то, что имѣлъ воинственный характеръ и былъ непримиримымъ врагомъ нѣги и изысканныхъ яствъ. Но онъ былъ такъ дикъ и такъ жестокъ, что умертвилъ большую часть жителей Рима и Александріи. Это возбудило противъ него общую ненависть и вслѣдствіе того онъ былъ умерщвленъ однимъ центуріемъ.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что монарху трудно обезпечить себя противъ убійства. Жизнь его зависитъ

отъ каждаго, кто не боится смерти. Но какъ случаи цареубійства очень рѣдки, то государямъ нечего объ этомъ много безпокоиться. Впрочемъ, они должны, все-таки, избѣгать дѣлать глубокія оскорбленія лицамъ ихъ окружающимъ. Эту ошибку сдѣлалъ Антонинъ, удержавъ въ числѣ своихъ тѣлохранителей одного центурія, котораго брата онъ умертвилъ, а ему самому безпрестанно дѣлалъ угрозы. Такое неблагоразуміе не могло кончиться хорошо, и въ самомъ дѣлѣ, оно стоило ему жизни. Переходимъ къ Коммоду. Чтобъ удовлетворить, въ одно время, народъ и войска, и удержаться на престолѣ, ему было бы достаточно идти по слѣдамъ своего отца, Марка, которому онъ наслѣдовалъ. Но будучи жестокъ и жаденъ, онъ самъ былъ причиною, что существовавшая до его времени въ войскахъ дисциплина упала до такой степени, что обратилась въ самое необузданное своеволіе. Притомъ же, онъ такъ худо поддерживалъ свое достоинство, что не стыдился играть на публичной сценѣ и бороться съ гладіаторами, чрезъ что потерялъ въ войскахъ всякое уваженіе. Навлекши на себя низостью, жадностью и жестокостью, ненависть и презрѣніе, онъ погибъ отъ составленнаго противъ него заговора.

Остается говорить о Максиминѣ. Умертвивъ Александра, опротивѣвшаго легіонамъ изнѣженностью и слабостью, они избрали, вмѣсто его, воинственнаго Максимина. Но и онъ скоро потерялъ вмѣстѣ съ престоломъ жизнь. Два обстоятельства навлекли на него ненависть и презрѣніе: первое — его низкое происхожденіе: было извѣстно, что во Ѳракіи онъ былъ пастухомъ; второе — что, по избраніи, не пошелъ въ Римъ для овладѣнія престоломъ. Наконецъ, жестокости, дѣлавшіяся его намѣстниками какъ

въ Римѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, сдѣлали его такъ ненавистнымъ, что противъ него возсталъ сенатъ, народъ и вся Италія. Къ этому присоединилась его собственная армія, которая, наскучивъ его жестокостью и продолжительностью осады Аквилеи, лишила его жизни, не боясь за то преслѣдованія, по общей къ нему ненависти.

Не буду говорить о Геліогобалѣ, ни о Макринѣ, ни о Юліанѣ, погибшихъ подобно самымъ низкимъ тварямъ.

Въ заключеніе скажу, что монархи нынѣшняго времени не имѣютъ надобности заботиться такъ много о войскахъ, потому что будучи хорошо содержаны, солдаты не составляютъ, какъ въ Римѣ, особаго сословія и особой силы въ государствѣ. Въ Римѣ преимущественно надобно было думать о томъ, чтобъ солдаты были довольны; въ нынѣшнихъ же государствахъ, надобно только стараться, чтобъ народъ былъ доволенъ, такъ какъ онъ составляетъ главную силу въ государствѣ. Изъ этого составляютъ исключеніе только Турція и Египетъ. Извѣстно, что турецкій султанъ находится въ необходимости содержать постоянно двѣнадцать тысячъ пѣхоты и пятнадцать тысячъ кавалеріи, отъ которыхъ зависитъ сила и безопасность государства, а потому онъ долженъ стараться пріобрѣсть ихъ преданность. Въ такомъ же положеніи находится египетскій паша, зависящій совершенно отъ войскъ, которыхъ преданность онъ долженъ сохранить во что бы то ни стало. Надобно замѣтить, что египетскій паша не похожъ на другихъ свѣтскихъ государей, а имѣетъ болѣе сходства съ папою, котораго нельзя считать ни наслѣдственнымъ, ни новымъ государемъ, потому что послѣ его смерти на престолъ восходитъ не его наслѣдникъ или потомокъ, а тотъ, кто будетъ избранъ лицами, имѣющими право его

избрать; но, съ другой стороны, этотъ обычай такъ старъ, что избраннаго государя нельзя почитать новымъ. По той же причинѣ и въ Египтѣ, избранный султанъ имѣетъ очень мало труда, заставить признать свое право на престолъ законнымъ.

Возвращаясь къ моему предмету, повторяю, что если ближе вникнуть во всѣ обстоятельства, то найдемъ, что тѣ римскіе императоры, на несчастную судьбу которыхъ мнѣ можно было бы указать, погибли только отъ того, что навлекли на себя ненависть и презрѣніе. Вотъ причина, почему судьба нѣкоторыхъ изъ нихъ была такъ не похожа на конецъ даже тѣхъ самыхъ лицъ, которыхъ они брали себѣ за образецъ. Такъ Пертинаксъ и Александръ, овладѣвшіе сами престоломъ, погибли отъ того, что хотѣли идти по слѣдамъ Марка-Аврелія, сдѣлавшагося государемъ по праву наслѣдства, и не обязаннаго въ этомъ ни легіонамъ, ни войскамъ. Каракалла, Коммодъ и Максиминъ, погибли отъ того, что хотѣли идти по слѣдамъ императора Сѣвера, не имѣя однакоже его добродѣтелей. Новый государь долженъ вести себя иначе, нежели Маркъ-Аврелій и Сѣверъ: у ~~послѣдняго~~ первого можно учиться только, какъ захватить престолъ, а у послѣдняго—какъ на немъ удержаться.

Замѣчанія Реберга.

Исторія республики, равно какъ біографія лицъ, достигнувшихъ верховной власти, представляетъ много случаевъ, на основаніи коихъ Макіавель въ особенности совѣтуетъ новымъ государямъ,—избѣгать вліянія окружающихъ ихъ лицъ и женщинъ. Природному государю не трудно находить у женщинъ взаимность чувствъ, потому что онѣ

льнутъ къ нимъ сами. Въ глазахъ женщинъ, всякій государь красивъ, уменъ и любезенъ. Поэтому, государю рѣдко приходится, въ своихъ любовныхъ дѣлахъ, выходить изъ границъ приличія. Въ воспитаніи государей такъ много обращается вниманія на приличіе, что хотя государь можетъ иногда сдѣлать нѣкоторое отступленіе, но никогда не будетъ совершенно пренебрегать приличіемъ. Напротивъ, частный человѣкъ, достигшій независимости отъ законовъ, связывающихъ другихъ, и не заботящійся объ общественномъ мнѣніи, предается разврату и сладострастію не только отъ чувственности и тщеславія, но часто по одному своеволію. Многіе новые государи находили удовольствіе оскорблять въ этомъ отношеніи своихъ подданныхъ. Поэтому, они теряли жизнь болѣе отъ мести, нежели отъ республиканскаго духа.

Новый государь болѣе занятъ увеличеніемъ своей власти, а это заставляетъ его удерживаться. Но сыновья его и братья, возвысившіеся не собственными трудами, въ упоеніи своего новаго величія, часто теряютъ здравый разсудокъ. Это подтверждается безчисленными примѣрами исторіи римскихъ императоровъ и новой Италіи, которые Макіавель вѣроятно имѣлъ въ виду.

Хотя престарѣлый Пандольфо Петруччи сіенскій, для достиженія своихъ цѣлей, прибѣгалъ къ убійствамъ, заставлялъ богатыхъ наслѣдницъ вступать въ бракъ со своими приверженцами, и поступалъ съ гражданами вообще произвольно, но при всемъ томъ удержался на престолѣ до самой смерти. Напротивъ, сынъ его, Боргезъ Петруччи, пожавшій въ юности плоды отцовскихъ трудовъ, не съумѣлъ ими пользоваться. Онъ грабилъ, то одного, то другаго; соблазнялъ и насиловалъ женъ и дочерей и отъ того былъ

изгнанъ. Не лучше его поступилъ въ самой Флоренціи Александръ Медичи, сдѣлавшійся его послѣ смерти Макіавеля герцогомъ, не собственными талантами и трудами, но по протекціи. Исторія XVI-го столѣтія представляетъ еще больше примѣровъ, до какого безразсудства доходитъ своеволіе временщиковъ, въ неистовомъ развратѣ сладострастія. Поступокъ Піера Луичи Фарнезе съ архіепископомъ Болоньи, когда этотъ послѣдній принесъ ему поздравленіе о возшествіи на престолъ, доходитъ почти до невѣроятія.

ГЛАВА XX.

—

Полезны ли крѣпости и другія мѣры, почитаемыя нѣкоторыми государями необходимыми.

Нѣкоторые государи отнимали у своихъ подданныхъ оружіе для того чтобъ удержать ихъ въ повиновеніи; другіе поддерживали въ подвластныхъ имъ провинціяхъ партіи; нѣкоторые нарочно дѣлали себѣ враговъ; другіе старались привлечь на свою сторону всѣхъ тѣхъ, которые въ началѣ ихъ царствованія казались имъ подозрительными. Хотя невозможно составить общаго правила, какъ слѣдуетъ поступать въ такихъ случаяхъ, такъ-какъ это зависитъ отъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится государство, но я скажу объ этомъ предметѣ то, что позволяетъ существо дѣла.

Новый государь никогда не долженъ обезоруживать своихъ подданныхъ; напротивъ, если онъ нашелъ ихъ безъ оружія, то долженъ дать имъ таковое, потому что это имѣетъ всегда хорошія послѣдствія: данное оружіе обращается въ его пользу; сомнительные дѣлаются преданными, вѣрные получаютъ возможность обороняться и всѣ подданные дѣлаются его приверженцами.

Конечно, невозможно вооружить всѣхъ вообще подданныхъ; но государю умѣющему привязать къ себѣ разными наградами тѣхъ, которымъ онъ дастъ оружіе, нечего бояться остальныхъ и онъ можетъ поступать съ ними какъ хочетъ. Первые благодарны ему за полученное ими преимущество; послѣдніе извиняютъ это, видя необходимость награждать болѣе тѣхъ, которые подвергаются бо̀льшей опасности. Напротивъ, тотъ, кто начнетъ съ отнятія у всѣхъ оружія, оскорбляетъ всю націю, обнаруживая недовѣріе къ ихъ мужеству и вѣрности, а то и другое—возбуждаетъ ненависть. Къ этому нужно прибавить, что эта мѣра приводитъ къ необходимости,—содержать наемныя войска, о неблагонадежности коихъ мы уже говорили выше. Притомъ же, еслибъ наемныя войска и не имѣли такихъ недостатковъ, то невозможно имѣть ихъ въ такомъ числѣ, чтобъ защищаться отъ сильнаго непріятеля и отъ сомнительныхъ подданныхъ.

Поэтому, новые государи формировали всегда во вновь пріобрѣтенныхъ земляхъ, собственныя войска. Исторія наполнена подобными примѣрами. Но если государь пріобрѣтаетъ такой край, который необходимо присоединить къ наслѣдственному его государству, въ видѣ новой части, то слѣдуетъ обезоружить жителей, исключая только тѣхъ лицъ, которыя во время завоеванія обнаружили преданность государю. Впрочемъ, очень полезно, впослѣдствіи, при удобномъ случаѣ, пріучить жителей вновь завоеванной провинціи къ нѣгѣ, а армію комплектовать изъ старой провинціи.

Наши предки, особенно считавшіеся мудрыми, говорили: Пистоею нужно управлять посредствомъ внутреннихъ раздоровъ, а Пизою—посредствомъ крѣпостей. Въ этихъ

видахъ они поддерживали въ Пистоѣ внутренніе раздоры. Такое правило могло быть хорошо въ то время, когда въ Италіи существовало нѣкоторое равновѣсіе, но теперь этотъ совѣтъ кажется неумѣстнымъ. По моему мнѣнію, напротивъ, внутреннія несогласія никогда не могутъ приносить хорошихъ плодовъ, потому что города, въ которыхъ существуютъ партіи, съ приближеніемъ, во время войны, непріятеля, подвергаются опасности быть отторгнутыми, потому что непріятель привлечетъ къ себѣ слабѣйшую партію, а послѣ того и сильнѣйшая не будетъ въ состояніи держаться. Слѣдуя вышеупомянутой политикѣ, венеціяне покровительствовали въ подвластныхъ имъ городахъ, попеременно, гвельфовъ и гибеллиновъ. Не допуская этихъ распрей до кровопролитія, они только поддерживали ихъ непріязнь, отвлекавшую обѣ партіи отъ возстанія. Но эта политика не принесла республикѣ ожидаемыхъ плодовъ: послѣ разбитія ея арміи при Вайлѣ, одна изъ партій захватила верховную власть.

Такой способъ править государствомъ, обнаруживаетъ всегда слабость государя. Могущественный же не допуститъ подобныхъ распрей, могущихъ, въ мирное время, отвлекать подданныхъ отъ возстанія, но за то, во время войны, обнаруживаетъ слабость.

Слава государя увеличивается по мѣрѣ преодолѣнія имъ трудностей и препятствій. Когда судьба захочетъ увеличить славу новаго государя, имѣющаго въ этомъ болѣе надобности нежели наслѣдственный государь, то она возбуждаетъ противъ него непріятелей, съ тѣмъ, чтобъ онъ испытывалъ затрудненія, въ борьбѣ съ коими развиваются его способности, увеличивается мужество и усиливается его могущество. По этому, многіе думаютъ, что мудрый

государь долженъ дѣлать себѣ, при удобномъ случаѣ, нарочно враговъ, для того чтобъ побѣда надъ ними увеличивала его могущество. Государи, особенно новые, болѣе находили преданности, и болѣе извлекали пользы отъ тѣхъ лицъ, которые сначала были сомнительны, нежели отъ тѣхъ, которые тотчасъ же, въ началѣ, брали ихъ сторону. Пандольфо Петруччи, герцогъ сіенскій, управлялъ государствомъ болѣе при содѣйствіи первыхъ, нежели послѣднихъ. Впрочемъ, трудно составить на это опредѣлительныя правила, потому что это зависитъ совершенно отъ обстоятельствъ, безпрестанно измѣняющихся. Замѣчу только слѣдующее: если лица, обнаруживавшія государю, въ началѣ его царствованія, вражду, будутъ нуждаться въ его опорѣ, то ихъ можно будетъ привлечь на свою сторону и они будутъ стараться своею преданностью изгладить нехорошее о нихъ мнѣніе отъ прежняго поведенія. Напротивъ, лица недѣйствовавшія противъ него, почитая себя совершенно обезпеченными, будутъ служить ему съ безпечностью, всегда свойственною увѣренности.

Замѣчу, что государи достигшіе престола по расположенію къ нимъ жителей, должны вникать внимательно въ причины этого расположенія. Если оно происходитъ болѣе отъ ненависти къ прежнему правительству нежели отъ любви къ нимъ, то имъ будетъ очень трудно ее сохранить по затруднительности угодить имъ.

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно обратиться къ древней и новой исторіи, показывающей, что легче склонить на свою сторону лицъ довольныхъ прежнимъ правительствомъ и потому враждебныхъ новому государю, нежели недовольныхъ и только по этой причинѣ ему способствовавшихъ.

Иногда, государи строютъ крѣпости для удержанія въ повиновеніи внутреннихъ враговъ и чтобъ найти въ нихъ убѣжище, въ началѣ возстанія. Нельзя не оправдывать такой мѣры; къ ней прибѣгали въ самой отдаленной древности. Но при всемъ томъ, въ наше время, Николай Вителли приказалъ, напротивъ, срыть два укрѣпленія въ Ците ди Кастелло, для того, чтобъ получить возможность удержать за собою эти мѣста. Гвидъ Убальдо, герцогъ Урбино, по вторичномъ овладѣніи своимъ герцогствомъ, изъ коего былъ изгнанъ Цесаремъ Боржіо, приказалъ срыть въ немъ всѣ крѣпости, для того чтобъ удобнѣе удержать его.

Точно также поступилъ Бентивогліо, по возвращеніи въ Болонью. Такимъ образомъ, крѣпости, смотря по обстоятельствамъ, полезны или вредны; помогая съ одной стороны, онѣ вредятъ съ другой. Монархъ, опасающійся болѣе своихъ подданныхъ нежели чужеземцевъ, долженъ строить крѣпости; тотъ же, кто видитъ болѣе опасности отъ иностранцевъ нежели отъ своихъ подданныхъ, не долженъ ихъ строить. Миланская цитадель, построенная Сфорцо, нанесла этому дому болѣе вреда, нежели всѣ безпорядки, подъ гнетомъ коихъ находились жители этого герцогства.

Лучшая крѣпость — любовь подданныхъ, ибо и крѣпости не помогутъ государю, ненавидимому подданными, такъ-какъ въ случаѣ возстанія всегда найдутся внѣшніе враги, готовые имъ помочь. Въ наше время, крѣпости не помогали ни одному государю, исключая развѣ графинѣ Форли *), которая послѣ смерти мужа, графа

*) Екатерина, дочь Франциска Сфорцо и сестра Людовика, получившаго прозваніе il moro. Мужемъ ея былъ Іеронимъ Ригріо, племянникъ папы Сикста IV-го.

Жироламо, заперлась въ крѣпости и тамъ ожидала помощи миланцевъ, а послѣ его прибытія опять овладѣла престоломъ. Притомъ же, и современныя обстоятельства не препятствовали иноземцамъ, дать помощь возмутившемуся народу. Но впослѣдствіи, когда на нее напалъ Цесарь Боржіа и ея подданные соединились съ нимъ, то и крѣпости не помогли. Во всякомъ случаѣ, народная любовь была ей полезнѣе крѣпостей. За всѣмъ тѣмъ, повторяю, крѣпости могутъ быть столько же вредны, сколько полезны; народная же ненависть никогда не можетъ быть полезна, а всегда вредна *).

---

*) Болѣе пространное разсужденіе объ этомъ предметѣ находится въ «Discorsi» (книга 2, глава XXIV).

ГЛАВА XXI.

—

Какъ долженъ вести себя государь для пріобрѣтенія бо́льшой славы.

Ничѣмъ нельзя пріобрѣсти такого уваженія, какъ обширными предпріятіями и блестящими подвигами. На царствующаго теперь испанскаго короля Фердинанда, короля аррагонскаго, можно смотрѣть какъ на новаго государя, потому что бывъ владѣтелемъ слабаго государства, онъ сдѣлался чрезъ блестящіе подвиги однимъ изъ самыхъ могущественныхъ государей христіанства. Всѣ его дѣла запечатлѣны величіемъ, а нѣкоторыя выходятъ даже изъ ряда обыкновеннаго.

Едва онъ успѣлъ взойти на престолъ, какъ обратилъ свое оружіе противъ Гренады и эта война была началомъ его могущества. Кастильскіе гранды, отвлеченные войной, не обращали вниманія на его нововведенія и не замѣтили, какъ армія, содержавшаяся на счетъ духовенства и народа, съ каждымъ днемъ увеличивала, на ихъ счетъ, могущество Фердинанда. Впослѣдствіи, чтобъ получить возможность привести въ исполненіе еще бо́льшія предпріятія, онъ, подъ предлогомъ религіи, обратился къ преслѣ-

дованію мавровъ и изгналъ ихъ изъ своего государства. Исторія не представляетъ болѣе ужаснаго событія!

Подъ тѣмъ же предлогомъ онъ напалъ на Африку, совершилъ походъ въ Италію, напалъ на Францію и, такимъ образомъ, будучи всегда занятъ самыми обширными предпріятіями, занималъ ими постоянно своихъ подданныхъ. Его дѣла проистекали одно отъ другаго, не давали его подданнымъ времени дѣйствовать противъ него самого, и разгоняли собиравшіяся противъ него тучи.

«Очень полезно, когда государь вводитъ, время отъ времени, во внутреннемъ управленіи необыкновенныя реформы, производящія на подданныхъ впечатлѣніе». Примѣромъ этому можетъ служить Бернабо миланскій. За всѣ необыкновенныя дѣла, государь долженъ награждать или наказывать, смотря потому, хороши ли онѣ или худы, занимая этимъ всѣ умы, запечатлѣвая всѣ свои дѣла величіемъ, и избѣгая всегда нерѣшительности и слабости. «Государь, не умѣющій быть ни рѣшительнымъ другомъ, ни рѣшительнымъ непріятелемъ, не можетъ пріобрѣсти преданности своихъ подданныхъ». Во время войны двухъ сосѣдей, онъ не долженъ оставаться нейтральнымъ, а обязанъ непремѣнно брать сторону одного изъ нихъ; иначе, къ радости побѣжденнаго, онъ сдѣлается самъ жертвою побѣдителя. Побѣдитель не можетъ желать имѣть сомнительныхъ друзей, готовыхъ покинуть его при первой неудачѣ, а побѣжденный не подаритъ сосѣду, остававшемуся равнодушнымъ зрителемъ его паденія.

Когда Антіохъ, по призыву этолійцевъ, прибылъ въ Грецію, для изгнанія оттуда римлянъ, то отправилъ пословъ къ ахейцамъ, друзьямъ римлянъ, прося ихъ остаться нейтральными. Римляне, напротивъ, требовали, чтобъ они

приняли ихъ сторону. Обстоятельство это было представлено на рѣшеніе совѣта ахейцевъ. Послѣ рѣчи посланнаго отъ Антіоха, римскій посланникъ сказалъ: «Вамъ совѣтуютъ остаться нейтральными, увѣряя, что это средство лучшее. Я, напротивъ, утверждаю, что это средство самое худое: ибо если вы не примете никакого участія въ войнѣ, то сдѣлаетесь жертвою побѣдителя, кто бы имъ ни былъ, не получивъ ни благодарности, ни чести.»

<Нейтралитета просятъ обыкновенно не друзья или союзники, а враги. Къ нему прибѣгаютъ обыкновенно государи нерѣшительные, боящіеся настоящей опасности и онъ-то бываетъ всегда причиною ихъ гибели>Когда же, напротивъ, государь приметъ рѣшительно одну какую нибудь сторону, то хотя бы въ случаѣ побѣды сей послѣдней, онъ остался отъ нея въ зависимости, но во всякомъ случаѣ, привяжетъ къ себѣ эту партію узами благодарности<люди не такъ безчестны, чтобъ за помощь союзника вмѣсто благодарности, тотчасъ же притѣсняли его. Притомъ же, побѣды никогда не бываютъ такъ рѣшительны, чтобъ побѣдитель могъ не обращать ни на что вниманія и быть несправедливымъ.>Если же та сторона, которой держался государь, упадетъ, то въ случаѣ поправленія ея дѣлъ, онъ имѣетъ пріятеля, который когда нибудь можетъ помочь ему самому возвыситься.

Когда два воюющія государства равносильны, и нѣтъ причины опасаться побѣдителя, то тѣмъ скорѣе государь долженъ принять одну какую нибудь сторону, потому что въ противномъ случаѣ, одно изъ нихъ можетъ упасть, чего умный наблюдатель не долженъ допускать. Если побѣда останется на той сторонѣ, которой помогалъ государь, то она будетъ въ его рукахъ, и нѣтъ сомнѣнія, чтобъ

при его помощи, эта сторона не осталась побѣдительницею. При этомъ, однако же, слѣдуетъ замѣтить, что<государь никогда не долженъ брать сильнѣйшую сторону, развѣ только въ крайности, потому что въ случаѣ ея побѣды онъ самъ попадется въ ея зависимость.>Такъ поступили, безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, венеціяне, соединившись съ Франціею противъ миланцевъ и отъ того погибли сами. Въ случаѣ совершенной необходимости, какъ это случилось съ флорентійцами, когда папа съ испанцами наводнилъ Ломбардію, не остается другаго средства, какъ покориться ей. Впрочемъ, ничего нельзя разсчитывать навѣрное;<часто случается, что избѣгая одной опасности, попадаютъ на другую—худшую. Мудрость людская заключается въ томъ, чтобъ умѣть изъ двухъ золъ выбрать лучшее.>

Государи должны уважать таланты и покровительствовать искусствамъ, а въ особенности торговлю и земледѣліе. Они должны внушить всѣмъ платящимъ подати, что они могутъ спокойно владѣть своимъ имуществомъ, не будутъ слишкомъ обременены податями и могутъ вводить въ своихъ имѣніяхъ разныя улучшенія, безъ опасенія потерять ихъ. Наконецъ, они не должны забывать,—давать для народа, въ извѣстное время года, празднества и зрѣлища, и лично осматривать фабрики и мануфактурныя заведенія, выказывая притомъ благосклонность и щедрость, избѣгая всего, что̀ могло бы уронить ихъ высокій санъ.

ГЛАВА XXII.

—

О министрахъ.

Одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ для государей, есть избраніе министровъ. <По выбору приближенныхъ особъ, можно судить о его собственномъ умѣ. Если онѣ соотвѣтствуютъ назначенію и притомъ вѣрны, то его почитаютъ мудрымъ за умѣнье ихъ найти и удержать. Въ противномъ случаѣ, нельзя сдѣлать о немъ выгоднаго заключенія, потому что онъ ошибается въ этой главной своей обязанности. Всякій, кто зналъ Антонія Венафро, не можетъ не отдать полной справедливости уму Пандольфа Петруччи, умѣвшему выбрать его въ свои министры.

Умы бываютъ трехъ родовъ: первый—видитъ все самъ; второй—понимаетъ то, что ему представляютъ другіе; третій—не только не видитъ ничего самъ, но и не понимаетъ даже того, что ему представляютъ другіе. Первый—превосходенъ; второй—посредственъ; третій—ничтоженъ. Пандольфо принадлежалъ къ первому и второму. Тотъ, кто умѣетъ различать, что полезно и что вредно, можетъ, не будучи геніемъ, оцѣнять дѣйствія своихъ министровъ, возвышать хорошихъ и наказывать худыхъ и,

убѣдившись, что его нельзя обмануть, министры будутъ служить ему вѣрно и усердно

Но какъ узнавать министровъ? Вотъ самое лучшее средство: если министръ болѣе занятъ собственными дѣлами, нежели общественными, то онъ не можетъ быть хорошимъ совѣтникомъ и ему нельзя довѣрять. Тотъ, кому ввѣрены государственныя дѣла, долженъ, забывая о себѣ, думать только о своемъ государѣ, не отвлекаясь никогда частными дѣлами. Съ другой стороны, на обязанности государя лежитъ привязать его, осыпая почестями и богатствомъ. Этимъ средствомъ онъ заставитъ его, не искать другихъ богатствъ и почестей, а главное, онъ будетъ стараться отвращать всѣ перемѣны, могущія быть пагубными для государя, ему покровительствующаго. Когда государь будетъ умѣть обращаться съ такими министрами, то они могутъ довѣрять другъ другу; въ противномъ случаѣ одинъ изъ нихъ долженъ кончить худо.

Замѣчанія Реберга.

Мы уже нѣсколько разъ вспоминали о Пандольфѣ Петруччи, сдѣлавшемся главою въ Сіенѣ, безъ присвоенія однакоже себѣ титула государя. Спокойному обладанію этимъ высокимъ мѣстомъ, онъ былъ обязанъ преимущественно Антоніо Джіордани де Венафро, который прежде былъ судьею и учителемъ въ Сіенѣ, а потомъ государственнымъ секретаремъ и посланникомъ у Пандольфа. Его совѣтамъ приписываютъ ту утонченную политику, жестокость и убійства, посредствомъ коихъ возвысился и держался Пандольфъ. Объ образѣ мыслей Джіордани, равно какъ о тогдашнемъ духѣ времени, можно судить изъ отвѣта, даннаго

имъ во время своего посольства, папѣ Александру IV. Этотъ послѣдній спросилъ у него: какъ онъ приступилъ къ управленію сіенцами? — «Ложью, святой отецъ», отвѣчалъ Джіордани. Старый Петруччи успѣлъ устроить дѣла такъ, что послѣ его смерти ему наслѣдовалъ сынъ его Боргезе Петруччи. (Мать сего послѣдняго была изъ дома Боргезе.) Но легкомысленный и развратный молодой человѣкъ, не имѣлъ столько здраваго смысла, чтобъ слѣдовать совѣтамъ Джіордани. Онъ имѣлъ любимца Похинтесту, позволявшему себѣ поступать съ гражданами самымъ возмутительнымъ образомъ. Антоніо совѣтовалъ ему казнить Похинтесту и тѣмъ пріобрѣсти народную любовь. Но вмѣсто наказанія, онъ самъ участвовалъ въ развратѣ своего любимца. Партія, желавшая удалить Боргезе Петруччи, усмотрѣвъ въ чемъ заключается его сила, начала съ того, что бросила подозрѣніе на Антоніо. Безсмысленный Боргезе дался въ обманъ, и уволилъ скучнаго ментора, совѣтуя ему, въ видѣ участія, удалиться отъ дѣлъ, для того чтобъ уступить общему противъ него негодованію.—«Хорошо, возразилъ министръ: я поѣду приготовлять для васъ квартиру.» Въ самомъ дѣлѣ, молодому государю пришлось скоро послѣдовать за нимъ. Петруччи былъ въ союзѣ съ флорентійскими республиканцами. Происшедшая во Флоренціи революція, возстановившая Медичи въ томъ же году, когда умеръ Пандольфо (1512), вовлекла въ эту катастрофу сіенцевъ и вслѣдствіе того, при содѣйствіи папы Льва X (Медичи), главою Сіены сдѣлался, на короткое время, вмѣсто изгнаннаго Боргезе, Рафаэль Петруччи, епископъ гроссетскій и кастелянъ крѣпости св. Ангела въ Римѣ, племянникъ и заклятой врагъ Боргезовъ Петруччи и приверженецъ Медичи. Антоніо Венафро успѣлъ

между тѣмъ уйти въ свой родной городъ, гдѣ спокойно кончилъ жизнь; Боргезе же сошелъ съ ума и скоро послѣ того скончался въ Неаполѣ.

Сіенскій герцогъ и его совѣтникъ заслужили свою участь и не стоило бы о нихъ вспоминать. Но здѣсь заслуживаетъ вниманія средство, употребленное для удаленія стараго совѣтника, съ тѣмъ чтобъ лишить государя единственной его опоры. Государь повѣрилъ, что другъ его навлекъ на себя общую ненависть и что удаленіе его доставитъ ему народную любовь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, упрочитъ его господство. Точно также поступили любимцы англійскаго короля Карла II-го, которымъ мѣшалъ неподкупный Кларендонъ. Сначала, шептали королю, что канцлера начинаютъ ненавидѣть за то, что онъ неуступчивъ и что его обхожденіе слишкомъ грубо. Скоро нашлось много лицъ вторившихъ этому за отказъ удовлетворять ихъ желанія. Такимъ образомъ, успѣли довести до государя, въ видѣ общественнаго мнѣнія, что если король захочетъ заслужить народную любовь, то долженъ удалить своего министра. Кларендонъ нашелся въ необходимости уступить и только безпристрастное потомство отдало его памяти запоздалую справедливость.

Многіе государи попадаются не только въ подобныя, но еще въ худшія сѣти: употребляли во зло лучшія качества, ссылаясь на общественное мнѣніе или на народную любовь, а для такихъ интригъ нѣтъ даже надобности имѣть хитрость Арлингтона или Букингэма.

ГЛАВА XXIII.

Слѣдуетъ избѣгать льстецовъ.

Не могу пропустить одного очень важнаго предмета; это слабости, которой государь, въ особенности, долженъ избѣгать и остерегаться, если они ограничены и не умѣютъ сдѣлать хорошаго выбора приближенныхъ лицъ. Это льстецы, коими наполненъ свѣтъ. Люди такъ самолюбивы и такъ много о себѣ думаютъ, что очень трудно избѣгнуть этой заразы. Съ другой стороны, избѣгая ее, можно навлечь на себя презрѣніе. Нѣтъ лучшаго средства противъ лести, какъ показывать, что можешъ не обижаясь слушать правду; но если позволить всѣмъ говорить правду, то теряется должное уваженіе къ величію государя. Поэтому, мудрый государь долженъ избрать середину: выбирать людей умныхъ и только имъ позволять высказывать себѣ правду, но и то только о тѣхъ предметахъ, о которыхъ онъ самъ ихъ спроситъ. Само собою разумѣется, что онъ долженъ ихъ разспрашивать о всемъ и выслушивать ихъ мнѣнія, а дѣла рѣшать самъ. Со своими совѣтниками онъ долженъ обращаться такъ, чтобъ они получили убѣжденіе, что тотъ ему болѣе нравится, кто бо-

лѣе свободно говоритъ. За тѣмъ, онъ не долженъ подчинять себя никакому вліянію и слѣдовать неуклонно по избранному пути, не допускать вторичныхъ разсужденій о рѣшенныхъ дѣлахъ и не перерѣшать ихъ. Тотъ, кто слушая льстецовъ, будетъ поступать иначе, погубитъ себя или будетъ презираемъ за непостоянство взгляда и за безпрестанное колебаніе. Въ подтвержденіе, приведу одинъ примѣръ изъ новой исторіи. Патеръ Лука, пользовавшійся довѣренностью императора Максимиліана, говорилъ о немъ: хотя онъ ни съ кѣмъ не совѣтуется, но при всемъ томъ поступаетъ всегда противъ собственнаго убѣжденія. Это происходитъ отъ того, что онъ дѣйствуетъ діаметрально противоположно тому, что сказано выше. Будучи скрытенъ, онъ не открываетъ никому своихъ мыслей и не спрашиваетъ ничьего мнѣнія. Когда же, при развитіи своихъ предположеній и при приведеніи ихъ въ исполненіе, встрѣчаются непредвидѣнныя затрудненія или препятствія, то онъ уступаетъ тѣмъ мнѣніямъ, которыя ему дадутъ послѣ, и едва онъ успѣваетъ сдѣлать какое нибудь распоряженіе, какъ на слѣдующій день оно отмѣняется. Поэтому, никогда нельзя догадаться, чего онъ хочетъ и никогда нельзя полагаться на ненарушимость его рѣшенія.

Государь обязанъ спрашивать совѣтовъ въ то время, когда онъ самъ въ нихъ нуждается, а не тогда, когда другіе желаютъ ему ихъ давать, а непрошенныхъ долженъ отучать отъ совѣтовъ. Спрашивая о мнѣніи, должно выслушивать истину со вниманіемъ, не сердясь за нее, даже обнаруживать неудовольствіе за чье нибудь нежеланіе сказать правду.

Очень ошибаются тѣ, которые думаютъ, что совѣщаясь

съ другими, государь роняетъ свое достоинство, и что его будутъ считать неспособнымъ понимать дѣла. Государь, не понимающій самъ дѣлъ, не можетъ имѣть и хорошихъ совѣтниковъ, исключая развѣ, еслибъ по особенному счастію онъ нашелъ искуснаго министра и довѣрилъ ему вполнѣ всѣ заботы правленія. Только въ этомъ случаѣ, онъ будетъ получать хорошіе совѣты, но это не можетъ продолжаться долго, потому что тотъ же самый совѣтникъ его погубитъ. Государь, не имѣющій просвѣщеннаго ума, и спрашивающій мнѣнія многихъ лицъ, никогда не будетъ получать согласныхъ совѣтовъ и не будетъ умѣть ихъ согласить между собою. Каждый совѣтникъ будетъ преимущественно думать о своемъ собственномъ дѣлѣ. Люди вообще злы и дѣлаютъ добро только по принужденію. Однимъ словомъ: хорошіе совѣты, отъ кого бы они ни были даны, должны получать иниціативу отъ самого государя; а мудрые совѣты не могутъ сдѣлать государя мудрымъ.

Замѣчанія Реберга.

Никто не говорилъ такъ живо и такъ убѣдительно объ обыкновенномъ, но необходимомъ правилѣ: «бойся льстецовъ». Но слова Макіавеля: люди вообще злы — портятъ все дѣло. Еслибъ это было въ самомъ дѣлѣ такъ, то всѣ совѣщанія были бы только борьбою лукавства и хитрости, въ которой легко теряютъ игру обѣ стороны. Но вѣдь не всѣ люди злы, не всѣ своекорыстны, не всѣ имѣютъ предосудительныя страсти и не всѣ недостойны расположенія и довѣренности. Развѣ Генрихъ IV могъ почитать Сюлли за дурнаго человѣка? Да и захотѣлъ ли

бы Сюлли слыть за такого? Его могъ найдти только государь презиравшій лесть.

Въ двадцать второй главѣ, самъ Макіавель изобразилъ министра, которому государь долженъ довѣрять безусловно и котораго судьбу онъ долженъ связать съ своею собственною. Можно ли рѣшиться такъ довѣрять дурному человѣку, какъ бы уменъ онъ ни былъ?

ГЛАВА XXIV.

—

Отъ чего въ Италіи государи потеряли свои владѣнія.

Взвѣсивъ все вышеозначенное, оказывается, что при соблюденіи изложенныхъ мною правилъ, новый государь можетъ держаться на престолѣ также прочно, какъ наслѣдственный. Нѣкоторыя условія новаго государя даже болѣе выгодны, нежели условія наслѣдственнаго. Поведеніе новаго государя подлежитъ болѣе строгому обсужденію и если только онъ правитъ умно, то легко можетъ пріобрѣсти еще большую привязанность и уваженіе народа, нежели пріобрѣтаемыя простымъ правомъ наслѣдства. Вообще, люди занимаются болѣе настоящимъ, нежели прошедшимъ. Если имъ хорошо, то они спокойны, не требуютъ перемѣнъ и скоро переходятъ на сторону государя, а если онъ хорошо исполняетъ свои обязанности, то не встрѣтитъ недостатка въ защитникахъ. Если государь установитъ хорошіе законы, сформируетъ хорошія войска, окружитъ себя друзьями, самъ будетъ примѣромъ для другихъ, и ознаменуетъ свое царствованіе блестящими подвигами, то юность правленія не только не умень-

шитъ, но еще увеличитъ его славу. Напротивъ, двойной стыдъ ожидаетъ того, хотя бы наслѣдственнаго государя, который по необходимости потеряетъ свое государство.

Изучая исторію италіянскихъ государей, потерявшихъ, въ наше время, свои государства, какъ напримѣръ, короля неаполитанскаго, герцога миланскаго и другихъ, мы увидимъ, что причиною ихъ паденія была одна общая ошибка, а именно: что они пренебрегли сформированіемъ собственнаго войска, и прочими вышеописанными мѣрами. Притомъ же, не старались заслужить любви народа и привязать къ себѣ вельможъ. Только эта послѣдняя ошибка бываетъ причиною, что государь имѣющій армію, можетъ потерять свое государство. Филиппъ македонскій, не отецъ Александра великаго, а тотъ, который побѣдилъ Тита Квинтія, не имѣлъ обширнаго государства въ сравненіи съ римлянами и греками, на него напавшими, но при всемъ томъ, боролся съ ними нѣсколько лѣтъ, потому что самъ былъ воинственъ, и умѣлъ обращаться съ народомъ и привязалъ къ себѣ вельможъ. Хотя онъ потерялъ нѣсколько городовъ, но упорно держался въ остальной части своего королевства.

Если наши государи потеряли свои государства, коими правили впродолженіи долгаго времени, то это надобно приписать не несчастію, а собственному неблагоразумію и трусости. Они не думали о томъ, что обстоятельства могутъ измѣниться (обыкновенная ошибка людей, которые въ хорошую погоду не думаютъ о бурѣ), а когда пришла бѣда, то вмѣсто того чтобъ принимать мѣры къ своей защитѣ, бѣжали, разсчитывая, что народъ, наскучивъ побѣдителями, скоро призоветъ ихъ обратно. Такое поведеніе извинительно только въ такомъ случаѣ, когда рѣшительно

не остается другаго выбора. Непростительно пренебрегать тѣми средствами, кои имѣются въ виду и полагаться только на такое невѣрное и сомнительное, какъ обратный призывъ. Въ чужой помощи, средствѣ часто унизительномъ, иногда находятъ господина и властелина. Поэтому, государь долженъ искать защиты противъ непостоянства счастія въ самомъ себѣ и въ своемъ мужествѣ.

Замѣчанія Реберга.

Объясненія этой превосходной главы могли бы только ее испортить. Каждое слово въ ней поразительно вѣрно; она такъ ясно примѣняется къ исторіи нашего времени, что напрасно напоминать объ этомъ читателю.

ГЛАВА XXV.

Какое вліяніе на людскія дѣла имѣетъ счастіе и несчастіе, и какъ слѣдуетъ поступать въ томъ или въ другомъ случаѣ.

Многіе думали и думаютъ, что дѣла сего міра въ такой зависимости отъ Провидѣнія, что мудрость человѣческая не въ состояніи отвратить того, что предопредѣлено судьбою и что, слѣдовательно, напрасно брать на себя трудъ, давать дѣламъ направленіе, а лучше совершенно предаваться судьбѣ. Это мнѣніе еще болѣе укоренилось отъ огромныхъ переворотовъ, совершившихся предъ нашими глазами, и безпрерывно повторяющихся, вопреки всѣмъ нашимъ соображеніямъ. Было время, когда и я былъ склоненъ раздѣлять это мнѣніе. Но какъ этому совершенно противорѣчитъ дарованная человѣку свободная воля, то я пришелъ къ заключенію, что отъ судьбы можетъ зависѣть только половина человѣческихъ дѣлъ; другая же половина зависитъ отъ насъ самихъ.

Слѣпая сила случая можетъ быть сравнена съ быстрой рѣкой, которая выступая изъ береговъ наводняетъ долину, вырываетъ деревья съ корнями, опрокидываетъ строе-

нія и далеко уноситъ съ береговъ землю, ею смываемую. Во время такого наводненія, ничто не въ состояніи остановить ея разрушительной силы, которой уступаетъ все. Однакоже, при всемъ томъ, ничто не мѣшаетъ, въ предупрежденіе на будущее время такихъ же наводненій, построить въ такое время года,—когда рѣка войдетъ въ свое русло, — плотины и шлюзы для спуска излишней воды, когда она подымется, въ каналы, для отстраненія разрушительной ея силы. Точно также бываетъ съ судьбою: она стремится съ полною силою туда, гдѣ не находитъ преградъ.

Бросивъ взглядъ на Италію, бывшую театромъ огромныхъ переворотовъ, мы увидимъ какъ бы равнину безъ плотинъ и безъ валовъ. Еслибъ подобно Германіи, Италіи и Франціи, она имѣла достаточную военную силу, то была бы въ состояніи защищаться противъ непріятеля и не была бы наводнена иностранцами или, по крайней мѣрѣ, эти нашествія не были бы такъ пагубны.

Не буду говорить объ общихъ средствахъ противъ фортуны; но для лучшаго объясненія этого предмета въ частностяхъ, замѣчу, что не рѣдко случается, что государь, которому сегодня счастіе улыбается, завтра оно его покидаетъ, а между тѣмъ въ характерѣ и поступкахъ этого государя не происходитъ никакой перемѣны. Это слѣдуетъ приписать причинамъ объясненнымъ выше, т. е., что государи разсчитывающіе только на одно счастіе, неминуемо должны пасть, когда счастье ихъ покинетъ.

Государи соображающіе свои дѣйствія съ духомъ времени, рѣдко бываютъ несчастливы, между тѣмъ какъ счастіе не можетъ постоянно улыбаться тѣмъ, которые дѣйствуютъ противно духу времени. Доказательствомъ этому

служитъ то, что лица гоняющіяся за славою и богатствомъ идутъ различными путями: одинъ дѣйствуетъ осторожно и выжидаетъ; другой запальчивъ; одинъ употребляетъ силу, другой хитрость; одинъ достигаетъ цѣли однимъ путемъ, другой другимъ. Часто же случается, что изъ двухъ осторожныхъ одному удается, а другому нѣтъ. Нерѣдко случается, что изъ двухъ лицъ, изъ которыхъ одинъ дѣйствуетъ осторожно, а другой съ пылкостью, оба достигаютъ цѣли. Это зависитъ совершенно отъ различія обстоятельствъ, согласныхъ или несогласныхъ съ дѣйствіями. Это бываетъ причиною, почему, какъ объяснено выше, иногда, два совершенно различныхъ способа дѣйствій, ведутъ къ одной цѣли или что при одинаковомъ способѣ одинъ достигаетъ цѣли, а другой нѣтъ. Вотъ отъ чего происходитъ перемѣна въ счастіи: если кто нибудь поступаетъ осторожно, разсудительно и терпѣливо, согласно съ обстоятельствами, то все идетъ хорошо; но если съ перемѣною обстоятельствъ онъ не измѣнитъ своего способа дѣйствія, то не достигнетъ цѣли. Очень трудно найти такого разсудительнаго человѣка, который умѣлъ бы перемѣнить свое поведеніе, всегда кстати, частью отъ того, что трудно дѣйствовать противъ природныхъ наклонностей; частью же отъ того, что лице, которому до того времени все улыбалось при извѣстномъ способѣ дѣйствій, трудно убѣждается, что необходимо измѣнить этотъ способъ. Такъ случается съ людьми осторожными: когда нужно дѣйствовать смѣло, они колеблятся и потому должны погибнуть. Еслибъ они соображались съ духомъ времени и обстоятельствами, то въ судьбѣ ихъ не произошло бы никакой перемѣны.

Папа Юлій II, будучи характера пылкаго, дѣйствовалъ

всегда рѣшительно и всѣ его предпріятія увѣнчались успѣхомъ, потому что этотъ способъ соотвѣтствовалъ обстоятельствамъ. Стоитъ только вспомнить о его предпріятіи противъ Болоньи, въ то время, когда Джіовани Бентивоглio былъ еще живъ. Венеціяне были этимъ недовольны, а испанцы и французы думали сами сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ. Невзирая на то, онъ поступилъ съ свойственною ему пылкостью. Этотъ смѣлый шагъ удержалъ Венецію и Испанію: первую, потому что она думала тогда о завоеваніи цѣлаго Неаполитанскаго королевства. Франція же, кромѣ желанія сохранить дружескія отношенія съ папою, стремилась къ завладѣнію Венеціею и потому дала папѣ просимую имъ помощь. Такимъ образомъ, папѣ Юлію II-му, удалось въ такомъ предпріятіи, въ которомъ осторожность была бы неумѣстна. Еслибъ, подобно прочимъ папамъ, онъ долго колебался, то далъ бы Испаніи и Венеціи время приготовиться къ отпору, а французскій король нашелъ бы тысячу отговорокъ не помогать ему. Не буду исчислять всѣхъ его дѣйствій, которыя всѣ согласны съ вышеприведеннымъ случаемъ и всѣ увѣнчались успѣхомъ. Впрочемъ, еслибъ онъ жилъ долѣе, то можетъ быть испыталъ бы другую судьбу. Еслибъ встрѣтились обстоятельства, требующія осторожности, то можетъ быть и онъ испыталъ бы неудачи, потому что по неукротимости характера, не былъ бы въ состояніи измѣнить способа своихъ дѣйствій.

Изъ всего этого можно вывести слѣдующее заключеніе: тѣмъ, которые не умѣютъ перемѣнять своей системы, въ то время, когда обстоятельства этого требуютъ, можетъ удаваться только до тѣхъ поръ, пока система согласна

съ обстоятельствами; съ перемѣною же обстоятельствъ, они должны встрѣтить неудачу.

Впрочемъ, полагаю, что всегда лучше дѣйствовать рѣшительно, нежели медленно, потому что счастіе похоже на женщину, которая уступая силѣ, сопротивляется противъ робкаго и всегда болѣе благосклонна къ молодымъ людямъ, смѣлымъ и предпріимчивымъ.

Замѣчанія Реберга.

Опытъ жизни и исторія подтверждаютъ все изложенное выше.

Каждое столѣтіе имѣетъ свой особенный характеръ, а каждый народъ отличительный вкусъ, понятія и чувства. Многія событія, кажущіяся случайными, потому что не могутъ быть объяснены, имѣютъ бо́льшій или мѐньшій оттѣнокъ современнаго духа. Только тотъ можетъ надѣяться совершить великія дѣла, котораго таланты соотвѣтствуютъ современнымъ требованіямъ и кто съумѣетъ ихъ приспособлять какъ слѣдуетъ. Не всегда возможно опредѣлить съ точностью отношенія одного дѣйствующаго человѣка къ окружающимъ его обстоятельствамъ и подвести его дѣйствія подъ общія правила. Въ исторіи, какъ и въ обыденной жизни, часто встрѣчается что-то необъяснимое, разстроивавшее самые обдуманные планы. Это происходитъ отъ того, что планы не соотвѣтствовали современному духу. Старая пословица говоритъ: «кто утромъ встаетъ съ кровати лѣвой ногой, тотъ цѣлый день будетъ спотыкаться и подвергнется опасности сломать себѣ ногу». Кто, по несчастію, въ началѣ своего жизненнаго поприща сдѣлаетъ неправильный шагъ, тотъ часто, втеченіи цѣ-

лой жизни, не можетъ придти въ тактъ, и встрѣчаетъ повсюду неудачи.

Самые большіе таланты, самые возвышенные характеры, соотвѣтствуютъ только извѣстному времени. Счастливъ человѣкъ, который будучи одаренъ блестящими способностями, можетъ приспособить ихъ, пока его періодъ еще не прошелъ, или человѣкъ, умѣющій найти моментъ, когда ему слѣдуетъ кончить свою общественную дѣятельность, во избѣжаніе неудачъ и чтобъ не быть вынуждену уступить свое мѣсто другимъ, хотя менѣе его способнымъ, но болѣе его удовлетворяющимъ, въ тотъ моментъ, современнымъ требованіямъ.

Макіавель хорошо понималъ, что нельзя начертать для человѣка правилъ, какъ онъ долженъ дѣйствовать, не обращая вниманія на то, въ состояніи ли онъ исполнить ихъ по своимъ способностямъ и характеру. Въ одномъ письмѣ къ Пьеро Содерини *), въ которомъ Макіавель пишетъ, не какъ наставникъ государей, а сообщаетъ искренно свое мнѣніе, онъ выразилъ это превосходно: Подобно тому, какъ природа дала людямъ разныя лица, они имѣютъ различные характеры. Съ другой стороны, одно время не похоже на другое. Кто съумѣетъ угадать духъ времени и поступать сообразно съ нимъ, тому все должно удаваться; несчастливъ же тотъ, кто будетъ находиться въ противорѣчіи съ этимъ духомъ. Времена и обстоятельства измѣняются такъ часто, что человѣку невозможно измѣняться съ ними. Еслибъ нашелся человѣкъ могущій предвидѣть будущія обстоятельства, то онъ не претерпѣвалъ бы никогда неудачъ, или по крайней мѣрѣ, избѣгнулъ бы несчастія. Еслибъ нашелся такой, то людямъ казалось бы, что онъ повелѣваетъ звѣздами и судьбою; но на свѣтѣ нѣтъ такихъ людей. «Человѣкъ не можетъ перемѣнить своей природы».

*) Въ 6-й части его сочиненій. Флорентійское изданіе 1783 года стр. 51.

Если человѣкъ не можетъ перемѣнить своей природы, если его дѣйствія зависятъ отъ одной вѣрной оцѣнки современныхъ обстоятельствъ, если удача или неудача зависятъ отъ характера и расположенія духа, то все то, на чемъ основана цѣлая система Макіавеля, оказывается ложнымъ, а именно, что будто для успѣха въ предпріятіяхъ государь долженъ руководствоваться всегда безстрастно только однимъ холоднымъ разсчетомъ ума. Въ концѣ главы, гдѣ Макіавель дѣлаетъ обзоръ всѣхъ дѣйствій монарха и такъ вѣрно предсказываетъ исходъ ихъ, онъ самъ сознается, что отъ великаго человѣка требуется что-то еще кромѣ ума, а именно—сердца или души.

ГЛАВА XXVI.

—

Воззваніе къ Италіи, объ освобожденіи себя отъ чужеземнаго господства.

Разсматривая все изложенное выше и обдумывая, благопріятствуютъ ли нынѣшнія обстоятельства установленію въ Италіи новаго, выгоднаго для нея правленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ славнаго для основателя, мнѣ кажется, что для этого никогда не было болѣе благопріятнаго времени.

Если, какъ объяснено выше, необходимо было, чтобъ для оцѣнки высокихъ способностей Моусея, израильтяне находились въ рабствѣ въ Египтѣ, а для оцѣнки доблестей Кира, персы находились подъ игомъ мидійцевъ, а для славы Тезея, аѳиняне были разсѣяны, то для того чтобъ Италія могла показать доблести и таланты того мужа, кому предоставлено судьбою освободить ее, также необходимо, чтобъ наше несчастное отечество пало, а италіанцы впали еще въ большее рабство, чѣмъ израильтяне и персы, чтобъ они были разсѣяны какъ аѳиняне, не имѣли ни главы, ни порядка и чтобъ были угнетены, разорены, разрываемы и порабощены иностранцами.

Правда, иногда являлись мужи съ такими талантами, что казалось будто они были низпосланы самимъ Богомъ

для освобожденія человѣчества, но завистливая фортуна покидала ихъ среди самаго дѣла и наше несчастное отечество стонетъ и сохнетъ въ ожиданіи освободителя, который положитъ конецъ разоренію и опустошенію Ломбардіи, Тосканы и Неаполитанскаго королевства и исцѣлитъ нанесенныя имъ раны. Посмотрите, какъ народъ умоляетъ Господа о низпосланіи мужа, который спасъ бы его отъ своеволія и жестокости варваровъ. Посмотрите, какъ онъ жаждетъ идти за знаменемъ того, кто его подыметъ.

Но въ цѣлой Италіи нѣтъ человѣка, на кого она могла бы разсчитывать, исключая знаменитаго дома, который, будучи видимо покровительствуемъ небомъ и церковью, можетъ блестящими своими качествами, могуществомъ и счастливою звѣздою, взять на себя это благородное дѣло, не трудное, если будутъ умѣть руководствоваться правилами приведенными мною выше. Хотя въ нихъ выставлены мужи рѣдкіе и достойные удивленія, но они все-таки были люди. Никогда обстоятельства не были такъ благопріятны, какъ теперь. Нужно ли прибавлять, что на вашей сторонѣ будетъ правда. Ихъ требованія были не болѣе законны, нежели ваши, и Богъ не покровительствовалъ имъ болѣе, нежели вамъ. Само человѣколюбіе требуетъ, чтобъ народъ обратился къ оружію, когда у него не остается другаго средства. Не разсчитывайте ни на что болѣе какъ на оружіе. Всѣ обстоятельства благопріятствуютъ исполненію этого прекраснаго подвига и достаточно идти только по слѣдамъ великихъ людей, приведенныхъ мною въ примѣръ. Нужно ли, чтобъ говорило само небо? Были примѣры, что и оно выражало свою волю небесными знаками; море открывало свое дно; облака

показывали путь, который надлежало избрать; скала низвергала воду и съ неба падала манна. Все соединилось для вашего величія. Но Богъ не дѣлаетъ всего, потому что не хочетъ ограничивать нашу свободную волю и оставляетъ намъ часть той славы, которая будетъ намъ принадлежать соразмѣрно нашимъ дѣламъ.

Если ни одинъ монархъ не былъ въ состояніи совершить то, чего ожидаютъ отъ вашего дома, и если Италія была всегда несчастлива въ своихъ войнахъ, то это происходило отъ того, что вмѣсто устарѣлаго способа веденія войны, не соотвѣтствующаго современнымъ требованіямъ, она не съумѣла ввести новаго.

Ничто такъ не увеличаетъ славы государя, какъ установленіе хорошихъ законовъ и учрежденій. Всякій согласится, что Италія способна принять новыя формы. У нашего народа нѣтъ недостатка въ мужествѣ, но у него недостаетъ предводителя. Доказательствомъ тому служатъ дуэли и разныя частныя стычки, въ которыхъ италіянцы очень искусны, между тѣмъ какъ у насъ совершенно исчезло искусство давать сраженія массами. У насъ всякій думаетъ, что онъ знаетъ дѣла лучше другаго и потому не хочетъ повиноваться своему начальнику. Это происходитъ отъ того, что у насъ не явился еще человѣкъ, который превосходилъ бы другихъ своими доблестями и который съумѣлъ бы заставить себѣ повиноваться слѣпо. Вотъ почему, втеченіи двадцати лѣтъ, наши арміи, сформированныя изъ италіянцевъ, всегда были побиваемы. Это подтверждаютъ сраженія при Тарѣ, Александріи, Капуа, Генуи, Ваилѣ, Болоньи и Местри.

Если вашъ знаменитый домъ будетъ слѣдовать примѣру нашихъ предковъ, освободившихъ нашъ край отъ иноземцевъ, то прежде всего слѣдуетъ сформировать собственныя національныя войска, такъ какъ только на доброту и вѣрность такихъ войскъ можно разсчитывать. Если каждый солдатъ въ отдѣльности будетъ хорошъ, то они сдѣлаются еще лучшими подъ личнымъ предводительствомъ государя, умѣющаго ихъ цѣнить и награждать.

Такимъ образомъ, чтобъ быть въ безопасности отъ чужеземнаго нашествія, необходимо имѣть войска, собранныя въ своемъ краю. Хотя швейцарская и испанская пѣхота почитаются страшными, но и онѣ имѣютъ свои недостатки, которыхъ можно избѣгнуть при формированіи собственныхъ войскъ. Испанцы не способны выдерживать кавалерійской аттаки, а швейцарцы легко уступаютъ натиску, когда встрѣчаютъ такую же стойкую пѣхоту, какъ они сами. Опытъ показалъ, что испанская пѣхота не въ состояніи держаться противъ французской кавалеріи, а швейцарская пѣхота противъ испанской пѣхоты. Хотя объ этомъ послѣднемъ мнѣніи мы еще не имѣемъ положительныхъ данныхъ, но оно подтверждается сраженіемъ при Равеннѣ, въ которой испанская пѣхота сражалась противъ нѣмецкой, построенной также какъ швейцарцы. Испанцы, прикрываясь щитами, бросились, съ свойственною имъ пылкостью, на нѣмецкія пики и нѣмцы нашлись въ необходимости отступить. Еслибъ къ нимъ не подоспѣла на помощь кавалерія, то они потерпѣли бы совершенное пораженіе.

Слѣдовательно, при формированіи войска, надобно наблюдать, чтобъ оно не имѣло недостатковъ ни швейцарской пѣхоты, ни испанской кавалеріи и чтобъ оно могло держаться противъ французской кавалеріи. Сформированіе

такого войска будетъ способствовать къ увеличенію могущества и славы монарха.

Теперь обстоятельства такъ благопріятствуютъ Италіи разбить свои цѣпи, что имъ нужно непремѣнно теперь же воспользоваться. Съ какимъ одушевленіемъ и благодарностью эти несчастныя провинціи, такъ давно страждущія подъ ненавистнымъ имъ владычествомъ, встрѣтятъ человѣка, который возьметъ на себя освободить ихъ отъ нынѣшняго ига? Невозможно описать ту жажду, съ которою его ожидаютъ италіянцы, такъ сильно пострадавшіе отъ чужеземныхъ нашествій; съ какою нетерпѣливостью они ожидаютъ случая, когда получатъ возможность отомстить за себя; съ какою вѣрностью, преданностью и любовью, будутъ ему повиноваться, сколько прольютъ за него слезъ благодарности? Какой городъ не отворилъ бы ему своихъ воротъ? Дерзнула ли бы зависть поднять противъ него свою голову? Можетъ ли найтись хотя одинъ италіянецъ, который бы не былъ готовъ идти за нимъ? Вѣдь всѣмъ опротивѣло чужеземное господство!

Да рѣшится вашъ доблестный домъ на этотъ подвигъ, одушевляясь мужествомъ и надеждою, съ которыми сопровождается всякое правое дѣло. Да возвратитъ наше отечество подъ вашими знаменами свою прежнюю славу, и да исполнится пророчество Петрарка:

Virtu contra furore
Prenderà l'arme, e fia'l combatter corto
Che l'antico valore,
Negl' italici cuor non è ancor morto.

(Добродѣтель подыметъ оружіе противъ дикаго изступленія и скоро рѣшится исходъ сраженія, ибо храбрость не умерла еще въ груди итальянцевъ.)

Замѣчанія Реберга.

Воззваніе Макіавеля замѣчательно по своему образцовому краснорѣчію.

До нынѣшняго столѣтія, въ Италіи не нашелся государь, который соединилъ бы италіянцевъ въ одно государство, далъ бы имъ новыя учрежденія и доставилъ имъ независимость. Интриги разрывали край по прежнему и онъ оставался долго игрушкою чужеземной политики. Одинъ изъ новѣйшихъ италіянскихъ писателей Сисмондъ де-Сисмонди, съ кипучею кровью своихъ предковъ выразившій не менѣе Макіавеля неумолимую жажду возвести своихъ соотечественниковъ на ту степень духовнаго и нравственнаго развитія, къ которой она предназначена по природнымъ своимъ способностямъ, но сочиненія котораго исполнены болѣе нравственнаго чувства, нежели сочиненія Макіавеля, въ своей: «Histoire des republiques de l'Italie» приписываетъ причину глубокаго упадка италіянцевъ, со времени XV-го столѣтія, паденію большой Ломбардской республики, паденію, повлекшему за собой уничтоженіе всѣхъ остальныхъ республикъ средней Италіи и порабощеніе всей націи чужому господству. Понятно, что дикія насилія, которыми сопровождалось, нѣсколько разъ, пріобрѣтеніе и потеря господства надъ италіянскими провинціями и городами, превращались всякій разъ въ неутолимый чувственный развратъ, обращавшійся въ общее безчувственное изнеможеніе, въ то время, когда послѣ какого нибудь лица достигшаго верховной власти, ему спокойно наслѣдовало его потомство. Но противъ этого не защищаетъ и республиканское правленіе.

Въ исторіи Венеціанской республики (Histoire de la re-

publique de Venise), составленной Дарю изъ достовѣрныхъ источниковъ, видно, что во время начала, развитія и упадка ея конституціи, тамъ образовался тотъ же характеръ, который существовалъ въ современныхъ италіянскихъ монархіяхъ.

Въ народѣ, раздираемомъ партіями, скорѣе развиваются всѣ его духовныя силы, но не однѣ худыя, но и лучшія, благороднѣйшія. Поэтому, въ республикахъ являются, даже во время самой большой испорченности нравовъ, великіе люди, между тѣмъ какъ въ деспотическомъ правленіи не можетъ родиться то, что Макіавель называетъ: «virtu». Она скоро исчезла во Флоренціи, во время правленія великихъ герцоговъ и съ этой стороны избраніе Висконти и Сфорца государями въ Миланѣ, имѣло на народъ самое пагубное вліяніе. Но едва ли Италія могла пріобрѣсти независимость чрезъ возстановленіе одной Медіоланской республики. Она, подобно тосканскимъ республикамъ, имѣла бы только одно стремленіе, вмѣсто составленія большой федераціи для общей защиты Италіи противъ иностранцевъ, самой угнетать слабѣйшихъ сосѣдовъ. Такіе примѣры показываетъ исторія древней Греціи.

Заключеніе Реберга.

Общій взглядъ на все сочиненіе Макіавеля, производитъ какое-то странное впечатлѣніе. Каждое разсужденіе, каждый совѣтъ, каждое соображеніе такъ вѣрны, что невозможно сопротивляться силѣ его краснорѣчія и нельзя не увлекаться за его потокомъ. Предположивъ одну основную мысль, невозможно лучше его развить ее. Непре-

мѣнно должно случиться такъ, какъ предсказываетъ Макіавель. Слѣдовательно, чтобъ не упасть въ пропасти лежащія на пути, необходимо, для достиженія цѣли, слѣдовать его совѣтамъ. Однакоже, при всемъ томъ, въ глубинѣ души есть что-то, не позволяющее согласиться съ авторомъ. Макіавель можетъ смѣло сдѣлать вызовъ, чтобъ опровергнули всякія его умозаключенія. / По этому, цѣлое сочиненіе Макіавеля, нельзя почитать ни за что другое, какъ только за игру ума. / Это въ самомъ дѣлѣ такъ. Нѣтъ и помину объ участіи къ судьбѣ людей, объ ихъ чувствахъ и о томъ, чтобъ они были счастливы, между тѣмъ какъ только это составляетъ цѣль гражданскаго общества. Упущено все зависящее отъ сердца, отъ участія къ судьбѣ другихъ и отъ душевнаго стремленія къ прекрасному и высокому, главной цѣли всѣхъ людскихъ побужденій. По этому, читатель поражается удивленіемъ, но остается неудовлетвореннымъ. Нравственнаго чувства Макіавель какъ бы не имѣлъ или оно было подавлено политическими страстями. Онъ достигъ того, чего можно достигнуть исключительно только однимъ умомъ. По этому, даже и тѣ разсужденія и принципы господствующіе въ книгѣ, кои наводятъ ужасъ на читателя, могутъ научить многому. Ни одинъ политическій писатель не развивалъ съ такимъ остроуміемъ людскія дѣянія съ ихъ послѣдствіями, какъ Макіавель, и при всемъ томъ у него нѣтъ и слѣда обыкновенныхъ ошибокъ остроумія — слишкомъ большой утонченности. Никто не умѣлъ лучше его попасть на исходную точку, отъ которой зависитъ все остальное. Подобно тому, какъ говорятъ о его великомъ соотечественникѣ Микель-Анжело Боунароти, что ударяя рѣзцомъ о мраморъ, онъ никогда не ошибался на волосъ въ глубинѣ, и

Макіавель съумѣлъ выразить все однимъ словомъ, безъ всякихъ искусственныхъ фразъ, запутывающихъ предметъ, а говоритъ сильнымъ міра сего, прямо все, что у нихъ лежитъ скрытно на душѣ. Таковъ и слогъ его. Извѣстно, что италіянцы почитаютъ его за перваго своего прозаика. У него нѣтъ того многословія, занутанности и натянутости въ періодахъ, въ которыя впадаютъ большая часть италіянскихъ писателей, составляющихъ какъ бы свойство италіянскаго языка. Книга «Монархъ» отличается, въ особенности, совершенствомъ изложенія, сжатостью слога и силою выраженія. Въ этомъ отношеніи она удовлетворяетъ самой строгой взыскательности. Невозможно лучше объяснить, какъ достигнуть верховной власти и какъ удержать ее, не обращая вниманія ни на что.

Но это стремленіе къ владычеству сопровождается всѣми страшными фуріями злобы, силы, хитрости, вѣроломства и безстыдства со всѣми ихъ спутниками: недовѣріемъ подвластныхъ и скрытностью оскорбленнаго сердца. Все это представляется читателю въ ужасномъ сплетеніи и не перестаетъ его преслѣдовать. У всякаго, кто самъ углублялся въ причины историческихъ событій, невольно рождается вопросъ: какъ согласить прошедшія дѣянія съ тѣми, которыя возможны въ будущности и съ тѣмъ, какъ бы слѣдовало поступать по неоспоримымъ принципамъ справедливости?

Изслѣдованіе этихъ вопросовъ тѣмъ болѣе занимательно, что нѣтъ надобности предполагать въ послѣдователѣ Макіавеля совершенную безчувственность къ благу человѣчества и одушевленіе только однимъ славолюбіемъ. Только мечтатели, составляющіе планы объ улучшеніи рода человѣческаго и взаимныхъ отношеній людей, могутъ увлечься принципами Макіавеля и смотрѣть на отдѣльныя личности лишь какъ на оружіе для достиженія великихъ и благихъ, по ихъ мнѣнію, высшихъ цѣлей, и приносить для нихъ въ жертву всѣ обязательства, основанныя на обыкновенныхъ правилахъ нравственности и справедливости.

Въ такомъ родѣ политика научаемая Макіавелемъ, явилась въ недавнее время, въ философической формѣ, прикрываясь личиною нравственнаго правила: «цѣль извиняетъ средства». Но сколько ни благопріятствуютъ этому правилу людскія страсти, извиняющія свои поступки тѣмъ, что будто дѣйствуютъ для высшихъ цѣлей, но обыкновенное чувство правды, такъ глубоко вкоренено въ человѣческомъ сердцѣ, что рѣдко встрѣчаются люди, которые рѣшились бы не обращать вовсе вниманія на правду.

Часто это тайное чувство нравственныхъ обязанностей подавляется; но оно всегда пробуждается. Отъ этого происходитъ, что люди въ своихъ дѣяніяхъ (такъ гласитъ одно изъ самыхъ знаменитыхъ и вѣрныхъ замѣчаній самого Макіавеля *) никогда не бываютъ ни совершенно злы, ни совершенно добры и потому въ великихъ предпріятіяхъ бываютъ неудачи.

Они желали бы, но не смѣютъ, а не смѣя—не хотятъ. Они начинаютъ въ надеждѣ, что случай совершитъ остальное. Но если этотъ случай не встрѣтится, то не рѣшаются сдѣлать того шага, котораго необходимость сами могли предвидѣть. Въ столкновеніи обстоятельствъ, всякій считаетъ позволительнымъ нѣкоторое вѣроломство, измѣну и нарушеніе общихъ законовъ нравственности и правды.

---

*) Discorsi, lib. 1, cap. XXVII.

Но когда приходится нанести послѣдній смѣлый ударъ, ведущій къ цѣли, то сердце отказывается. Еслибъ эти люди были добры, то не предпринимали бы вовсе дѣла, которое неминуемо должно было ихъ запутать. Еслибъ они были злѣе, то не размышляя, преслѣдовали бы свою цѣль до конца, жертвуя всѣмъ, потерявъ можетъ быть что нибудь, но за то достигнули бы того, чего желали.

И при всемъ томъ, они можетъ быть достигнули бы цѣли только въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Но къ чему ведетъ послѣдовательное, безнравственное поведеніе? Можно ли такимъ образомъ достигнуть цѣли, достойной дѣйствительно возвышенной души? Самъ Макіавель сознается, что нѣтъ,— ибо требуетъ отъ своего идеальнаго монарха чтобъ невзирая на свое внутреннее равнодушіе къ нравственности и правдѣ, онъ старался слыть за человѣка обладающаго всѣми добродѣтелями, совѣтуя ему, въ тоже время, пренебрегать ими въ душѣ. Въ какой степени все это возможно исполнить, объяснено выше.